

A portrait of Gasparo Contarini, a Venetian statesman and scholar. He is depicted from the chest up, wearing a red cap and a red robe with a high collar and buttons. He has a full beard and is looking slightly to the left. The background is dark and indistinct.

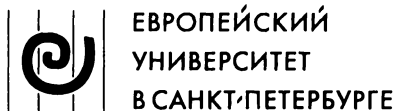
GASPAR

NO
CONTARINI

ГАСПАРО КОНТАРИНИ

О МАГИСТРАТАХ
И УСТРОЙСТВЕ
ВЕНЕЦИАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

[RES·PVBLICA]

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

GASPARIS CONTARENI CARDINALIS OPERA.

PARISIIS.

Apud Sebastianum Niuellium, sub Ciconiis in via Iacobæ.

1571

CVM PRIVILEGIO REGIS.

[RES·PVBLICA]

ГАСПАРО КОНТАРИНИ

О МАГИСТРАТАХ
И УСТРОЙСТВЕ
ВЕНЕЦИАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Пер. с латинского,
вступ. статья и комментарии
М. А. Юсима

Под ред.
М. М. Крома и О. В. Хархордина

Санкт - Петербург
2 0 1 3

УДК 94(450)
ББК 63.3(4Ита)
К65

Книга издана при содействии фонда «Династия»

Рецензент: Л. Г. Климанов

Контарини Гаспаро

О магистратах и устройстве Венецианской республики

К65 / Гаспаро Контарини ; пер. с лат., вступ. статья и коммент. М. А. Юсима; под ред. М. М. Крома и О. В. Хархордина. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 222 с.
([RES PUBLICA]; вып. 7)

ISBN 978-5-94380-138-9

Гаспаро Контарини (1487–1542), государственный деятель Венецианской республики и в последние годы своей жизни кардинал Католической церкви, получил известность как один из вождей партии «спиритуалов», сочувственно относившихся к идее религиозных реформ, и как автор богословских и политических сочинений. Наибольшей популярностью по сей день пользуется его трактат об устройстве Светлейшей Венеции (Serenissima), который стал хрестоматийным в своем жанре и немало способствовал распространению «венецианского мифа», представлений об оптимальном государственном строе, выработанном Адриатической республикой. Этот труд Контарини оказал плодотворное влияние на европейскую политическую мысль, будучи переведенным с латыни на английский и другие европейские языки. Теперь он впервые выходит в свет и на русском.

УДК 94(450)
ББК 63.3(4Ита)

В оформлении обложки использован портрет
Гаспаро Контарини, приписываемый Антонио Мариа Креспи
по прозвищу Бустино (между 1613 и 1621 г., Милан, Библиотека Амброзиана)
(фото предоставлено Fotobank.ru, перепечатка запрещена)

© М. А. Юсим, перевод на русский
язык, вступительная статья и
комментарии, 2013

© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2013

© Princeton University Press, E. Muir,
Civic Ritual in Renaissance Venice, 1981

ISBN 978-5-94380-138-9

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

[7]

М. А. Юсим

ГАСПАРО КОНТАРИНИ И ЕГО ТРАКТАТ
О ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

[10]

Гаспаро Контарини
О МАГИСТРАТАХ И УСТРОЙСТВЕ
ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

[49]

Книга первая

[50]

Книга вторая

[78]

Книга третья

[98]

Книга четвертая

[124]

Книга пятая

[142]

Эдвард Мюир
ВЕНЕЦИАНСКИЙ МИФ

[161]

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

[213]

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

[217]

Предлагаемая вниманию читателей книга является первым изданием трактата Гаспаро Контарини «О магистратах и устройстве Венецианской республики» на русском языке. Сочинение венецианского дипломата, ставшего в конце жизни кардиналом, занимает особое место в истории республиканской мысли. Эта книга стала основным описанием институтов республиканского правления в Венеции. До конца XVI века появилось восемь изданий латинского текста, а английский перевод сэра Льюиса Льюкенора (1599) повлиял сначала на культуру елизаветинской эпохи в Англии (как мы знаем, Шекспир пользовался этим переводом при написании «Отелло»¹), а потом и на ключевые тексты английской революции, например на произведения Мильтона и Харрингтона². Внецианский миф существовал и до Контарини, но именно в его работе, почти сразу же изданной на четырех языках, эта модель оформлена в виде политического трактата, использовавшегося потом в публицистике английской, американской и французской революций³.

¹ *McPherson D. C. Shakespeare, Jonson and the Myth of Venice.* Newark: University of Delaware Press, 1990. P. 69–90.

² См. первое подробное исследование этого вопроса: *Fink Z. S. Venice and English Political Thought in the Seventeenth Century* // *Modern Philology.* 1940. Vol. 38. N 2. Nov., и классическую статью: *Bouwma W. J. Venice and the Political Education of Europe* // *Renaissance Venice* / Ed. by J. R. Hale. London: Faber, 1973. P. 445–466.

³ *Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition.* Princeton: Princeton University Press, 1975. Ch. 9 (Giannotti and Contarini), 11–15.

Перевод выполнен известным специалистом по истории и культуре ренессансной Италии доктором исторических наук М. А. Юсимом⁴. Им же написана вступительная статья, которая знакомит с биографией Гаспаро Контарини (1483–1542) и помогает поместить его сочинение в политический и культурный контекст той эпохи. В работе американского историка Эдварда Мюира, также публикуемой в нашем издании в переводе М. А. Юсима, трактат венецианского гуманиста рассматривается именно в контексте создаваемого многими поколениями венецианского мифа.

Любой перевод — это всегда интерпретация. Когда Контарини в 20-х годах XVI в. описывал на языке Цицерона знакомые ему с детства реалии родного города, уже возникло некое несоответствие между античной политической теорией и венецианскими реалиями (например, названиями магистратов), для которых, естественно, существовали обозначения в итальянском языке того времени. Впоследствии, когда трактат переводился с латыни на итальянский, французский, английский языки, а теперь и на русский, возникали все новые и новые интерпретации, все более полифоничным становился диалог разных культур, разных политических традиций. В нашем издании мы попытались донести до читателя эту перекличку терминов и смыслов, характерных для разных стран и эпох. Соответствующие пояснения даны переводчиком в его комментариях к тексту трактата. Кроме того, редколлегия сочла необходимым поместить в конце книги систематический указатель основных общественно-политических терминов, употребленных в латинском тексте, и их соответствий в итальянском и английском переводах XVI в. и в настоящем русском переводе: эту работу выполнил А. А. Вовин.

⁴ Его перу принадлежат, в частности, работы о творчестве Н. Макиавелли и восприятии его идейного наследия в России (см.: Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России. М., 2011), а также многочисленные переводы (см., например: *Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции* / Пер., статья и примеч. М. А. Юсима. М., 1997; и др.).

Первоначальная версия перевода стала предметом обсуждения на семинаре исследовательского центра «Res Publica» весной 2011 года. Переводчик и редакторы благодарят всех коллег, принявших участие в обсуждении рукописи, а также рецензента книги Л. Г. Климанова за ценные замечания и предложения, учтенные в окончательном варианте текста.

*М. М. Кром, О. В. Хархордин,
декабрь 2011 года*

ГАСПАРО КОНТАРИНИ И ЕГО ТРАКТАТ О ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Гаспаро Контарини — одна из наиболее любопытных, ярких, одаренных личностей эпохи Реформации, эпохи образования великих национальных держав и начала европейской экспансии в мире. Он был одним из высших иерархов католической (то есть вселенской) Церкви в момент, когда преодоление реформационного раскола, нанесшего еще один удар по ее универсализму, кому-то казалось еще возможным. При его участии было достигнуто предельное сближение с позициями протестантов, хотя, как показал ход событий, преодолеть неизбежность, видимо, не было шансов. В других обстоятельствах Контарини мог бы достичь еще более впечатляющих вершин, может быть, стать дожем или папой, а возможно, судьба уготовила бы ему тяжелые испытания, если бы он не умер в самом начале Контрреформации. В то же время Гаспаро Контарини оставил след в истории не только и не столько как талантливый дипломат, честный церковный деятель и венецианский патриот, но и как автор ряда оригинальных сочинений, не последнее, если не первое, место среди которых занимает политический трактат об устройстве его родного города.

Ретроспективный взгляд дает возможность лучше оценить события прошлого и деяния их участников, потому что потомкам становятся известны отдаленные последствия этих событий и деяний, они лучше видят их масштаб и способны проследить их влияние. Однако ретроспективный взгляд имеет свои недостатки: знание результатов и исторические перемены мешают увидеть происходившее так, как видели его современники, отвлечься от общей картины и проникнуться злобой

М. А. Юсим

[RES-PUBLICA]

дня. Это важно и в повествовании об отдельных людях, когда детали завершившейся биографии иногда мешают почувствовать неординарность ее поворотов.

Кардинал Контарини написал большинство своих произведений, еще не будучи кардиналом, да и вообще почти всю жизнь (52 года из 59) он провел как совершенно светский человек, пройдя карьерный путь, характерный для большинства венецианских патрициев¹. Почти все сочинения Контарини, за исключением одного², были опубликованы (в современном смысле слова, то есть вышли из-под печатного станка) уже после его смерти, многие в составе собрания его сочинений, изданного в 1571 г. в Париже³. Однако это не значит, что автор писал для себя или в ожидании лучших времен, просто его труды предназначались для узкого круга читателей, часто для конкретных лиц, с которыми он полемизировал или которым по их просьбе высказывал свою точку зрения⁴. В совокупности эти сочинения, как и сохранившаяся обширная переписка⁵, представляют собой богатый источник сведений для восстановления не только литературной биографии Контарини, но и

¹ Термин «патриций», обозначавший принадлежность к венецианскому правящему классу, закрепился в исторической литературе также скорее ретроспективно; в официальных документах использовался латинский термин *nobilis*.

² «*Tractatus contradictoris*» (примерный перевод: «Суждение несогласного»), написанный в ответ на сочинение его учителя Пьетро Помпонацци «*De immortalitate animae*» («О бессмертии души») и включенный последним в порядке полемики в издания его трудов в 1518 и 1525 гг. См.: *Gleason E. G. Gasparo Contarini: Venice, Rome, and Reform. Berkeley: University of California Press, 1993. P. 76. N 6* (далее — *Gleason*).

³ *Gasparis Contareni Cardinalis Opera. Paris, 1571* (далее — *Contarini. Opera. P. ...*). Переиздания: Venezia, 1578; 1589.

⁴ Сочинения Гаспаро Контарини имели хождение в рукописях; например, один из самых популярных его трактатов «*De officio episcopi libri II*» («Две книги об обязанностях епископа») имелся в собрании будущего папы Павла IV Джанпьеро Караффы. Трактат был написан еще в 1517 г. и имел посвящение юному другу Контарини и его братьев, Пьетро Липпомано, который тогда, в 13-летнем возрасте, стал епископом Беграмо. См.: *Fragnito G. Cultura umanistica e riforma religiosa. Il "De officio viri boni ac probi episcopi" di G. Contarini // Studi veneziani. 1969. Vol. XI. P. 75–189.*

⁵ См., в частности: *Dittrich F. Regesten und Briefe des Cardinals Gasparo Contarini (1483–1542). Braunsberg, 1881* (далее — *Regesten...*).

его жизненного пути в целом. О последнем можно сказать, что это был жизненный путь человека творческого и думающего, но посвятившего себя практической, а точнее, говоря современным языком, общественной и политической деятельности. Таким образом, основные вехи биографии Гаспаро Контарини были обозначены его избранием на те или иные административные и церковные должности, а развитие его мысли так или иначе переплеталось с этими житейскими поворотами: одни сюжеты привлекали его внимание по мере обретения ими злободневной актуальности, к другим он возвращался на новом этапе, развивая идеи, уже высказанные в юности.

Историки изучали творчество и деятельность Контарини прежде всего в контексте Реформации. В XIX в. наиболее весомый вклад в исследование его наследия внесли немецкие ученые⁶, в частности Франц Диттрих, опубликовавший письма и биографию Контарини⁷.

В дальнейшем библиография работ о Гаспаро Контарини, сегодня насчитывающая много десятков названий, также пополнялась в первую очередь исследованиями, посвященными его роли церковного дипломата и писателя⁸. Отдельные группы составляют статьи, основанные на переписке Контарини с друзьями⁹, и относительно немногочисленные труды, специ-

⁶ *Brieger Th.* Gasparo Contarini und das Regensburger Concordienwerk des Jahres 1541. Gotha, 1870; *Christoffel R.* Des Kardinals G. Contarini Leben und Schriften // *Zeitschrift für historische Theologie*. 1875. Bd. 45. S. 165–265; *Pastor L., von.* Die Correspondenz des Cardinals Contarini während seiner deutschen Legation (1541) // *Historisches Jahrbuch der Görresgesellschaft*. 1880. Bd. 1. S. 321–392, 473–501.

⁷ *Dittrich F.* Regesten...; *Idem.* Gasparo Contarini. Eine Monographie. Braunsberg, 1885; *Idem.* Nachträge zur Biographie Gasparo Contarinis // *Historisches Jahrbuch der Görresgesellschaft*. 1887. Bd. 8. S. 271–283.

⁸ Из общих работ о Контарини следует упомянуть: *Bianchini G.* Un magistrato-cardinale del secolo XVI. Venezia, 1895; *Fragnito G.* Gasparo Contarini. Un magistrato veneziano al servizio della cristianità. Città di Castello, 1988; *Gaspare* Contarini e il suo tempo. Atti del convegno di Venezia, 1–3 marzo 1985 / A cura di F. C. Romanelli. Venezia, 1988. См. также библиографическую статью: *Ross J. B.* The Emergence of Gasparo Contarini: A Bibliographical Essay // *Church History*. 1972. Vol. 41, N 1. March. P. 22–45.

⁹ См., в частности: *Ross J. B.* Gasparo Contarini and His Friends // *Studies in the Renaissance*. 1970. Vol. 17. P. 192–232; *Furey C.* The Communication of Friendship: Gasparo

ально затрагивающие его дипломатическую и политическую карьеру.

Некоторым обобщением и вместе с тем пересмотром накопленных более чем за столетие знаний о венецианском кардинале и политике явилась изданная в 1993 г. американским историком Элизабет Глизон фундаментальная монография «Гаспаро Контарини: Венеция, Рим и Реформа»¹⁰. В ней дан подробный биографический очерк и рассмотрены основные сочинения кардинала, поэтому ниже она используется в качестве своего рода компендиума, как источник для многочисленных ссылок и цитат. За последние 20 лет появилось всего несколько работ, в том или ином отношении дополняющих монографию Глизон¹¹.

Сочинение Контарини об устройстве Венецианской республики обрело широкую известность и часто цитируется в общих трудах по истории Венеции и истории политической мысли, но посвященных собственно этому трактату исследований немного¹². Значительная часть из них связана с характеристикой и изучением влияния английского перевода трактата Контарини, который был опубликован в конце XVI в.

Contarini's Letters to Hermits at Camaldoli // *Church History*. 2003. Vol. 72, N 1. March. P. 71–101.

¹⁰ См. с. 11, примеч. 2.

¹¹ *Douglas-Scott M.* Jacopo Tintoretto's Altarpiece of St Agnes at the Madonna dell'Orto in Venice and the Memorialisation of Cardinal Contarini // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1997. Vol. 60. P. 130–163; *Sperling J.* The Paradox of Perfection: Reproducing the Body Politic in Late Renaissance Venice // *Comparative Studies in Society and History*. 1999. Vol. 41, N 1. Jan. P. 3–32; *Finlay R.* The Immortal Republic: The Myth of Venice during the Italian Wars (1494–1530) // *Sixteenth Century Journal*. 1999. Vol. 30, N 4. P. 931–944; *Furey C.* Erasmus, Contarini, and the Religious Republic of Letters. Cambridge, 2006; *Arnold C.* Die römische Zensur der Werke Cajetans und Contarinis (1558–1601). Grenzen der theologischen Konfessionalisierung. Paderborn, 2008.

¹² *Hackert H.* Die Staatsschrift Gasparo Contarinis und die politischen Verhältnisse Venedigs im sechzehnten Jahrhundert. Heidelberg, 1940; *Gilbert F.* The Date of the Composition of Contarini's and Giannotti's Books on Venice // *Studies in the Renaissance*. 1967. Vol. 14. P. 172–184; *Idem.* Religion and Politics in the Thought of Gasparo Contarini // *Action and Conviction in Early Modern Europe: Essays in memory of E. H. Harbison / Ed. by T. K. Rabb, J. E. Seigel*. Princeton, 1969. P. 90–116.

Льюисом Льюкенором¹³. Что касается отечественной литературы, то здесь есть только спорадические упоминания о Контарини и краткие отзывы о его личности и творчестве преимущественно в переводных изданиях¹⁴.

* * *

Гаспаро Контарини родился 26 октября 1483 г. в Венеции, почти в одно время с Мартином Лютером (10 ноября того же года), умер 24 августа 1542 г. в Болонье. Он принадлежал к ветви многочисленного и знаменитого семейства Контарини, одного из самых знатных в Венеции и входившего в число тех, кто, по преданию, избирал первого дожа¹⁵. Всего известно 8 дождей и множество государственных и церковных деятелей, в том числе 4 патриарха Венеции, которые вышли из этой семьи¹⁶. У родителей будущего кардинала Альвизе Контарини и Поликсены Малипьеро было одиннадцать детей, Гаспаро являлся самым старшим¹⁷. Семейным делом была торговля, но

¹³ McPherson D. Lewkenor's Venice and Its Sources // *Renaissance Quarterly*. 1988. Vol. 41, N 3. Autumn. P. 459–466; Platt P. G. "The Meruailouse Site": Shakespeare, Venice, and Paradoxical Stages // *Renaissance Quarterly*. 2001. Vol. 54, N 1. Spring. P. 121–154.

¹⁴ Если говорить об устройстве Венецианской республики, то ему посвящен ряд статей Л. Г. Климанова: 1) Венецианские «секретари»: о политической культуре итальянского города // *Городская культура: средневековье и начало нового времени* / Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1986. С. 98–126; 2) *Cor nostri status*: историческое место канцелярии в Венецианском государстве // *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)* / Под ред. В. И. Рутенбурга, И. П. Медведева. Л., 1990. С. 80–105; 3) *Quod sunt cives nostri*: статус венецианского гражданства в XIV в. // *Культура и общество Италии накануне нового времени*. М., 1993. С. 28–38; 4) *Consilia et Officia*: историографические заметки о венецианской бюрократии // *Античная древность и средние века*. Вып. 39. Екатеринбург, 2009. С. 339–351.

¹⁵ Gleason. P. 1. См. также: *Fragmito G. Gasparo Contarini* // *Dizionario biografico degli italiani*. 1983. Vol. 28. [http://www.treccani.it/enciclopedia/gasparo-contarini_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/gasparo-contarini_(Dizionario-Biografico)).

¹⁶ Титул патриарха глава венецианской митрополии получил в середине XV в., унаследовав его от патриарха Градо.

¹⁷ Gleason. P. 5, n. 13. У отца Гаспаро были еще сын и дочь, рожденные вне брака, — явление, достаточно распространенное в то время. Хотя незаконнорожденные

благодаря выдающимся способностям Гаспаро предоставили возможность получить образование в Падуанском университете, где в большинстве своем учились венецианские патриции. Контарини посещал университет с 1501 по 1509 г., но не получил ученой степени из-за начавшейся войны Камбрейской лиги¹⁸. Он изучал греческий язык, математику, астрономию, богословие, но больше всего сочинения Аристотеля. Говорили, что он запомнил их так хорошо, что «если бы все произведения Аристотеля были вдруг утрачены, он смог бы восстановить их по памяти»¹⁹. Впрочем, в сочинениях Контарини все ссылки на Аристотеля — латинские, так что восстановленным был бы, видимо, латинский вариант. Самым знаменитым аристотеликом Падуанского университета был в то время профессор Пьетро Помпонацци, или Пьеретто, как его звали в просторечии, автор сомнительного с точки зрения Церкви учения о бессмертии души, точнее о невозможности его рационального доказательства²⁰. Контарини позднее полемизировал с ним (см. с. 11, примеч. 2), но следы некоторого влияния Помпонацци и размышлений Контарини в этот период можно усмотреть в позднейшую эпоху, когда развернулись дискуссии о путях спасения. Кардинал отстаивал тогда тезис об оправдании верой, а этот тезис логически и философски связывается с утверждением о самоценности добродетели, высказанным падуанским профессором. Если добродетель не

дети не обладали всей полнотой прав, они могли достигать высокого положения в обществе (вспомним о детях церковных прелатов и даже пап). Так, один из четырех незаконнорожденных племянников Контарини унаследовал его должность епископа Беллуно, получив специальную легитимацию папы (ср. с. 18–19 и примеч. 28, 29).

¹⁸ Gleason. P. 8. О Камбрейской лиге см. примеч. 94 к тексту трактата.

¹⁹ “Bernardo Navagero, one of his friends, declares hyperbolically that Contarini knew Aristotle's works so well that if all of them were lost he would have been able to write them again from memory” (ibid. со ссылкой на: *De Leva G. Della vita e delle opere del cardinale Gasparo Contarini // Rivista periodica dei lavori della I. R. Accademia di scienze, lettere ed arti in Padova. 1863. Vol. 12. P. 53*).

²⁰ “Mihi namque videtur, quod nullae rationes naturales adduci possunt, cogentes, animam esse immortalem, minusquam probantes, animam esse mortalem...” (*Petri Pomponatii. Mantuani Tractatus de Immortalitate Animae. Tubingae, 1791. Cap. XV. P. 120*).

нуждается в воздаянии, то и добрые дела, будучи хороши сами по себе, не помогают заслужить спасение, — это отрицание арифметического, «коммерческого» подхода к проблемам греха, покаяния и воздаяния. Другими словами, греха нужно избегать, потому что он дурен, а не из боязни наказания, купить прощение невозможно, к добродетели же следует стремиться ради нее самой.

Другим известным аристотеликом и учеником Помпонаци, также полемизировавшим с ним, был Агостино Нифо, автор исправленного в благочестивом духе латинского варианта «Государя» Макиавелли, опубликованного ранее его прототипа²¹ (“De regnandi peritia”, 1521). Любопытно, что в эти же годы в Падуе учился еще один интеллектуальный революционер, Николай Коперник²².

С точки зрения духовного формирования Контарини в период обучения в Падуе важнейшим было, вероятно, его общение с группой молодых людей патрицианского круга во главе с Томмазо Джустиниани²³. Джустиниани и другой приятель Контарини, Винченцо Кверини, покинули университет в 1502 и 1505 гг. соответственно, но будущий кардинал после своего возвращения в Венецию в 1509 г. возобновил тесное общение с ними; частично опубликована их переписка с 1511 по 1523 г.²⁴ Она интересна тем, что показывает, насколько много сходства в духовных переживаниях европейцев этих предреформационных и первых реформационных лет и насколько близкие темы волновали образованных венецианцев и их современников севернее Альп, включая ровесника Гаспаро Контарини Мартина Лютера²⁵ (напомним, что Венеция сосед-

²¹ Первое печатное издание «Государя» относится к 1532 г.

²² Коперник изучал в Падуе медицину и связанную с ней астрологию (1501–1503 гг.). См.: *Nicolaus Copernicus* // *Stanford encyclopedia of philosophy*. <http://plato.stanford.edu/entries/copernicus>.

²³ *Gleason*. P. 9 ff.; *Ross J. B. Gasparo Contarini and His Friends*.

²⁴ Письма Контарини: *Jedin H. Contarini und Camaldoli*. Roma, 1953.

²⁵ Контарини даже испытал духовный перелом в Страстную Субботу, 24 апреля 1511 г., который определил его взгляд на оправдание верой и который сравнивают с «Видением в башне» Лютера, которое реформатор пережил примерно в эти же

ствовала с владениями Габсбургов и в дальнейшем занимала самостоятельную, не всегда проримскую позицию в конфессиональном конфликте, то есть поддерживала стремление императора прийти к соглашению с протестантами). Трех друзей обуревали глубокие религиозные чувства, побуждавшие их к мучительным размышлениям о греховности человека, путях спасения и выборе жизненных путей, которые при некотором сходстве оказались у всех них различными. Самый старший, Джустиниани (1476–1528), избрал путь отшельника, вступил в орден камальдулов²⁶ под именем Павла, основал обитель, соблюдавшую строгий устав, и после смерти был причислен к лику блаженных. Винченцо Кверини (1478–1514)²⁷ стремился следовать по стопам своего друга Джустиниани, но испытывал серьезные сомнения относительно правильного житейского выбора, и его судьба сложилась несколько иначе. Уже в 1506–1507 гг., то есть вскоре после достижения совершеннолетия по венецианским меркам, Кверини выполнял миссию посла при герцоге Бургундском Филиппе Красивом и при его отце императоре Максимилиане. Но в 1511 г. он, как и Джустиниани годом раньше, вступил в орден камальдулов. Вместе со своим другом и единомышленником Кверини написал обращение к папе Льву X — очередной призыв к внутреннему преобразованию Церкви, который остался не услышанным, однако папа решил возвести Кверини в сан кардинала, чему помешала преждевременная смерть 36-летнего венецианца. В отличие от Джустиниани, Гаспаро Контарини склонял мнительного Кверини к принятию сана и к исполнению гражданского и церковного долга в миру, поскольку сам занимал вполне определенную позицию в характерной для всей ренессансной эпохи дискуссии о преимуществах активной или

годы: *Jedin H. Ein 'Turmerlebnis' des jungen Contarini // Historisches Jahrbuch der Görresgesellschaft. 1951. Bd. 70. S. 115–130; Gleason. P. 13–18.*

²⁶ Орден камальдулов, основанный в XI в., придерживался бенедиктинского устава в наиболее строгом варианте.

²⁷ См. о нем: *Bowd S. D. Reform before the Reformation: Vincenzo Querini and the Religious Renaissance in Italy. Leiden a.o., 2002.*

созерцательной жизни. Его собственная карьера в дальнейшем напоминает судьбу Кверини, реальную и ту, которая могла быть ему уготована, с той разницей, что сам Контарини был намного более тверд и последователен в своих поступках. Оценивая биографию Гаспаро Контарини, следует иметь в виду, что «для венецианского патриция социальным пространством, в котором он мог достичь самореализации, было государство, а не семья, как во Флоренции, и здесь идеалом для некоторых личностей могло стать безбрачие... Сыновья, различавшиеся интересами и способностями, сочетали служение государству в скромных или даже значительных размерах с заботами о семье и ее имуществе, сложном средоточии частных, но контролируемых государством интересов в сфере торговли, мореплавания, иногда банковского дела и промышленности — они составляли экономический фундамент республики и позволяли некоторым членам правящего класса полностью посвятить себя общественному благу... Например, из семи братьев в семье Гаспаро только он и Томмазо, оба не вступавшие в брак, сделали государственную карьеру, а из пяти остальных только двое продолжили род»²⁸. Любопытные соображения на этот счет приводятся в сочинении Контарини «Опровержение лютеранских статей, или вопросов» (1530–1535): «...нет сомнения, что холостая жизнь более совершенна и приспособлена для созерцания божественных вещей, чем семейная. Ибо домашние заботы отвлекают дух человека от созерцания, и любовное вождение привносит в божественное дуновение частицу земного, так что человек не может помышлять при этом ни о чем серьезном, как Философ /Аристотель/ говорит в “Этике”... Так как человек есть животное гражданское, а чрезмерное множество граждан, как показывают фило-

²⁸ Ross J. B. Gasparo Contarini and His Friends. P. 200, n. 31. В то же время нужно иметь в виду, что «исполнение выборных общественных должностей до самого падения Республики продолжало рассматриваться как обязательный гражданский долг и, исключая некоторые объективные мотивы, не терпело отказа» (Климанов Л. Г. *Consilia et Officia*... С. 346). Таким образом, религиозная стезя была почти единственной альтернативой государственной службе.

софы, мешает общественному благу, то безбрачие некоторых людей весьма полезно для благой и блаженной жизни общества»²⁹.

Первые шаги на ниве общественного служения Гаспаро Контарини делает в 1512 г., когда неудачно баллотируется на должность посла в Венгрии; позднее, уже вступив на дипломатическую стезю, он замечает в письме к другу, назначенному послом в Англию, что это звание «прекрасно, и почетно, и подобно призванию ученого, хотя последнее и выше»³⁰. В 1516–1518 гг. молодой по венецианским меркам патриций исполняет поручения экономико-административного характера; его избирают в состав комиссии, занимавшейся учетом земель в области Полезине, которые предполагалось передать гражданам в счет оплаты государственного долга. Об этом Контарини позднее вспоминает в своем политическом трактате. Наконец, осенью 1520 г. он был назначен послом к императору Священной Римской империи Карлу V Габсбургу (1500–1558), который незадолго до этого достиг совершеннолетия и вступил на престол. Это был период разгара Итальянских войн, основными соперниками в которых выступали Франция и Испания, королем последней фактически стал Карл еще до избрания императором. Собственно итальянские государства, которые не могли тягаться с этими державами на равных, примыкали к одной из сторон, вступая в различные коалиции. В 1508–1509 гг. почти все участники Итальянских войн объединились против Венеции, завладевшей немалыми территориями на Терраферме, и только разногласия между союзниками, прежде всего между папой Юлием II и Фран-

²⁹ “Nulli dubium esse, vitam coelibem perfectiorem esse, magisque aptam rerum divinarum contemplationi, quam vitam eius qui uxorem habeat. Nam & rei domesticata cura distrahit animum hominis a contemplatione; & voluptas venerea adfigit humi divinae particulam auras, adeo ut nihil serius in ea homo cogitare possit, ut dicit Philosophus in Ethicis... Imo cum homo civile sit animal, nimiaque civium multitudo officiat bono civitatis, ut philosophi probant, multum confert bonae & foelici hominum vitae nonnullorum hominum coelibatus” (*Contarini. Opera.* P. 574).

³⁰ “Tal vita è bellissima et honoratissima, simillima a quella di studii, se non che questa è maggior” (*Regesten...* S. 252; *Gleason.* P. 26, n. 119).

цией, спасли Светлейшую республику от полного разгрома. В конфликте испанцев и французов Венеция занимала чаще всего профранцузскую позицию, и задачей Контарини было сохранение хотя бы ее нейтралитета, однако в 1523 г. Венеции пришлось вступить в союз с императором и папой, направленный против Франции. Сопровождая двор Карла, Контарини побывал в Нидерландах и Англии, затем три года провел в Испании. В Брюгге он встретился с Томасом Мором, автором знаменитой «Утопии» и, хотя их беседа касалась вопросов дипломатии, отозвался о нем как «об очень образованном английском кавалере»³¹. В 1521 г. будущий кардинал присутствовал на драматическом Вормсском рейхстаге, где решалась судьба Мартина Лютера, но с ним не встречался и вообще в тот момент был мало озабочен назревающей Реформацией³². В целом, хотя внешнеполитическая ситуация очень затрудняла решение задач, стоявших перед молодым дипломатом, его первый опыт был удачным в том смысле, что Контарини приобрел уважение императора и других сильных мира сего как умный и обходительный партнер по переговорам.

По завершении дипломатической миссии Гаспаро Контарини вступил в должность Мудреца по делам террафермы (Savio di terraferma), одного из пяти членов комиссии, занимавшейся управлением венецианскими владениями на материке, а также получил должность капитана, то есть военного коменданта принадлежавшего тогда Венеции ломбардского города Брешии, от которой впоследствии отказался. Любопытно, что Контарини пришлось внести в государственную казну 1000 дукатов, полученных в подарок от Карла V в бытность послом при его дворе, хотя Контарини заявил о собственных служебных затратах на ту же сумму³³. (И в следующий раз, после пребывания в составе посольства в 1530 г., ему

³¹ Gleason. P. 30. Мор находился в свите кардинала Уолси, который приехал в Брюгге для переговоров с императором.

³² Ibid. P. 37.

³³ Ibid. P. 39.

пришлось отдать подаренные 1,5 тыс. дукатов.) В Италии тем временем сформировался новый антигабсбургский союз — Коньякская лига, действия которой были неудачными и, в частности, привели к разгрому Рима в мае 1527 г. и изоляции папы Климента VII Медичи в замке Св. Ангела, окруженном германскими ландскнехтами. Новые дипломатические поручения Контарини были связаны с этими событиями: в 1527 г. он ездил к герцогу Феррарскому Альфонсо I Эсте, чтобы убедить его присоединиться к лиге, а в 1528 г. занял пост посла к папе. Ему предстояло решать сходные задачи, но дело осложнялось тем, что в трудные для Климента времена Венеция заняла принадлежавшие папскому престолу города Равенну и Червию под предлогом их защиты от произвола немецких наемников. В силу обстоятельств цели, поставленные перед Контарини, не были достигнуты: города пришлось вернуть папе, а с императором, который в 1529 г. прибыл в Италию, — заключить мир (испанцам также был окончательно передан ряд владений Венеции на юге Италии, полученных в залог от короля Фердинанда II в конце XV в.: Трани, Бриндизи, Отранто и Галлиполи). Тем не менее венецианский посол установил доверительные отношения с Климентом VII, уважение императора к нему только укрепилось, да и правительство Венеции было удовлетворено тем, как Контарини вел дела. Вообще эта схема: отрицательный результат в сочетании с демонстрацией блестящих способностей и почти совершенным выбором линии поведения, характерна для многих поворотов биографии талантливого политика и писателя, как и ряда его современников. Может быть, такой исход диктовала эпоха позднего Возрождения, когда люди выдающейся доблести были вынуждены уступать могуществу фортуны. Во время бесед с папой Контарини апеллировал к общетальянскому патриотизму и к необходимости для главы Церкви ставить интересы христианства выше своекорыстия. Климент, не опровергая его доводов высказывается в том духе, который совершенно напоминает характеристику, данную Макиавелли его предшественнику, папе Александру VI

Борджиа³⁴: «Вы правы... Но я вижу — мир пришел в такое состояние, что, кто более лукав (*astuto*) и более изворотливо (*con maggior trama*) обдeldывает свои дела, того больше хвалят, считают более достойным человеком (*più valente uomo*) и больше прославляют, а кто поступает наоборот, про того говорят, что хотя он человек хороший, а цена ему грош (*non val niente*)»³⁵.

Впрочем, на переговорах венецианский дипломат и сам выказывает достойную Макиавелли утонченность; беседуя с императором, он «подчеркнул, что, как верный слуга, позволяет себе заметить, что ни сам Карл V, ни его советники не понимают природы итальянцев. Он [Контарини] искусно воспротивился плану испанцев удержать за собой крепости на миланской территории в качестве залога верности герцога³⁶, говоря, что в этом случае народ сочтет настоящими хозяевами Милана испанцев и не станет платить герцогу налогов, тогда последний не сможет собрать контрибуции для императора»³⁷. 24 февраля 1530 г. Контарини по поручению правительства присутствовал на коронации императора в Болонье, затем вернулся домой. После миссии к папе на протяжении пяти лет он занимал административные должности высшего ранга: еще до своего возвращения был избран в число шести советников дожа, затем неоднократно входил в состав Совета десяти и трех его глав, — этот орган отвечал за безопасность республики, но к этому времени сосредоточил в своих руках и другие важные функции. Все эти должности были временными, одна-

³⁴ «Государь», гл. XVIII: Александр VI не занимался ничем иным и не помышлял ни о чем, кроме того, чтобы обманывать людей, и всегда находил, с кем это проделывать. Не было человека, который бы с большим рвением настаивал на своих утверждениях и подкреплял их более сильными клятвами и в то же время меньше с ними считался; тем не менее все обманы удавались ему *ad votum*, ибо в подобных мирских делах он знал толк.

³⁵ Цит. по: Гвиччардини Ф. Сочинения / Пер. А. К. Дживелегова. М.: Л., 1934. С. 55; Regesten... S. 44; Gleason. P. 52.

³⁶ Франческо Мария Сфорца (1495–1535) — последний герцог этой династии, после которого Миланом окончательно завладели испанцы.

³⁷ Gleason. P. 57.

ко фактически постоянно перераспределялись среди представителей узкого круга аристократов (нескольких десятков человек), так что принадлежность к этому кругу означала действительное участие в управлении Венецианским государством. Сохранившиеся документы, в том числе решения комиссий с участием Контарини, показывают, что во внешней политике он был сторонником мира ценой компромиссов, а в вопросах духовной юрисдикции и назначения на церковные должности, что всегда было камнем преткновения, а впоследствии, в начале XVII в. привело к бурному конфликту с папством, придерживался умеренной позиции, не принадлежа ни к проримской, ни к антиримской партии³⁸. О его отношении к государственной службе говорит эпизод, рассказанный хронистом Марино Сануто: во время сильного снегопада на заседание Малого совета не явилась половина советников и сам дож; одним из трех пришедших был Контарини³⁹.

Несколько неожиданный с сегодняшней точки зрения поворот произошел в судьбе Гаспаро Контарини, когда 21 мая 1535 г. папа Павел III назначил его кардиналом (сначала он получил титул кардинала — диакона церкви Санта Мария ин Аквиро, затем Сан Витале). Само по себе избрание светского лица на этот пост не было уникальным событием (до сравнительно недавнего времени такая практика еще сохранялась в католической Церкви), впрочем, вскоре Контарини принес священнические обеты. Что же касается собственно поворота в его биографии, то он объясняется, скорее всего, желанием папы, который до этого был кардиналом Алессандро Фарнезе, использовать на службе Церкви и в деле ее уже неотвратимого реформирования прекрасно зарекомендовавшего себя дипломата и венецианского сановника, обладавшего умом, образованием, талантом, связями и, главное, способностью примирять конфликтующие стороны. Не для всех кардинальская шапка была привлекательной; ее отверг, например, Эразм Роттер-

³⁸ Ibid. P. 70 ff.

³⁹ Ibid. P. 73, n. 336.

дамский, избранный одновременно с идейно близким ему Контарини, но последний, не чуравшийся, как мы видели, светской карьеры, в новом назначении усматривал, вероятно, и новые возможности общественного и божественного служения. Когда известие о его избрании достигло Венеции, влиятельный патриций Альвизе Мочениго, обычно конфликтовавший с ним на политической сцене, сказал: «Эти попы отняли у нас самого выдающегося дворянина в городе»⁴⁰.

Как показал дальнейший ход событий, ожидания папы оправдались в том смысле, что Контарини, как и его единомышленники, спиритуалы, эразмианцы, или евангелисты, продемонстрировал перед всеми заботу Церкви о восстановлении собственного единства, ее готовность к переговорам и стремление приступить к необходимым преобразованиям. Нельзя сказать, что Римская курия просто манипулировала этими людьми, но объективная потребность в их наличии была продиктована скорее политической конъюнктурой, желанием императора установить мир в Германии, запросами общественного мнения. Те, кто занимал апостольский престол, если и не представляли себе отчетливо, то ощущали, что кардинальным образом изменить сложившуюся в католической Церкви систему, со всеми ее недостатками, невозможно. Этим объясняется долгое бездействие пап в деле реформирования еще до Лютера и в первые десятилетия нового движения, а также консерватизм тех жестких мер, которые в конце концов были приняты в эпоху Тридентского собора. Людей, которые, как Контарини, искренне верили в возможность очищения и воссоединения Церкви, становилось все меньше.

В июле 1536 г. Контарини был назначен главой комиссии по выработке предложений о грядущих реформах в преддверии созыва вселенского собора. В составе комиссии было еще 8 прелатов, в том числе известные сторонники преобразований Якопо Садолето, Реджинальд Пол и Джампьерро Карафа (впоследствии он изменил свою позицию, в 1555 г. был избран

⁴⁰ Gleason. P. 74.

папой под именем Павла IV и прославился своей суровостью). В марте 1537 г. в консистории (собрании кардиналов) был оглашен результат работы комиссии — “*Consilium de emendanda ecclesia*” (буквально «План по улучшению Церкви»), в котором перечислялись существующие недостатки и злоупотребления: погоня за доходами, продажа должностей, обмирщение и невежество клира, чрезмерные налоги. Важнейшей особенностью *Consilium*’а было положение о том, что лишь в духовном отношении власть папы является абсолютной, подобную точку зрения Контарини высказывал ранее в своем трактате “*De potestate pontificis*” («О власти папы», 1529)⁴¹. *Consilium* отрицал тезис о том, что воля папы — закон и что он имеет право требовать вознаграждения за духовные благодеяния. Фактически речь шла о посягательстве на неограниченную власть папы, и поэтому *Consilium* подвергся критике со стороны церковных юристов. Что же касается реакции протестантов, то после его публикации в нескольких изданиях в 1538 г., в том числе и на немецком языке, они сочли позицию его авторов лицемерием, выдающим порочность католической Церкви⁴². Отношение большинства кардиналов и других членов курии к предложениям комиссии было более чем настороженным, так что в конечном счете этим планам суждено было остаться лишь на бумаге.

Однако попытки преобразований продолжились при активном участии Контарини. В апреле 1537 г. он возглавил комиссию Четырех кардиналов по реформированию Датарии, финансового ведомства, куда стекались доходы от диспенсаций, пошлин и всевозможных транзакций, на которые требовалось разрешение папских властей. Позиция Контарини оставалась прежней: он выступал против продажи духовных благодеяний, считая их разновидностью святокупства: «Симония, — писал он в обращении к комиссии, — это желание продать или купить духовную вещь или нечто, к ней принад-

⁴¹ См.: *ibid.* P. 149.

⁴² *Ibid.* P. 156–157.

лежащее»⁴³. Намерения Контарини и его сторонников наталкивались на резкое противодействие тех лиц, которые получали прямые выгоды от существующей системы, а также тех, кто по каким-либо причинам опасался коренных реформ; к числу последних можно отнести и самого папу, вынужденного лавировать между партиями. Доводы противников преобразований напоминают критику хрущевских разоблачений культа личности: да, злоупотребления есть, соглашались консерваторы, но признание их наличия и борьба с ними дадут сильное оружие в руки протестантов и принесут больше вреда, чем пользы. О Контарини говорили, что он скорее философ, чем практик, пристрастен, не различает юридических тонкостей и смешивает плату за услугу с добровольными даяниями верующих духовным лицам за оказываемую последними помощь⁴⁴. Были у него и сторонники, например поэтесса Виктория Колонна, которая говорила, что он стоит у руля ладьи святого Петра и бережет ее от кораблекрушения⁴⁵. В 1539 г. комиссия Контарини была расширена до 8 человек, и ей было дополнительно поручено рассмотреть деятельность апелляционного суда (Роты) и Пенитенциарии, ведомства, занимавшегося вопросами отпущения грехов и связанных с ним взысканий. Злоупотребления в Пенитенциарии были поводом для самой острой критики как со стороны протестантов, так и внутри Церкви. Денежные вопросы всегда были самым большим камнем преткновения в человеческих отношениях, и так как в случае с Пенитенциарией были затронуты очень серьезные финансовые интересы, дело ограничилось несколькими чисто техническими нововведениями, и в 1540 г. ее реформирование было объявлено завершенным⁴⁶. Как показывает современный биограф Контарини Элизабет Глизон, папа Павел III, который на словах демонстрировал готовность к преобразованиям, а на деле не давал им продвинуться ни на

⁴³ Цит. по: *Gleason*. P. 162.

⁴⁴ *Ibid.* P. 161–165.

⁴⁵ *Ibid.* P. 149, n. 89.

⁴⁶ *Ibid.* P. 173.

шаг, при всем желании не мог действовать иначе. Он должен был лавировать между императором и французским королем, считаться с протестантской угрозой, с ростом цен и расходов, с запросами служителей курии, которые часто платили за места и рассматривали их как свое имущество. Тем не менее, как было ясно и самому кардиналу Контарини, папа Павел способствовал будущей католической реформе тем, что «привлек в Рим выдающихся людей, назначил их кардиналами... предложил им высказать свою позицию, предоставил возможность ее обсуждения и отнесся к ним с уважением»⁴⁷. Контарини участвовал в работе других комиссий при курии, занимал временный пост казначея коллегии кардиналов, сопровождал папу в поездке на встречу Карла V и французского короля Франциска I в Ницце в 1538 г. С 1536 г. кардинал был епископом венецианского диоцеза Беллуно, этот пост он принял, в частности, потому, что жил за счет церковных доходов, будучи сравнительно небогатым прелатом и не желая обременять свою семью (братьев) дополнительными затратами. Контарини не оставлял Беллуно своим пастырским попечением, но только на расстоянии, так как посетил его лишь дважды. Э. Глизон видит в этом явное противоречие с принципиальной позицией кардинала, боровшегося с абсентеизмом в Церкви: многие епископы годами не посещали свои кафедры, ограничиваясь получением доходов от них⁴⁸. Сходным образом, выступая за отмену значительной части выплат, поступавших в Датарии, Контарини не отказывался от финансируемого ими содержания. Впрочем, папа в любом случае не мог пойти на такую отмену, так как Датария была главным источником его текущих расходов. Все это свидетельствует об объективной невозможности революционных реформ в курии того времени⁴⁹.

⁴⁷ Ibid. P. 176.

⁴⁸ Ibid. P. 179 ff.

⁴⁹ Ibid. P. 181–185.

Одним из важнейших эпизодов биографии Контарини стало его участие в переговорах между католическими и протестантскими богословами, безуспешно проводившихся с начала 30-х гг. под нажимом императора, который стремился установить мир между своими подданными в Германии. Контарини был назначен легатом в мае 1540 г. как опытный дипломат и желательная для Карла V кандидатура, но только в марте 1541 г. он прибыл в Регенсбург, где должны были состояться переговоры параллельно с заседаниями имперского сейма. Кардинал получил от папы жесткие инструкции, почти связывавшие его по рукам и ногам, но и в данном случае он действовал как человек, осознающий почти безвыходность положения и все же пытающийся делать то, что считает своим высшим долгом⁵⁰. Многие, в том числе среди католиков, считали переговоры бесперспективными, к тому же положение и задачи Контарини и его сотоварища нунция Мороне усложнялись тем, что Павел III в качестве светского государя вел в это время беспощадную войну со своим вассалом Асканио Колонной, на стороне которого были симпатии германских князей. Религиозные прения проходили с конца апреля до конца мая 1541 г., в них участвовали шесть немецких богословов, по три с каждой стороны; Контарини руководил диспутом, не принимая в нем участия в качестве официального представителя папы⁵¹. Отличительной чертой регенсбургских прений, которые, как пишет сам Контарини⁵², давали последний шанс договориться, был определенный и для многих неожиданный успех — решение ключевого с точки зрения протестантов вопроса об оправдании верой. Далеко не в последнюю очередь это было заслугой Гаспаро Контарини, который еще в молодости много раздумывал над проблемами спасения и самостоятельно пришел к вы-

⁵⁰ Gleason. P. 180–201.

⁵¹ Ibid. P. 225.

⁵² «Будем просить о помощи Святого Духа, ибо если и на этот раз мы ничего не добьемся, все будет кончено» (“Preghiamo pur il santo spirito, che n'aiuti, che s' a questa volta non si fa qualche bene, actum erit”) (Regesten... S. 175; Gleason. P. 226, n. 165).

воду о том, что только вера в искупительную заслугу Христа способна отклонить человека от греха⁵³. Участники диспута пришли к компромиссу в формулировке этого пункта: в их интерпретации человеческая душа обладает двоякой праведностью, внутренне присущая праведность (*justitia inhaerens*) исходит от Христа, но предполагает некоторую свободу выбора между добром и злом, то есть свободу воли и взаимодействие с божественной благодатью. Главную же роль в спасении души играет вмененная, или дарованная, праведность (*justitia imputata*), которая является никак не воздаянием за поступки, а, скорее, атрибутом веры в преизбыточествующее Божье милосердие⁵⁴. Добрые дела являются лишь внешним признаком наличия подлинной веры. Принятая 2–3 мая 1541 г. формулировка 5 статьи обсуждавшейся «Регенсбургской книги», которая предлагала принцип двухступенчатого, как называет его Э. Глизон, оправдания⁵⁵, породила большие надежды в среде сторонников сближения. Впрочем, недовольство двусмысленной формулой некоторые богословы высказывали с самого начала, тупиковые ситуации сложились при обсуждении следующих статей: включение слова «транссубстанциация» в статью о евхаристии, главенство папы в Церкви и др. Сам Контарини выказал некоторое упорство при обсуждении этих пунктов, к тому же из Рима и от Лютера поступили предписания, исключавшие возможность взаимных уступок. Переговоры закончились, и вскоре Контарини вернулся в курию, где некоторые осуждали его действия, но папа принимал его неизменно любезно и по-прежнему давал ему важные поручения.

В январе 1542 г. кардинал был назначен легатом, то есть фактически правителем города Болоньи, второго по величине в папских владениях после Рима⁵⁶. В последние месяцы своей

⁵³ Об этом он пишет Джустиниани 24 апреля 1511 г., рассказывая о своем духовном прозрении, см. примеч. 25.

⁵⁴ Gleason. P. 228. Это характерный для Средних веков способ устранения противоречия между двумя точками зрения на один предмет путем его разделения на два предмета.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid. P. 277.

жизни ему довелось выполнять функции, в чем-то сопоставимые с функциями дожа в его родном городе, то есть обязанности правителя с ограниченными полномочиями, так как в Болонье местными делами заправлял сенат из нобилей, к тому же легат был лишь представителем папы. В эти месяцы Контарини вынужденно занимался множеством конфликтов разного рода, политических, церковных и гражданских, и чаще всего выступал в обычной для него, добровольно избранной роли миротворца. В своих последних произведениях он по-прежнему отстаивает принцип оправдания верой, не останавливаясь перед рискованными даже для того времени утверждениями: «...основание лютеранского здания вполне истинно, и мы не должны никоим образом оспаривать его, а должны счесть истинным и католическим, лежащим в основе христианского благочестия»⁵⁷. Свое мнение кардинал защищает с помощью вполне философских доводов: «...сегодня мы живем, завтра умрем. Жизнь человека, не говоря о христианине, заключается в выполнении долга... без ожиданий вознаграждения или наказания в будущей жизни. Выражаясь языком философов, мы должны следовать своей цели и не отступать от долга, как подсказывает нам природный разум и как скажет всякий философ, который исходит из принципов природного разума»⁵⁸. Контарини не был гуманистом в узком смысле слова⁵⁹, но, хотя время терпимости к разнообразию мнений уже прошло, его подход был ренессансно-гуманистическим по

⁵⁷ "Il fundamento dello aedificio de Luterani è verissimo, ne per alcun modo devemo dirli contra, ma accertarlo come vero et catholico, immo come fundamento della religione christiana" (Regesten... S. 458). Письмо кардиналу Полу «о покаянии» (Gleason. P. 294, n. 157).

⁵⁸ Цит. по: Gleason. P. 243, n. 229. Письмо к кардиналу Фарнезе от 29 мая 1541 г.

⁵⁹ «Меня не волнуют критические отзывы, особенно по части латыни и Цицероновского стиля, я забыл их много лет назад и с тех пор не вспоминаю». Цит. по: Gleason. P. 291, n. 145 со ссылкой на: Firpo M. Gli spirituali, l'Accademia di Modena e il formulario di fede del 1542: controllo del dissenso religioso e nicodemismo // Rivista di storia e letteratura religiosa. 1984. Vol. 20. P. 83: "Poco mi curo d'essere censurato, massime nella lingua latina et ciceroniana, che già molti anni mi ho scordato né più vi penso". Тем не менее трактат написан на латыни, которую в основном использовали гуманисты.

сути: «Мы не хотим приказывать вам, желая, чтобы ваше исправление было полностью добровольным и исходило от вас, как вы и хотели, и мы хотим еще больше вас, ибо всякий может быть добр только по доброй воле»⁶⁰.

Кардинал скончался в августе 1542 г., ему не пришлось совершать мучительный выбор позже, когда произошел окончательный поворот Церкви в сторону консервативных контрреформ. Некоторые его единомышленники оказались под судом инквизиции, а были и такие, кто принял протестантскую веру. Историческая память о кардинале Гаспаро Контарини связана, с одной стороны, с его реформационной деятельностью, а с другой — с его трактатом об устройстве Венеции, который приобрел широкую известность уже во второй половине XVI в., но, возможно, содействовал высокой репутации его автора в кругу образованных и часто высокопоставленных лиц, имевших возможность познакомиться с ним еще в 30-е годы (ср. ниже примеч. 76). Два источника, свидетельствующие об исторической значимости трудов и деятельности Контарини, на первый взгляд, имеют мало общего между собой, но глубинная связь между ними прослеживается. Она заключается в его пропаганде разумных и договорных начал в устройстве общества и в органическом сочетании утопических и реалистических черт, присущих его пониманию этого устройства. Это было характерно для ренессансного взгляда на мир, которого, в его позднем варианте, придерживался, очевидно, и Контарини⁶¹.

⁶⁰ “Non vogliamo comandarvi, desiderando che la vostra riforma sia in tutta voluntaria et che venga da voi come vedemo che desiderate et noi più che voi desideriamo che sia più che voluntaria, ché niuno puote essere buono se non è buono per volontà” (цит. по: Gleason. P. 282, n. 101, со ссылкой на: Casadei A. Lettere del Cardinale Gaspero Contarini durante la sua legazione di Bologna (1542) // Archivio storico italiano. 1960. Vol. 118. N 68. Письмо написано в связи с конфликтом в монастыре Св. Антония в Падуе).

⁶¹ Эти черты заметны, в частности, при сопоставлении с Макиавелли, который не был поклонником Венеции, но, как и Контарини, будучи дипломатом и политиком, писал с натуры и вместе с тем проникся гуманистическим духом почитания античности. У Макиавелли и Контарини общий идейный багаж, что видно по общей терминологии, общим античным источникам, частным постулатам, например о вреде праздности, особенно если граждане вооружены, но прежде всего — о реформировании путем возврата к началу, к истокам, к первым принципам. Как и флорен-

Причины раскола Церкви, с которым пришлось иметь дело Контарини, лежали вне сферы идеологии и не могли быть устранены путем переговоров и только в их рамках, это было очевидно и для их участников. Впрочем, данное утверждение можно отнести к большинству социальных, в том числе религиозных, конфликтов и к идеологиям вообще, которые лишь оформляют, придают словесную форму существующим противоречиям, уходящим своими корнями прежде всего в сферу материальных интересов. В коллизиях Позднего Средневековья или Раннего Нового времени можно усматривать торжество индивидуализма, своекорыстных интересов над универсализмом Средних веков, но вряд ли кто-то усомнится в объективной неизбежности процессов формирования национальных государств, сменивших прежнюю иерархическую структуру. Это вело и к образованию национальных церквей, которое шло параллельно с разделением светской и духовной властей. В XVI в. люди видели и понимали эти процессы, разумеется, по-своему, не всегда замечая глубину существующих противоречий или встраивая их в комплексы своих исторически выработанных представлений. Ренессанс был эпохой утопий и антиутопий: одни гуманисты и политические деятели высказывались о том, как, по их мнению, должно было быть устроено государство (Томас Мор, Томмазо Кампанелла), другие — о том, что происходит в реальности (Макиавелли, Лютер). Венецианский патриций и впоследствии церковный деятель Гаспаро Контарини создал сочинение, соединяющее в себе черты и того и другого жанра. Контарини написал ренессансную утопию (или свой вариант венецианского мифа), то

тинец, Контарини в своем трактате говорит о порочности и склонности людей к дурному. Любопытно, что будущий кардинал в 1515 г. (предположительная дата окончательного завершения макиавеллиевского «Государя») посетил Флоренцию, где познакомился с учителем Макиавелли М. В. Адриани и с участниками бесед в Садах Ручеллаи (см. о них в главах из книги Э. Мюира, с. 154 настоящего издания), в том числе с Козимино Ручеллаи. Последнему Макиавелли посвятил «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», также он фигурирует в диалогах «О военном искусстве». Таким образом, теоретически во время своего визита Контарини мог встретить и бывшего флорентийского секретаря.

М. А. Юсим

[RES-PUBLICA]

есть сочинение о наилучшем государственном строе, который реализован на деле, с пониманием его несовершенств, но с верой, что именно так правильно и так должно быть. Утопия Средних веков — это сказка, или *старое доброе время*, Ренессанс же находился на переломе, когда нужно решить, идти ли назад или вперед, и в своем новаторстве склонялся к восставлению, к возрождению прежнего, исходя из идеи всеобщего повторения явлений, круговорота вещей.

* * *

Обстоятельства, цели, адресаты написания известнейшего политического трактата Гаспаро Контарини известны довольно смутно. Судя по упоминаниям отдельных событий в тексте⁶², автор работал над ним в 1523–1525 гг., находясь при императорском дворе, и вносил в свой труд дополнения в начале 30-х гг.

Очевидно, к созданию трактата Контарини в широком смысле побудили обстоятельства: он находился при императоре и мог сравнивать устройство Венеции с другими политическими системами⁶³, в том числе империей и папством, которые не были государствами в современном смысле слова. Контарини (подобно автору другого современного, но неизвестного ему трактата о Венеции, Донато Джаннотти), говорит о том, что до него никто из ученых мужей не описал устройства Венецианской республики⁶⁴. Ф. Гилберт объясняет такие высказывания Контарини и Джаннотти в том смысле, что, на их взгляд, сочинения предшественников были гораздо скромнее⁶⁵. Особенность подхода Контарини Гилберт видит

⁶² Gilbert F. The Date of the Composition of Contarini's and Giannotti's Books on Venice. P. 176–177; Gleason. P. 110.

⁶³ Gilbert F. The Date of Composition... P. 184.

⁶⁴ См. текст трактата, с. 55 и примеч. 10.

⁶⁵ «Хотя гуманисты и государственные деятели XV века оставили сочинения на тему венецианского правления, их труды были не столь обширны, всеобъемлющи и точ-

не в развитии идеи о смешении трех государственных форм, к тому времени хорошо известной, а в том, что во всех государственных институтах социальное представительство должно быть смешанным⁶⁶. Я полагаю, что заявления Контарини и Джаннотти об их первенстве следует в значительной мере воспринимать как общее место, традиция воспроизведения которого восходит к Средним векам, когда авторы объясняли, почему при своих скромных способностях они берутся за перо, — они объясняли это отсутствием подобных сочинений.

В трактате нашли отражение разные политические идеи и представления. Один из образов государства в Средние века — это империя, образ, восходивший к четырем державам древности, к идее возрастов человечества, христианской эсхатологии. В характеристике Венеции присутствует и этот образ государства, поскольку историки говорили и говорят о Венецианской империи, имея в виду Венецию и ее владения. Контарини также использует термин *imperium* в близком контексте, говоря о подвластных Венеции территориях, хотя для его перевода правильнее использовать классическое и более нейтральное значение «власть».

С античных времен термин республика (калька с латинского *res publica*, букв. «общее дело») в широком смысле понимался как способ гражданского сожительства людей, вышедших из дикого или варварского состояния, и был почти синонимичен слову «город» (*civitas*). Этот античный прообраз идеи государства мог подразумевать разные формы управления: монархию (единоличное правление), аристократию (или олигархию), власть немногих или лучших, и народовластие, или демократию, — власть большинства (у Аристотеля — полития). В эпоху Ренессанса распространилось восходящее к

ны, как труды Контарини и Джаннотти» ("Although in the fifteenth century humanists and Venetian statesmen wrote on the subject of the Venetian government their works were not as extended, systematic, and precise as those of Contarini and Gianotti") (*Gilbert F. The Date of Composition...* P. 183, n. 44).

⁶⁶ "What could be learned from Venice is a principle: that various groups and elements of society ought to have some part in all institutions, that every institution ought to be 'mixed'" (*ibid.* P. 184).

Платону представление о том, что наилучшим является смешение трех форм правления; использует его и Контарини. (См. об этом в прилагаемом отрывке из книги Э. Мюира.) Любопытно, что в конце XVI в. генуэзский дож Маттео Сенарега утверждает, что смешанное правление существует в Генуе: «Оно не относится ни к одному из трех хороших, ни к одному из трех дурных способов правления, отмеченных Аристотелем, но является их смешением. Это никоим образом не демократия, поскольку народ здесь не управляет; не аристократия, поскольку здесь правят все приписанные, то есть оптиматы; нельзя назвать его и разнузданным, ибо к народу применяют строгие законы»⁶⁷.

В сегодняшнем массовом сознании распространено представление о прошлом, и особенно о Средних веках, как об эпохе произвола и господства патриархального монархизма. Это представление неточно, и не только потому, что в Средние века существовали республики. В Средние века были известны разные формы ограничения верховной власти, прежде всего человеческий закон и закон божий, а также иерархический принцип, обосновывавший распределение полномочий.

Истинно гражданское сообщество, истинное государство — это республика, античный полис, которому в древности противостояли тирания и деспотия. Идея деспотии: власть есть собственность монарха, передаваемая по наследству, в идеале — абсолютная; патриархальная, семейная власть, то есть благо, распределенное иерархически, от старших к младшим. Другая концепция власти — справедливость и равноправие субъектов, граждан, составляющих общество, в общем, синоним демократии. Это, говоря упрощенно, два полюса феномена власти, власть сосредоточенная и власть распре-

⁶⁷ *Senarega M.* Discorso sopra la Città e la Repubblica di Genova: "Non appartiene a nessun dei tre governi buoni, né ai tre cattivi, notati da Aristotele; bensì è un miscuglio di questi; non è democrazia in alcuna maniera, poiché il popolo non vi governa; non è aristocrazia, poiché tutti gli ascritti, cioè gli ottimati, vi governano; licenza non può chiamarsi perché del popolo si fa severa giustizia" (цит. по: *Spinola M.* La restaurazione della Repubblica Ligure nel MCCCIV. Genova, 1863. P. 410–411. <http://www.franco-bampi.it/genova/elenchi/governi/natura.htm>).

ленная, полное подчинение и самостоятельность, избрание и наследование, единство и множество.

Понятие государства, как оно стало формулироваться в Новое время, опиралось на принцип общего блага (*bonum commune*), или общего дела (*res publica*), независимо от конкретной концепции, в том числе и монархической, и даже абсолютистской. В Средние века, когда элемент общего блага также присутствовал, он был затушеван принципом иерархического устройства и автономии политических субъектов в его рамках (отсюда, в частности, феодальная раздробленность и разные формы средневековой демократии). Принцип народного суверенитета, то есть представление о народе, о массе граждан, составляющей общество и государство (город), как о субъекте, определяющем критерии политических действий, еще не утвердился как государствообразующий; его заменял принцип божественного суверенитета — представление о Боге и божественной благодати как источнике власти.

На практике идея народного суверенитета была не чужда средневековым республикам (которые мы сегодня считаем таковыми), средневековым городам, отстаивавшим свои свободы и привилегии в борьбе с местными сеньорами, а иногда и верховными властями. В своем трактате о наилучшей из существующих республик (соответственно, и государств) Контарини исходит из античных и средневековых (позднесредневековых) представлений о государстве и республике, что опять-таки для него во многом синонимично. Монархический принцип, по его мнению, заложен в самой природе, поскольку множество скрепляется только единством (начало второй книги, с. 20). Монарх был живым воплощением суверенитета, то есть отдельного, самостоятельного, никому не подчиненного источника власти, которая выражалась в Средние века словом «синьория» (ит. *signoria*, фр. *seigneurie*, чему более или менее соответствует латинское *dominium*). От этого слова происходит и термин «сеньор», которым мы по сей день называем независимых или феодальных властителей; оно восходит к латинскому *senior* — «старший», но по смыслу в Средние века

М. А. Юсим

[RES-PUBLICA]

соответствовало слову *dominus*, господин. «Господин» — наиболее распространенный русский перевод этого слова, соотносимый также со словами «Господь» (*dominus*), «господарь», «государь», «государство»⁶⁸. Правительство и власть в средневековых республиках, в частности в итальянских, именовались словом «синьория», что означало верховенство и независимость власти⁶⁹. (Часто непосредственным правителем средневековых государственных образований, не только республик, провозглашали Бога или святых. Покровителем Венеции был святой Марк, и это позволяло квалифицировать ее государственность как государственность апостольского престола, что ставит ее в один ряд с Римом)⁷⁰.

Читая трактат XVI века и переводя его на современный язык, мы, разумеется, воспринимаем его, не отбрасывая того багажа культуры, который принесли прошедшие пять столетий, потому что мы не в состоянии отказаться от него, следовательно, не так, как воспринимали этот текст современники. Вместе с тем мы пытаемся зафиксировать эту разницу в понимании идей и отдельных слов, чтобы подойти ближе к исторической истине. Вышеприведенные замечания о понятиях государства и республики направлены именно на это: они не были в такой же степени разделены, как сегодня; республика исторически не воспринималась как одна из разновидностей извечно существовавшего учреждения — государства, а была его субстанциальной формой, по крайней мере в традиции европейской общественной мысли. В этом можно убедиться, читая тексты того времени и знакомясь с содержанием трактата

⁶⁸ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Господарь — «князь в [бывш.] Молдавии и Валахии», стар. «господин, повелитель»; русск., церк.-слав. господарь — «господин», болг. господар, сербохорв., словен. *gospodár*, чеш. *hospodář*, польск. *gospodarz*, в.-луж. *hospodaf*, н.-луж. *góspodaf*. От «господарь» произошло «государь», затем «осударь, сударь», «-с» как сокращенное почтительное обращение.

⁶⁹ Иногда в этом смысле использовались слова «государь», «синьор», см., например, в «Хронике» Дино Компаньи: «...che 'l Comune rimanga signore» («чтобы власть оставалась у Коммуны») (*Compagni D. Cronaca delle cose occorrenti né tempi suoi*. II. 18).

⁷⁰ См. об этом у Э. Мюира, с. 174 наст. изд.

Контарини, *res publica* в нем — это сущность государства (устройство человеческого сообщества, наилучшим образом обеспечивающее благо всех его членов), пожалуй, в большей степени, чем современная демократия в ее американском варианте, которая для ее апологетов также представляется наилучшим и собственно правильным, так сказать, собственно «государственным» государственным устройством.

В этом смысле существует трудность передачи терминов, используемых в латинском тексте трактата Гаспаро Контарини, на современном и тем более на русском языке, в отличие от западных, дальше отстоящем от представленной традиции. Отчасти это трудность любого перевода, такая же, как трудность перевода художественных текстов, обладающих сугубой, неповторимой индивидуальностью. Независимо от того, употребляем ли мы в этом переводе слова «государство» или «республика», следует помнить, что в том или ином контексте они могут передавать лишь основное из подходящих в данном случае значений и не охватывать всей их гаммы.

Что же касается исторических коннотаций и прецедентов, то они очень разнообразны. В античных текстах слово *res publica* обычно понимается как «государство», таков, например, традиционный перевод названия трактата Цицерона “*De re publica*” («О государстве»). Любопытно употребление аналогов термина *res publica* в тех языках, где они не были прямыми транслитерационными заимствованиями латинского слова «республика». Это словосочетание использовано, в частности, в названии польско-литовской федерации, созданной в 1569 г. Польско-литовская Речь Посполитая (*Rzecz Pospolita*) была, разумеется, не республикой в современном понимании, а монархией, ограниченной волеизъявлением шляхетского сейма. Еще более размыто значение английского аналога упомянутого словосочетания — *commonwealth*. Лингвистически оно близко латинскому («общее достояние») и используется как один из вариантов обозначения республики в смысле, противоположном монархии. Например, для обозначения периода в XVII в., когда в Англии не было короля (Английская респуб-

лика), используется понятие Commonwealth, и такое же название носит современная этому периоду утопия Джеймса Харрингтона «Республика Океания» (“The Commonwealth of Oceana”). В то же время такое же название носит Британское содружество наций, возглавлявшееся английским монархом, а сегодня — конфедерация государств с разным политическим устройством. Еще примечательнее то, что Джайлс (или Джильс) Флетчер, английский посол в России в конце XVI в., назвал свое сочинение “Of the Russe Common Wealth” («О государстве русском»). Этот же термин commonwealth вполне логично употреблен переводчиком трактата Контарини XVI в. на английский язык Льюисом Льюкенором и соответствует термину *res publica* в заглавии.

Конечно, этот вопрос важен и касается сути дела, которая заключается прежде всего в том, чтобы понять эволюцию социальных и политических форм в истории, представить себе место Венеции, по-своему уникального, но, наверное, необходимого в истории этой эволюции государственного образования, увидеть ее глазами современников, ее граждан и чужеземцев, политических писателей и деятелей, отойти, в меру возможного, от пресловутой мифологизации ее образа, которая сопровождает этот образ по сей день.

В большинстве отзывов о Венеции говорится о ее почти чудесной неповторимости, с этого же начинается свой трактат и Контарини. Но если для кого-то эта неповторимость граничит с нелепостью и решение об основании подобного города равнозначно безумию, хотя и гениальному⁷¹, то, с точки зрения автора трактата, оно свидетельствует о мудрости первых жителей Венеции, внушенной не /!!/ чем иным, как божьим промыслом. Причем мудрость проявилась не только в выборе ме-

⁷¹ Таково мнение А. И. Герцена, цит. по: *Климанов Л. Г. Обретение Венецией моря: право, политика, символы // Причерноморье в Средние века. Вып. 3. 1997. С. 145–163: «Великолепнее нелепости, как Венеция, нет. Построить город там, где город построить нельзя, само по себе безумие, но построить так один из изящнейших, грандиознейших городов — гениальное безумие» (Герцен А. И. Venezia la Bella, 1867 // Герцен А. И. Соч.: В 6 т. М., 1957. Т. 6. С. 463). Ср. об этом у Э. Мюира, с. 164 и примеч. 4 наст. изд.*

ста, обеспечивающего как защиту города, так и приток товаров, — этот выбор отчасти был вынужденным. Главная заслуга учредителей — «...это устройство и форма государства, обеспечивающие благоденствие его членов» (с. 3), и доказательству этого, собственно, посвящен трактат.

Как уже было сказано выше, актуальный во все времена вопрос об идеальном общественном устройстве был таковым и в начале XVI в. Мыслители той эпохи не столько отдавали предпочтение единоличной власти или демократии, сколько искали вариант наилучшего сочетания государственных форм: плоды этих исканий в наши дни отражены в большинстве современных конституций государств, где есть двухпалатные парламенты и президенты. Абсолютные монархии появляются уже на заре Нового времени, и монархист Ж. Боден, в конце XVI в. оценивающий сочинение Контарини, утверждает, что последний описал не смешанное правление, а аристократическую республику, образовавшуюся из народной⁷². Сам же Контарини упорно придерживается своей основной идеи о том, что в Венеции реализован смешанный, а поэтому наилучший по всем философским канонам способ управления.

Общую характеристику книги Контарини читатель может найти в прилагаемом здесь отрывке из книги Э. Мюира «Гражданский ритуал в ренессансной Венеции». Мы дополним ее несколькими штрихами, отмечающими нюансы, на которые историки не всегда обращают внимание.

Контарини начинает с утверждения о том, что править обществом должно высшее начало, но подразумевает в данном случае не бога или святых, а разум и вытекающие из него законы. Почти все авторы говорят о том, что в трактате описана аристократическая республика, о чем не умалчивает и сам Контарини, подчеркивая первенство «оптиматов» среди трех

⁷² «Из написанного Контарини, Сабелия, Бембо становится ясно, что Венеция в своей ранней истории была народным государством. С течением времени власть переместилась в сторону оптиматов... не понимаю, почему Контарини полагал, будто Венецианская республика является смешанным типом правления» (Боден Ж. Метод легкого познания истории / Пер. М. С. Бобковой. М., 2000. С. 166, 168).

элементов ее смешанного правления. Тем более важно его уточнение, что в порядке исключения в состав патрициата допускались личности, имеющие особые заслуги, — это одно из тех мест в трактате, где автор декларирует принцип меритократии. Нетрудно заметить, что многие вещи, на которых он делает акцент, сегодня считаются основополагающими для так называемого гражданского, или правового, общества. В частности, очень подробно описывается разветвленная судебная система Венеции, которую Контарини считает образцовой. Другой базовый элемент — сложная система выборов, особенно дожа и главных магистратов, которая, по мнению автора, является гарантией предотвращения злоупотреблений.

Еще одна черта, отличающая Венецию, отмеченная Контарини, — ее миролюбие. Война в Средние века была занятием высшего сословия, и именно благородные воины принадлежали к «политической нации» средневекового государства. Развитие городских республик, как правило, сопровождалось конфликтами между их гражданами, народом и феодальной знатью. Специфика Венеции, как убеждается читатель трактата Гаспаро Контарини, заключается в том, что понятия знати и народа отчасти совмещаются: Большой совет воплощает собой народное правление. Занятием венецианской знати было не военное дело в чистом виде, а мореплавание, как военное, так и торговое, и молодых патрициев готовили к нему с юности, обучая плавать на галерах. Это приводит на память практику русского царя-реформатора, который, кстати, посылал молодых дворян учиться морскому делу именно в Венецию. Читатель найдет в трактате Контарини и другие неожиданно знакомые политические обыкновения, например правило приставлять комиссаров (легатов) из патрициев к наемным военачальникам, хотя это не было спецификой именно Венеции. Некоторые черты средневековой государственности, в которой сочетались элементы «демократии» и единовластия, централизации и иерархического распределения власти, апелляции к божественному началу, роднят республику на Адриатике с церковными социально-политическими структурами, в част-

ности с Папским государством, глава которого также избирался пожизненно, в особой обстановке — на конклаве; аналогичную венецианскую практику Контарини описывает тем же термином. Папа приносил присягу (капитуляции), он был наместником Христа на Земле, а название венецианской монеты, дуката, происходит от надписи на ней, которая гласит, что Венецианское герцогство (*ducatus*) принадлежит Христу. Даже иногда практиковавшаяся официальная продажа должностей, хотя и в совершенно других масштабах, напоминает об обычаях Римской курии, как впрочем, и некоторых других позднесредневековых государств.

Можно обнаружить и сходство с орденским политическим устройством, допустим, Ливонского государства, в котором гражданскими правами обладали только члены особой организации; эти черты, между прочим, просматриваются, разумеется со множеством поправок, и в структурах социалистических государств с однопартийной системой и пожизненными секретарями.

На восприятие адриатической республики, особенно в последний период ее существования и после него, оказал существенное влияние венецианский миф, но, как показывает Э. Мюир, был и антимиф, который дожил до наших дней, в частности в трудах последователей Л. Ларуша и адептов его Шиллеровского института, которые обвиняют венецианцев и не в последнюю очередь Гаспаро Контарини в том, что они, проведя свои идеи в Англии, заложили, если сформулировать в двух словах, фундамент господства современной плутократии⁷³. Венецианская мифология оказала влияние и на вопрос, до сих пор занимающий историков и политологов: почему же Светлейшая республика просуществовала тысячу лет, оставаясь на протяжении длительного времени чуть ли не единственным независимым итальянским государством?

⁷³ См., например: *Роуз Дж. Захват власти в Англии Венецией* // www.larouchepub.com.

Если подумать, уже ставшая стереотипной постановка вопроса изначально мифологизирована. Как уже отмечалось выше, государственное устройство Венеции не было уникальным для своего времени, и ее судьба оказалась схожей с судьбами как раз тех ее партнеров и противников, которые сопоставимы с ней в отношении политических порядков, прежде всего Генуи и Папского государства. Генуя, как средневековая республика, также сохраняла формальную независимость до конца XVIII в. и последний удар ей нанесли Наполеоновские войны, что справедливо в общем и в отношении Патримония Святого Петра⁷⁴. Что же касается независимости Венеции, то она также была относительной, во всяком случае с начала XVI в., о котором мы ведем речь, роль самостоятельной европейской державы она утратила, как и все прочие государства Апеннинского полуострова, с этим согласно подавляющее большинство историков. Даже польско-литовская Речь Посполитая, республиканская монархия или монархическая республика, которую можно и сопоставить с Венецией, и в чем-то противопоставить ей, и которую часто приводят в пример как государство шляхетской вольности, раздавленное абсолютными монархиями, просуществовала до того же самого хронологического рубежа и, соответственно, не уступила в этом Венеции.

Будем ли мы говорить о мифе или об антимифе, но утверждать, что венецианское государственное устройство было идеальным, трудно, и сам Контарини опровергает подобное утверждение, спорадически вставляя в свой трактат замечания о том, что тот или иной институт утратил свою силу, что те или иные обычаи уже невозможно соблюдать. Данные замечания внешне нейтральны, но за ними угадывается сожаление. Отчасти в этих пассажах звучит традиционный еще для античной литературы мотив ностальгии по старому доброму времени. Ренессансное представление тезиса об утрате ве-

⁷⁴ Имеется в виду Папское государство в целом.

щами изначального совершенства, об универсальной «коррупции» земного мира, дополняется здесь пониманием невозможности решить главную проблему человеческого общежития — идеального сочетания «я» и «мы». Власть, то есть монополия на насилие и на принятие решений, на создание правил, не должна принадлежать одному человеку и не может принадлежать всем. Государство и власть, собственно говоря, и существуют для разрешения этого противоречия между единым и множеством. Но в реальности власть всегда принадлежит кому-то, кто-то получает от нее много, а кому-то не достается ничего. В Венеции эта проблема единого и множества, проблема неравномерного распределения власти решалась таким образом, что государственные должности и ключевые посты почти монополизировала особая группа в обществе, но такая тенденция есть почти повсюду. В Венеции власть стала сословной привилегией, не принадлежа ни всем, ни одному. Вариант не идеальный, но и не худший, хотя и не уникальный.

Тем не менее особый феномен Венеции, связанный с ее политической устойчивостью, существовал, и при его оценке весомую роль играют те доводы, которые приводили уже современники, пусть и идеализировавшие ее государственное устройство. Многое из того, о чем пишет Контарини, способствовало долговечности республиканских учреждений: сложная система выборов, распределение контрольных функций, сочетание разных форм власти, разветвленная судебная система, забота о предотвращении социальных конфликтов внутри города и в масштабах всей державы; не в последнюю очередь, вероятно, и экономическая активность венецианского патрициата. Многое из опыта Венецианской республики действительно дошло до наших дней, не обязательно напрямую, в виде конкретных заимствований, но теми сложными путями, которыми передается культурный опыт, в опосредованном виде и отражениях, пересказах и оценках, формирующих набор представлений и мнений образованного общества в каждую историческую эпоху.

Как предполагает Ф. Гилберт⁷⁵, Контарини диктовал свои тексты и не перерабатывал однажды написанного. Составленный в бытность его послом у императора трактат был дополнен в начале 30-х гг. и получил некоторую известность, судя по тому, что в ноябре 1534 г. кардинал Садолето писал своему коллеге Реджинальду Полу, что хотел бы получить копию трактата Контарини об идеальном государстве⁷⁶. Впервые труд был издан в Париже, в типографии Мишеля Васкозана, спустя примерно год после кончины автора⁷⁷. Уже через два месяца, в январе 1544 г. трактат опубликовали в Базеле, в печатне Фробена, с посвящением чешского филолога Зикмунда Гелена голландскому правоведу Виглиусу ван Зейхему, причем Гелен говорит, что «после того как автор, к великой печали всех доброжелателей... скончался, ко мне попал плод труда столь благородного ума, как бы лишившийся своего родителя и потому не имеющий посвящения...»⁷⁸. Эти слова подтверждают наличие копий трактата в обороте. Когда в 1571 г. племянник Гаспаро Контарини Альвизе приступил к изданию его собрания сочинений, он писал, что «некоторые из их числа уже были напечатаны, но не по воле автора, а вынужден-

⁷⁵ Gilbert F. The Date of the Composition... P. 177.

⁷⁶ Ibid. P. 174; Hackert H. Die Staatsschrift Gasparo Contarinis... S. 115; Regesten... S. 75. Письмо от 23.11.1534: "Contareno hoc amplius dictum mihi fuisse hoc anno, cum essem Massiliae, librum confectum ab eo, in quo *de optimo civitatis statu* graviter et docte disseratur, eum librum cupere vehementer me videre. Quod Superantius, homo praestans ingenio et noblitate, cum discederem Massilia, pollicitus fuit mihi se curaturum, ut exemplum ad me primo quoque tempore mitteretur, eum ego oblitum arbitror...". Садолето говорит здесь, что узнал о книге Контарини, будучи в Марселе, и просил Витторе Сорандзо достать ему экземпляр, но тот, видимо, об этом забыл.

⁷⁷ *De magistratibus et republica venetorum libri quinque*, auctore Gaspare Contareno Patrcicio Veneto. Parisiis: Ex officina M. Vascosani, 1543.

⁷⁸ "Caeterum post hominem magno bonorum dolore ne dicam indignatione sublatum, nactus hunc tam bene nati ingenii foetum, quasi suo parente orbatum ac per hoc nemini nuncupatum, arrepta tam parata occasione tibi gratificari, nolui omni patrocinio destitutum in publicum emittere..." (*Gasparis Contareni, patricii veneti. De magistratibus, & re pub. Venetorum libri quinque*. Froben; Basileae, 1544. P. 3–4).

ным образом, попав, не знаю как, в чужие руки; другие покоились у нас...»⁷⁹.

Вообще посмертная судьба сочинений Контарини была сложной по понятным причинам: наступило сложное время. Представители семьи пытались издать собрание его произведений начиная с 1554 г. Одной из главных помех стала необходимость отредактировать тексты главного представителя плеяды «спиритуалов» в Римской курии в духе контрреформационных веяний. К 1571 году такая работа была выполнена, причем в ней принимали участие богословы парижской Сорбонны, но это не помешало одному из руководителей Римской инквизиции кардиналу Ш. Ребибе запретить продажу книги с февраля 1572 г. Только после нового пересмотра текстов было разрешено переиздать ее в Венеции в 1578 г.⁸⁰ Таким образом, при чтении и использовании посмертных изданий сочинений кардинала Контарини приходится помнить о внесенных в них изменениях.

Что касается трактата о магистратах, то, так как он не входит в число богословских произведений автора, цензура, очевидно, коснулась его в меньшей степени. К 1571 г., кроме нескольких латинских изданий (помимо упомянутых, парижское издание 1547 г.; встречаются ссылки на базельское издание того же года и венецианское 1551 г.), имелся итальянский перевод Лодовико Доменики, опубликованный в 1544 г. и переизданный в 1545, 1548, 1551 и 1564 гг., а также французский 1544 и 1557 г. (возможно, это разные переводы). В дальнейшем тексты неоднократно переиздавались, в том числе и в последние десятилетия.

Большую известность приобрел английский перевод Льюиса Льюкенора 1599 г.⁸¹ Льюкенор приложил к нему пере-

⁷⁹ “Ex hoc numero quidam iam antea impressi fuerant, non sua quidem voluntate, sed co-acti, & in alienas manus nescio quo pactu delapsi...” (*Contarini. Opera. P. aii-r*).

⁸⁰ См.: *Fragno G. Gasparo Contarini // Dizionario biografico degli italiani...*

⁸¹ *The commonwealth and gouernment of Venice, written by the Cardinall Gasper Contarino, and translated out of Italian into English, by Lewes Lewkenor, Esquire. With sundry other collections, annexed by the translator for the more cleere and exact satisfac-*

воды еще нескольких источников, в том числе первой книги Джаннотти. Перевод Контарини сделан им по итальянскому изданию, сверенному с латинским текстом публикации в од-нотомном «Собрании сочинений» 1571 г. Этот вариант не-сколько отличается от издания 1543 г.⁸² Перевод Льюкенора содействовал популярности Контарини на Британских остро-вах, хотя его сочинение было известно и до этого⁸³. Вероятно, некоторые сведения о Венеции из книги Льюкенора почерп-нул Шекспир при работе над трагедией «Отелло»⁸⁴. Ирланд-ский шекспировед Э. Малоун в XVIII в. определил, что автор «Отелло», в частности, позаимствовал отсюда упоминание о ночных стражниках⁸⁵.

Настоящий перевод сделан по изданию: *Gasparis Contareni cardinalis opera*. Parisiis, 1571. Цифровая копия: <http://books.google.com>.

М. А. Юсим

tion of the reader. With a short chronicle in the end, of the liues and raignes of the Venetian dukes, from the very beginniges of their citie. London, Imprinted by Iohn Windet for Edmund Mattes, and are to be sold at his shop, at the signe of the Hand and Plow in Fleet Street, 1599.

⁸² Об этом сообщает автор диссертации на тему “‘So flourishing a Commonwealth’: some aspects of Lewkenor’s translation (1599) of Contarini’s *La Republica e i magistrati di Vinegia* (1544)” Мария Стелла Флорио в кратком описании своей еще не за-конченной работы, см.: <http://hdl.handle.net>. Она называет итальянский перевод анонимным, но предисловие подписано псевдонимом Лодовико Доменики Эран-кирио Андитими, и в его тексте есть намек на авторство перевода. V. *La Republica e i Magistrati...* f.AII v. Maria Stella Florio, 2010 ‘So flourishing a Commonwealth’: some aspects of Lewkenor’s translation (1599) of Contarini’s *La Republica e i magi-strati di Vinegia* (1544) “Lewis Lewkenor sulla scorta sia della traduzione italiana dell’opera — *La Republica e i Magistrati di Vinegia*, 1544, di anonimo — che dell’ori-ginale latino...”.

⁸³ См. об интересе Ф. Сидни и Б. Джонсона к трактату Контарини: *McPherson D. Lewke-nor’s Venice and Its Sources // Renaissance Quarterly*. 1988. Vol. 41. P. 459–466.

⁸⁴ *Muir K. Shakespeare and Lewkenor // Review of English Studies*. 1956. Vol. 7. P. 182–183.

⁸⁵ *Ibid.* В пометке на копии экземпляра книги, помещенной в Интернете, упоминается это совпадение, см. перевод с. 123 и прим. 85.

*SEVELUT ELEGIA PICTURA, MAXIME CASPAR
EST EXPRESSA TUI CORPORIS EFFIGIES:*

*SIC DIVINA TUA POTUISSET MENTIS IMAGO
PINGI, NIL OCULI PULCHRIUS ASPICERENT*

ГАСПАРО КОНТАРИНИ

О МАГИСТРАТАХ
И УСТРОЙСТВЕ
ВЕНЕЦИАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

К Н И Г А П Е Р В А Я

Мне часто приходилось замечать, как многие чужеземцы, благоразумные и сведущие в науках мужи, впервые попадая в Венецию и созерцая величие этого города, приходят в такой восторг и восхищение, что, судя по их виду, они не могут представить себе ничего более удивительного и прекрасного. Однако не все они поражались одному и тому же, ибо некоторым казалось чудесным и почти невероятным то, что в одно место постоянно и непрерывно из всех уголков и краев Земли свозится такое множество товаров, которые потом по суше и по морю поступают к самым разным народам. Других привлекало городское многолюдство, стечение чуть ли не всех наций, как будто Венеция — это главное всемирное торжище. Некоторые дивились грандиозности ее владений, которые далеко простираются по воде и по суше; однако многие люди наиболее искушенного и острого ума превыше всего ценили необычность ее местоположения, столь удобного, что оно кажется избранным бессмертными богами, а не людьми, почему град Венеция и превосходит все прочие, где и когда-либо существовавшие вплоть до нашего времени. Но если обратиться к прежним временам, трудно будет сыскать город, подобный нашему; ведь в прошедшие века немало было таких, которые далеко превосходили его числом владений, многолюдством, изобилием всех благ и великолепием, но человеческая память не знала города, основанного в таком удобном, надежном и невероят-

ном месте. Многие полагали достаточным при основании города выбрать такое место, куда врагам будет трудно и неудобно подойти, чтобы осадить и захватить его. Поэтому немало городов было основано на труднодоступных, высоких и обрывистых холмах либо в болотистых низинах. Иные же сочли, что самое главное — это найти место, подходящее для ввоза и вывоза всех вещей, необходимых как для повседневной жизни города, так и для роскоши и изящества. Немногие заботились и о том, и о другом, и еще меньше тех, кто в этом преуспел; но я не знаю никого, кто выполнил бы оба требования. Расположение же Венеции обретено скорее божьим промыслом, нежели человеческим разумением, к изумлению тех, кто ее не видел, ибо она защищена от всех угроз с моря и суши и наилучшим образом приспособлена для доставки всего необходимого горожанам в изобилии по воде и по земле и для торговли всевозможными товарами почти со всеми нациями. Ведь Венеция находится во внутреннем заливе Адриатического моря и благодаря удивительной премудрости природы защищена громадной лагуной, простирающейся со стороны материка. На расстоянии 12 тысяч шагов (миль)¹ от суши море начинает мелеть, и посреди мелей и наносов возвышается земля наподобие некой дамбы. Эта преграда волнам и стихии делает всю широко раскинувшуюся внутреннюю часть столь безопасной, что не только морские валы, поднимающиеся в штормовую погоду, разбиваются по дороге, но и проплывающие суда не могут свободно приблизиться к ней. Если это не совсем легкие лодки, то им приходится вставать на якорь там, где море начинает мелеть, и дожидаться тихой погоды; тогда умелые кормчие или, лучше сказать, испытатели мелководья проводят их в город сложными и извилистыми путями там, где вода поднимается выше, потому что морские течения меняются изо дня в день. Полоса суши, которая возвышается после мелководья, простирается почти на 60 миль и замыкает внутреннюю лагуну. Однако она прерывается в семи местах, открывая морю

¹ Около 18 км, если речь идет о римских милях.

доступ во внутренний водоем. Расстояние от нее до берега составляет шесть миль. Таким образом, лагуна Венеции ограничивается частично сушей со стороны континента, частично полосой земли и мелководьем; и в этих пределах, в том месте, которое наши предки называли Риволатом² (так оно зовется доныне), и была основана Венеция, когда вождь гуннов Аттила³ предал огню и мечу все побережье славной италийской провинции Венетии⁴, прилегающей к той же лагуне. Из-за этой напасти жители цветущих городов Венетии — Патавия, Аквилеи, Опитергия, Конкордии и Альтины, — превосходившие прочих богатством и знатностью, удалились со своими семьями на некие острова или, лучше сказать, холмы, слегка выступавшие из воды в лагуне; и здесь они построили укрепления, за которыми пережили грозное нашествие Атtilы, как в тихой заводи. В это же время на полосе земли, о которой мы говорили выше, были основаны городки для прибывающих туда жителей побережья, покинувших родину и свои дома, разоренные и разрушенные гуннами, и искали безопасное место для жен, детей и, так сказать, своих пенатов. Затем при королях Карле и Пипине⁵ все собрались по общему согласию в Ривоальто, самом безопасном и удобном месте, и так

² Ниже это место названо Ривоальто, а здесь очевидная опечатка, так как в издании трактата 1543 г. стоит *Rivoaltus*. Местные хроники датируют основание Венеции 421 г., когда на о. Ривальто была построена церковь Сан Джакомо.

³ Аттила (начало V в. — 453 г.) — вождь гуннов, который совершил поход в Северную Италию в 452 г. и разрушил главный город римской провинции Венетия Аквилею.

⁴ С конца III в. существовали провинции Венетия и Истрия в рамках диоцеза *Italia Annonaria*, входившего в префектуру Италия, одну из четырех префектур империи. До этого со времен Августа провинция носила название X области (*regio*) Италии. Ниже названы города провинции — современные Падуя, Аквилея, Одерцо, Конкордия Саджиттария и Альтино.

⁵ Очевидно, речь идет о франкском короле и первом императоре возрожденной Западной империи Карле Великом (747–814) и его сыне Пипине (777–810), коронованном железной короной лангобардских королей Италии в 781 г. (Лангобарды основали первое средневековое королевство в Италии, позднее титул короля носили обычно наследники императоров. В это время герцогство Венеция, образованное в рамках византийского Равеннского экзархата на рубеже VII–VIII вв., пользовалось относительной независимостью от Восточной империи, а тем более от королей франков.)

Венеция достигла сегодняшнего величия благодаря тем, кто сумел спастись от преследования и разорения, которому Италия подверглась во время упомянутого нашествия варваров. Для всех очевидно, что местоположение Венеции — самое безопасное, ведь она была основана людьми, бежавшими от поразившего Италию бедствия и спокойно пережившими его там вместе с семьями. И с того времени, в отличие от всех известных нам городов, от основания и до наших дней на протяжении почти тысячи ста лет⁶, Венеция оставалась недоступной для врагов, хотя этот богатейший и полный золота, серебра и всех возможных благ город мог привлечь алчных варваров с самого края света. Поэтому я и готов согласиться с теми, кто уже только по этой причине ставит Венецию выше прочих городов. Но она обладает и чем-то иным, что ставит ее, по моему мнению, выше всех, и со мной согласятся все те, кто считает настоящий город не скоплением домов и стен, а, главным образом, союзом и содружеством граждан. Это устройство и форма государства⁷, обеспечивающие благоденствие его членов. Этим-то замечательным особым устройством Венеция, как я полагаю, отличается и превосходит всю древность, ибо если и были некоторые республики, затмевающие ее блеском власти, обширностью владений, военными порядками и воинской славой, ни одна из них не сравнится с ней своим укладом и законами, направленными на благо и процветание жителей. Из-за этого ни одна из них и не смогла просуществовать долго. Когда я размышляю над этим наедине с

⁶ Контарини, по всей видимости, начал писать свой трактат в 1523–1524 гг. и закончил около 1533 г., см.: *Gilbert F. The Date of the Composition of Contarini's and Giannotti's Books on Venice.* P. 176–177. В конце своего трактата Контарини приводит цифру 1200 лет, см. примеч. 124.

⁷ *Reipublicae*, в итальянском переводе *Rep.*, в английском — *Commonwealthes*. Здесь и далее словом «государство», наряду с часто синонимичным ему в данном тексте словом «республика», как правило, переводится латинский термин *res publica*. Если слову «государство» или «государственный» в латинском тексте соответствует другой термин, он приводится в скобках; такие уточнения даются и по некоторым другим терминам. В данном случае понятно, что речь идет об «устройстве и форме» (*ratio et forma*) государства, а не о республике как его подвиде в отличие от монархии.

собой, то всегда поражаюсь мудрости наших предков, их усердию, необыкновенной душевной доблести и безмерной любви к родине. В Афинах, Лакедемоне⁸ и Риме некоторые граждане отличались добронравием и любовью к общему благу, но вследствие своей малочисленности в окружении толпы они не могли как следует послужить отечеству. Наши же предки, оставившие нам в наследство столь славное государство, все как один ревностно пеклись о его укреплении, о расширении его границ, почти не думая о собственных интересах и почестях. Каждому будет понятно, что венецианцами двигало не честолюбие, а лишь забота о пользе отечества, судя по тому, что в Венеции нет или очень мало древних монументов, хотя граждане и в городе и за его пределами совершали великие подвиги и снискали немалые заслуги перед республикой. Но здесь нет надгробий, конных и пеших статуй, корабельных ростворов или знамен, отнятых у врагов в жестоких битвах. Приведу в пример одного из моих многочисленных сородичей — дожа Андреа Контарини⁹. Во время тяжелой и самой опасной из всех войны с Генуей он возглавлял наше государство и благодаря своей величайшей мудрости, силе духа и необыкновенным способностям спас родину, поверг уже близких к победе врагов, нанеся им сокрушительное поражение, перебил или взял в плен всех до единого. Так, оказав отечеству услугу, укрепив и расширив пределы государства, он дожил до своего последнего дня и завещал, чтобы его гробницу, которую поныне можно видеть в храме Святого Стефана, не украшали ни дожеские регалии, ни герб нашего рода, так что там нет даже имени столь великого вождя. Эта скромность привела к тому,

⁸ Спарта. Здесь — по названию области Лакония, где находился (и находится) город Спарта.

⁹ Андреа Контарини (ок. 1300–1382) — шестидесятый дож Венеции с 1367 г., в последние годы своего правления одержавший победу в тяжелой войне с Генуей за господство на море. В молодые годы он славился легкомысленным поведением. Мраморный саркофаг А. Контарини в церкви Санто Стефано был недавно отреставрирован, он действительно скромнее, чем гробницы других дожей, но на нем имеются надпись, родовой герб и скульптурные позолоченные и раскрашенные изображения Христа Вседержителя и самого дожа.

что многим неизвестен памятник столь знаменитому мужу и сиятельному государю. Я полагаю, что это надежнейшее доказательство того, что наши предки заботились не об удовлетворении своего честолюбия и не о ветреной славе, а только о благе отечества и об общей пользе. Такова была необыкновенная доблесть духа, которая позволила им создать нашу республику; подобного никогда не было, если даже сравнить ее с самыми знаменитыми государствами древности. Дерзну утверждать, что и в сочинениях выдающихся философов, которые, согласно своим душевным склонностям, обрисовали устройство государств, не было столь правильно организованной и представленной республики. Поэтому я и посчитал, что сделаю приятное и не бесполезное для чужеземцев дело, если опишу учреждения столь славной республики, тем более что я не знаю никого из множества учнейших мужей нашего времени, преисполненных таланта, всесторонней эрудиции и красноречия, кто посвятил бы этому свое сочинение¹⁰. Я, разумеется, понимаю, что мое ораторское дарование несколько не украсит избранный предмет, но сам по себе он настолько прекрасен, что придаст блеск и достоинство не одному себе, но и скромной без того ораторской речи. Итак, поскольку я решил написать о нашей республике, чтобы всякий мог без труда понять, хорошо или плохо она устроена, то, думаю, самое время приступить к введению.

Люди созданы природой как общественные животные и в одиночестве не могут не только правильно жить, но и вообще существовать. Об этом свидетельствуют их повседневные нужды, а также необходимость получать пропитание и одежду. Поэтому люди с самого начала собрались в гражданское общество и стали прилагать усилия для хорошего и правильного

¹⁰ Примерно в это же время, в середине 20-х гг. XVI в., флорентинец Донато Джаннотти написал свою "*Libro dela Republica de'vinitiani*" («Книгу о республике венецианцев»), но она была издана лишь в 1540 г. (см.: *Gilbert F. The Date of the Composition... P. 176–177*). Были, разумеется, и другие сочинения, описывавшие и иногда превозносившие венецианское государственное устройство и способствовавшие созданию венецианского мифа; некоторые из них упоминаются в прилагаемой главе из книги Э. Мюира. См. также вступительную статью, с. 33–34.

устройства своей жизни, то есть для преследования, поелику возможно, совместными усилиями общего блага, пока мы влачим эту смертную жизнь. И весь смысл гражданского устройства состоит в том, чтобы как можно более простым способом добиться всеобщего счастья. Но счастливая и блаженная жизнь заключается главным образом в следовании добродетели (*virtus*), как утверждают величайшие философы, которые приводят твердые резоны и очевидные доказательства этого.

Доблесть (*virtus*) проявляется и в военных, и в мирных делах. Хотя военная слава и вообще военные занятия необходимы государству для защиты его свободы и границ, а также приносят великие почести и известность, все же здравому человеческому смыслу претит восхваление военного дела как такового, ибо оно несет людям в основном беду и гибель, и не следует ставить его выше всех прочих гражданских обязанностей. Лишь жестокий и чуждый гуманности человек будет стремиться к битвам, резне, поджогам только ради воинской славы и, если угодно, ради венка великого полководца (*imperatoris, gran capitano, great captain*)¹¹. По этой причине все выдающиеся философы согласны с тем, что война необходима лишь ради мира и любая воинская доблесть и слава служат достижению мира. Так что основатель государства, желающий заслужить похвалу и, как говорится, получить всеобщее одобрение, станет придерживаться такой пропорции и порядка, при которых все государственное устройство будет направлено на поощрение добродетели и на мирные заботы, а не на военные дела, хотя и их не следует оставлять в пренебрежении.

¹¹ Здесь и далее в скобках приводятся термины латинского текста (кроме совпадающих с русскими), затем итальянского и английского переводов XVI в. (см. вступительную статью). Во многих случаях, как и в данном, можно убедиться, что английский переводчик следовал преимущественно итальянскому тексту. (Он сам пишет об этом во введении к своей книге: *The commonwealth and government of Venice, written by the Cardinall Gasper Contareno, and translated out of Italian into English, by Lewes Lewkenor...* London, 1599. Р. АЗv.) Иногда отдельно приводятся также термины из итальянского перевода, чтобы указать местные названия должностей. Вообще эти уточнения в скобках служат здесь для иллюстрации возможных разночтений, поэтому они приводятся выборочно. Перевод некоторых терминов более подробно показан в сводной таблице, помещенной в конце данного издания.

Ведь военная доблесть потребна в основном для защиты и расширения своих границ (но только по справедливости).

Итак, установив вышесказанное, мы переходим к следующему спорному вопросу: подобает ли управлять городом одному лицу, нескольким или всем гражданам вместе? Ведь многие именно так представляют себе государство (*status, lo stato, the estate*), которое собственно и должно называться республикой¹². Мне же представляется превосходным и разумным такое суждение: было бы неправильно поручать управление людьми одному из них, ибо эта роль подобает некоему божественному началу, как можно убедиться на примере многих животных. Ибо стадом овец управляет не баран, а табуном лошадей или стадом коров — не конь или бык; их оберегает гораздо более высоко организованное животное, которое правит грубыми скотами, а именно человек, намного превосходящий своими качествами, как очевидно для всех, любую скотину. Таким образом, если продолжить эту мысль, то и людьми должен управлять некто божественный и стоящий более высоко, чем человек. Но так как среди земных вещей, доступных чувствам, нет ничего лучше и достойнее человека, а сам человек является сложным живым существом, состоящим из разнообразных частей, ибо низшие силы его души роднят его со зверями, высшие же в некотором смысле уподобляют богам, то место правителя и руководителя людей должна занимать та часть, которая в них божественна. А это по общему согласию есть ум, подобный лучу божественного света, который природа заронила в человеческие души. Поэтому для республики будет неправильным доверить власть человеку, которого часто смущают животные силы его души, уводящие его с прямого пути; эту роль следует поручить тому, кто искушен в движениях души и обладает ясным умом. И не иначе, как по божьему произволению, род человеческий, изобретая законы, достиг того, что долг управления человеческим сообществом вручается тем, чей ум и рассудок

¹² В этом месте латинский и итальянский термины со значением «республика» обозначают разновидность государства (*status*), причем в английском слово «республика» передано как *commonwealth*.

не подвержены тревоблениям. Ведь если подумать обо всех полезных свойствах законов, то выше этого истинного дара богов, наверное, ничего нет. Прежде всего, когда законы принимаются, собираются многие мудрецы, наученные богатым опытом и собравшие чужие изобретения и примеры древних, и после долгих размышлений принимают наилучшее решение, причем ни ненависть, ни дружба, ни прочис душевные волнения не могут отвратить их от добродетели, ибо при установлении законов не идет речь о защите каких-либо частных интересов, как это принято в судебных разбирательствах (*in forensibus iudiciis, iudizi della piazza, mans iudgement*)¹³. Если же кто-либо нарушит принятые законы, он подлежит осуждению, и должен понести предусмотренное ими наказание, и по закону не может питать обиду на кого-либо. Тогда и не возникнет опасности зарождения среди граждан заговоров и вражды, которые представляют собой величайшую и самую серьезную опасность для республики. Напротив, когда кого-то наказывают в суде не по закону, из-за этого возникают великие смуты и вражда. Ибо вряд ли мы не станем испытывать злобы к тому, кто нанес нам ущерб, поэтому не знаю, даровала ли природа, праматерь всех вещей, человеческому роду нечто большее, чем это изобретение законов, которое с древнейших времен по праву посвящалось бессмертным богам¹⁴. И неудивительно, что Аристотель, достойный звания величайшего из философов, в книге «О мире»¹⁵, написанной им для царя

¹³ В итальянском переводе это словосочетание понято или передано как «в суждениях толпы» (буквально «площади»), и английский перевод следует этому варианту.

¹⁴ Это любопытное выражение (*deos immortales, dei immortali, God*) отчасти можно считать данью гуманистическому стилю, подражающему языческой античности, не знавшей единого бога; автор использует множественное число, не только говоря о древних временах, но и в тех случаях, когда речь идет не только о боге, но и о святых и других культовых персонажах.

¹⁵ Трактат «О мире или о вселенной» (*“Περὶ κόσμου πρὸς Ἀλεξανδρῶν”*, 391–401), авторство которого приписывалось Аристотелю, относится к I или II в. н. э. Латинский вариант текста приписывают Луцию Апулею (125–170), автору «Золотого осла». К моменту написания трактата Контарини было хорошо известно, что *“De mundo”* не принадлежит Аристотелю; существовали разные переводы этого текста на латинский язык, например перевод И. Аргиропула, сделанный около 1471 г.

Александра Македонского, назвал в качестве вещи, которую он мог бы уподобить всеблагову Богу, не что иное, как старинный закон, правильно установленный в городе, ибо, по мнению этого великого философа, Бог для всего мира вещей есть почти то же, что старинный закон — для гражданского общества. В книгах же, где Аристотель рассматривает государство¹⁶, он называет закон умом, лишенным влечения, иначе говоря, чистым, ясным, не подверженным болезненным страстям умом, откуда, как может убедиться даже недалекий человек, следует то положение, которое мы назвали выше чрезвычайно полезным и превосходным, а именно: людским обществом должно управлять и руководить нечто более божественное, чем сам человек. Ведь если во главе управления будет поставлен человек, то могут возникнуть великие смуты и серьезная опасность [для общества], поскольку очень мало таких людей, кто отличается и благоразумием, и честностью, да и те часто под действием душевных страстей заблуждаются в суждениях и не принимают правильных решений. И если бы даже мы нашли человека, столь мудрого и честного, а также целеустремленного, что он ни при каком душевном смятении не отступил бы от своих обязанностей, то и при этом условии господство человека вместо главенства законов нежелательно, ибо по своей слабой природе смертного он не сможет так долго выполнять эти обязанности, чтобы, так сказать, стать наравне с вечностью законов. Этим, я полагаю, доказано, что высшая власть должна быть доверена законам, а не человеку, и лишь то небольшое, что не может быть ими охвачено, допустимо верить человеческому произволу. Необходимо, однако, чтобы был учрежден пост своего рода хранителя, наместника и слуги законов, который правил бы государством от их имени, и чтобы он выступал в качестве арбитра, так как законы не могут охватить всего, что касается судебной практики или принятия решений. И тут снова встает вопрос, который, по мнению некоторых, является следствием отсутствия всеобъемлющих законов: кому предпо-

¹⁶ Аристотель. Политика. Кн. III, 1287а.

чительно поручить защиту законов и решения, недостаточно оговоренные ими, — одному человеку, нескольким или многим? И хотя, по мнению многих, царское правление наиболее предпочтительно, я все-таки полагаю, что власть одного человека, которая по праву и по истине обладает царским достоинством, если рассматривать ее саму по себе, может быть, и превосходит все прочие, но тем не менее, в силу склонности человеческого ума впадать в худшее и вследствие краткости человеческой жизни, при царском правлении положение государства (status) вовсе не наилучшее, и для гражданского общества, как ясно показывает универсальный учитель — опыт, больше подходит правление множества людей. Ведь ни в древности, как можно прочесть, ни в наше время, как можно увидеть воочию, не было ни одной монархии (regium principatum), которая очень скоро не превратилась бы в тиранию. Многие республики, напротив, просуществовали много веков и процветали в мирное и военное время. Но и множество людей само по себе непригодно для правления, если они не соединены чем-то воедино, ведь их нельзя и назвать множеством, если у них нет некоторого единства. Поэтому и гражданское общество, представляющее собой некое единство, развалится, если по какой-либо причине множество не станет единым. Вследствие этого знаменитые философы, подробно описавшие устройство республик, считали, что они должны соединять власть оптиматов и популяров, дабы избежать неудобств правления каждой из этих партий и сохранить преимущества. Потому-то так восхваляют Лакедемонскую республику, в которой цари, эфоры и Сенат правили вместе, и было трудно отнести ее к какому-то одному виду власти. Однако осуждению подвергается то, что она была настроена только на войну, а заботы мирного и праздного времени были оставлены в небрежении, почему и случилось так, что эта республика, славная великой и разнообразной доблестью, пришла в упадок и затем пала, после того как начала пребывать в праздности. Известно, что и судьба римлян была сходной примерно по той же причине, каковая перспектива не укрылась в свое время от некоторых римских

сенаторов, в частности Назики¹⁷, полагавшего, что Карфаген не следует разрушать, несмотря на его соперничество, а вернее, вечную вражду с Римом. Ведь Риму нужен враг, чтобы с ним сражаться, а если отнять у него такого врага или соперника, то молодые люди в этой республике, настроенной на войну, начнут воевать друг с другом, будучи приученными к оружию. И хотя этот совет Назики был в то время отвергнут и было принято противоположное решение, сам ход вещей подтвердил его мудрость. После уничтожения Карфагена разгорелись бесконечные гражданские войны, которые разрушили некогда самую процветающую и могущественную из всех известных республик, и наконец, богатейший, а главное, всевластный город стал добычей варваров.

Если теперь перейти к учреждениям, то мы увидим, что наши предки, которые основали Венецианскую республику (*republicam*), были наделены удивительной мудростью и редкостным достоинством, потому что они не упустили ничего, что надлежит к правильному устройству государства (*reipublicae*). Прежде всего, они позаботились о том, чтобы все помыслы и обязанности граждан были проникнуты добродетелью и устремлены скорее на мирные, а не на военные дела. И особенно они постарались, чтобы ничем не нарушалось гражданское согласие, притом без ущерба для военного устройства — того, каковое подходит для нашего города: по его местоположению для него полезнее морские силы, а не сухопутные. Ибо ни конные отряды, ни пехотные войска не будут иметь легкого доступа к городу, как можно без труда заключить из того, о чем мы подробно говорили выше в связи с его

¹⁷ Публий Корнелий Сципион Назика Коркул умер в 141 г. до н.э. Подробнее всего о его доводах против Катона и за сохранение Карфагена говорит Плутарх, но несколько иначе: «Замечая, по-видимому, что народ становится непомерно заносчив и уже совершает множество просчетов, что, упиваясь своими удачами, исполнившись гордыни, он выходит из повиновения Сенату и упорно тянет за собою все государство туда, куда его влекут страсти, — замечая это, Назика хотел, чтобы хоть этот страх перед Карфагеном был уздой, сдерживающей наглость толпы: он полагал, что карфагеняне не настолько сильны, чтобы римляне не смогли с ними совладать, но и не настолько слабы, чтобы относиться к ним с презрением» (Плутарх. Марк Катон. 27 / Пер. С. П. Маркиша).

расположением. Итак, основатели избрали такое устройство и такое смешение всех полезных видов власти (*statuum*), что в одной республике сосуществуют и царское правление, и влияющие оптиматов, и гражданский строй, так что все формы соседствуют на равных, как мы увидим в дальнейшем изложении.

Если теперь обратиться к устройству Венецианской республики, то высшая власть в городе, решения и постановления которой наделяют Сенат и всех должностных лиц их правами и полномочиями, принадлежит совету¹⁸, куда входят все благородные граждане старше 25 лет, а многие другие, еще не достигшие этого возраста, если им исполнилось 20 лет, получают такое право по жребию, что подробнее будет объяснено ниже. Теперь же отметим прежде всего то, что наши предки проявили похвальную предусмотрительность, не включив плебс (*plebe, common people*) в состав этого собрания граждан, обладающего высшей властью в республике. Затем не менее благоразумным было установление гражданства по благородству происхождения, а не по величине имущества, как бывало обычно в древних республиках и как следовало поступать по мнению большинства старинных философов. Ибо город есть сообщество граждан, но не все люди, в которых он нуждается или которые живут в его стенах, заслуживают этого звания и по праву должны причисляться к числу граждан. Ведь каждому городу необходимы мастеровые и многие другие работники, продающие свой труд, а также слуги частных лиц, но никого из них нельзя назвать гражданином, так как гражданин — это свободный человек, а они находятся в рабском услужении, частном или публичном. Наемников и ремесленников следует

¹⁸ Большой совет (*Maggior Consiglio*) был образован в 1172 г. на основе Совета мудрецов (*Consilium sapientis*, буквально «совет мудреца», юридический термин, означавший, в переводе на современную нам терминологию, экспертное мнение), который был совещательным органом при доже, а с 1143 г. — при народном собрании. Он заменил последнее и стал высшим органом коммуны; с 28 февраля 1297 г. доступ в совет был ограничен, его получили те, кто заседал в нем раньше и члены их семей (заккрытие Большого совета). В 1315 г. имена этих семей были занесены в «Золотую книгу», таким образом, членство в Большом совете стало наследственным. В XVI в. число советников составляло более 2,5 тыс. человек.

считать общественными рабами. Ибо надо полагать, что как природа создала животных, так и города создаются людьми. В животном есть немало частей, которые не одушевлены, но они необходимы животному для жизни. Так и общество граждан нуждается во многих людях, которые, тем не менее, не являются его составной частью и не могут считаться таковой. Поэтому наши предки мудро позаботились о том, чтобы в их превосходной республике высшая власть не принадлежала всему народу. Ведь в городах, где высшей властью обладает народ, часто вспыхивают смуты и мятежи, но мы знаем из истории, что были и такие республики, и некоторые философы предписывали подобное устройство. Они полагали, что его можно правильно организовать, если его юридической основой будет имущественный ценз. Однако при этом возникают великие сложности и немалые неудобства, ибо часто случается, что люди самого низменного происхождения накапливают огромные богатства, потому что те, кто стремится приобретать с помощью грязных уловок и недостойных занятий, никогда не упускают случая прибегнуть к обману, дабы побольше заработать. Благородные же и воспитанные в духе свободных искусств¹⁹ граждане разоряются либо, как часто бывает, в силу неблагоприятных обстоятельств, либо потому, что, предаваясь упомянутым заботам, пренебрегают стяжанием имущества. Так и случается, что подлые люди, приверженные лишь выгоде и незнакомые с достойными искусствами, постепенно прибирают республику к рукам, а благородные и воспитанные в свободе, лишаясь богатств, теряют и гражданские права. Отсюда по необходимости возникают великие заговоры и смуты в государстве. Поэтому наши мудрейшие предки, желая избавить свою республику от этих бедствий, предпочли поставить гражданские права в зависимость от благородства происхождения, а не от влиятельности, однако с тем ограничением, что этими правами будут обладать не только самые знатные (это

¹⁹ В Античности свободными искусствами считались дисциплины, доступные для свободных людей, в Средние века к семи свободным искусствам причисляли грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку.

послужило бы усилению немногих лиц, а не республики), но и все прочие благородные граждане. Таким образом, все те, кто благороден по рождению или выделяется своей доблестью или заслугами перед республикой, с самого начала были наделены этим правом управления городом. Ибо если с момента первоначального собрания граждан к ним прибавились другие благородные люди, которые преумножили авторитет республики либо богатствами, либо великими подвигами, всем им, разумеется, было даровано право управления республикой, как мы видели и в наше время. Даже некоторые иностранцы и пришлые люди были включены в число граждан по причине их знатности или заслуг перед республикой, если они прославили ее каким-либо выдающимся деянием. Итак, это всеобщее собрание граждан, или, как его называют, Большой совет (*grau consilio*), обладающий высшей государственной властью и стоящий даже над Сенатом и всеми должностными лицами, воплощает в себе власть народа. Царскую же власть олицетворяет дож (*dux, doge, duke*)²⁰, который избирается не на определенное время, а пожизненно, и даже внешне напоминает монарха, выражая такое же достоинство и важность. Прочие граждане оказывают дожу царские почести, и все законы, указы и другие государственные постановления издаются от его имени. Сенат же, десять мужей (*capituli dieci*), и коллегия старейшин, или преконсульторов (*praeconsultores, proconsultori*), которые у нас в просторечии называются мудрецами (*savi*) и занимаются предварительным обсуждением государственных дел, а затем докладывают их Сенату, представляют своего рода правление оптиматов. Это главные учреждения республики, поэтому, прежде чем перейти к менее важным должностям, следует рассказать о них по отдельности.

Начнем с Большого совета, который стоит во главе республики. Все молодые люди патрицианского сословия, достиг-

²⁰ Латинский титул *dux*, передаваемый на русском также термином германского происхождения «герцог», буквально означает «(военный) вождь» и восходит к эпохе учреждения герцогств как административных единиц Византийской Италии (ср. с. 52, примеч. 5).

шие XX лет, приходят в магистрат, который в просторечии называется «авогадория» (*advocatorius, avogaria, advocacy*) и которому поручена охрана законов, с отцом, матерью, если отец умер, или ближайшим родственником, если они лишлись обоих родителей, и два свидетеля, достойные мужи, но не родные по материнской линии, удостоверяют, что юноша был рожден в законном браке достойной женщиной от его отца. Свидетели приносят клятву в том, что это подтверждается всеми, кого они знают, и притом единогласно. Затем отец, или мать, или близкий родственник, если у юноши нет родителей, клянется, что тому исполнилось XX лет. Все заносится надлежащим образом в книгу писцом упомянутого магистрата и хранится до четвертого декабря²¹. В этот день имена всех юношей, которые по воле жребия еще не приобрели права граждан и которым не исполнилось двадцати пяти лет, складывают в урну и несут ее к дожу (*ad principem*)²²; здесь ее ставят перед советниками. Рядом с ней находится вторая урна с таким же количеством шариков, сколько записок с именами сложено в первую. Пятая часть шариков сделана из золота, остальные — из серебра. Принцепс вынимает из первой урны бумажку с именем, из второй — шарик, и если он золотой, то юноша, с чьим именем совпало его извлечение, получает право занимать государственные должности и допускается в Большой совет. Коль скоро шарик серебряный, то претендент исключается и участвует в жеребьевке на следующий год, если не достигнет к тому времени XXV лет, потому что те патриции, которые достигли этого возраста, получают постоянные права граждан и властные полномочия, будучи допущены в упомянутый Большой совет. Таким образом, пятая часть молодых претендентов избирается каждый год по жребию вместе с другими гражданами. Если же случится, что отец или дед какого-либо патриция вследствие своего отсутствия или по другой

²¹ День святой Варвары, мощи которой хранились с X в. в Венеции.

²² Контарини в большинстве случаев называет дожа принцепсом, то есть первым лицом или государем, что соответствует и одному из его официальных титулов.

причине никогда не участвовал в такой жеребьевке и их имена не заносились в общественные книги, куда записаны все имена патрициев, то во избежание любых ошибок и незаконного проникновения какого-либо самозванца в круг знати решения такого рода не выносятся произвольно одной авогадорийей. Закон предусматривает, чтобы претенденты, как по представлению авогадоров, так и с помощью свидетелей и публичных записей, доказывали свое патрицианское происхождение XXXX мужам (*Quarantia*), которые и решают, достоин ли этот юноша включения в сословие патрициев. А чтобы не всякий отваживался добиваться подобного решения, было установлено, что любой желающий доказать свою знатность перед упомянутыми судьями должен сначала внести в магистрат пятьсот золотых монет (*ducati, crowns of gold*), и если он проиграет дело, то деньги поступают в казну. Наши предки позаботились о том, чтобы знатное сословие не потерпело никакого ущерба, ибо они постановили, что даже те граждане, которые перешли двадцатипятилетний рубеж, могут получить право участия в жеребьевке не ранее, чем докажут перед авогадорами (*avogadori, magistrates*) клятвой отца, матери или ближайших родственников, что достигли этого возраста, а также подтвердят с помощью двух свидетелей, что они происходят именно от того патриция, которого называют своим родителем, а не рождены вне брака или от опороченной матери.

Итак, мы рассказали о том, в каком порядке граждане получают доступ к публичной власти, а теперь я полагаю важным отметить, что наши предки считали очень полезным для содружества и объединения горожан, если они будут часто сходиться вместе, поэтому по закону и старинному обычаю утвердилось правило, что Большой совет собирается каждые восемь дней, а то и чаще. В его обязанности входит, прежде всего, назначение всех должностных лиц, как тех, кто вершит правосудие в городе и обладает другими полномочиями в республике, а именно Сената и десяти мужей (*decem viros, capi di diece, the tenne*), так и преторов (*i podestà, pretors*), префектов (*i capitani, captains*), квесторов (*i camerlinghi, treasurers*) горо-

дов и мест, союзных Венецианской державе (*in societatem Veneti imperii, compagna dell' imperio veneto, fellowship of the Venetian empire*), а также хранителей замков (*guardiani, governors*), командующего флотом (*classis imperator, generale dell'armata, the General of their navie*), лератов (*ambasciatori, ambassadors*), командиров трирем (*classis triremibus praesides, sovracomiti delle galee, captains of their gallies*) и вообще, если сказать одним словом, всех тех, кто имеет полномочия публичной власти внутри или вне города. Этот совет также утверждает все законы, относящиеся к устройству республики, особенно в период междуцарствия, то есть когда дож умер, а его преемник еще не вступил в должность. Но об этом мы скажем ниже. Теперь же сообщим о порядке созыва собраний.

Почти всякий праздничный день около полудня упомянутый совет собирается в обширном и просторном помещении, который мы назовем комицием (*comizio, session house*)²³. В нем имеется десять очень длинных скамей, почти равных по длине самому зданию. Все граждане, которые приходят туда, занимают место по желанию, ибо в комиции нет установленных мест, кроме как для тех должностных лиц, что руководят заседанием. Это дож, советники и три председателя XXXX мужей (*capi dei quaranta, presidents of the fortie*), восседающие на высоком помосте и обладающие правом доклада Большому совету. Затем на средних скамьях, которые также несколько приподняты и располагаются вдоль стен комиция, помещаются авогадоры и три председателя десяти мужей. Наконец, наиболее удалены от помоста дожа скамьи старых и новых аудиторов, о должности которых мы расскажем ниже. Все же прочие граждане, как я уже сказал, выбирают место произвольно. В назначенный час двери комиция закрывают, ключи приносят к помосту дожа и кладут к его ногам. После этого главный секретарь (*scriba primus, primo cancelliero, chiefe chaunsellor*), который не принадлежит к патрицианскому со-

²³ Зал Большого совета на втором этаже Дворца дожей, размерами 53 × 25 × 12 м, был обустроен в XV в., убранство эпохи Контарини было заменено после пожара 1577 г.

словию, но пользуется всеобщим уважением, поднимается на возвышенное место и громким голосом называет магистратов, которые должны избираться в этот день. Огласив их имена, он тотчас же переходит оттуда к помосту государя (*principis, principis, prince*) и громко призывает магистратов, председателей собраний, о которых мы говорили выше, подойти к дожу или, если он отсутствует, к советникам. Те немедленно приближаются и, принеся присягу, обещают соблюдать правила собраний и наказать предусмотренными в законе карами тех граждан, которые нарушили какие-либо указы. После этого они возвращаются на свои места, за исключением одного из авогадоров и одного из префектов десяти мужей, которые направляются в противоположную помосту дожа сторону зала и там усаживаются на предназначенные для них места. Прочие же авогадоры помещаются с правой стороны комиция, а двое оставшихся председателей десяти мужей — слева, напротив авогадоров. Примерно таким же образом старые и новые аудиторы садятся в конце комиция, как мы уже сказали, удаленном от помоста дожа, по обеим сторонам, справа и слева; так что магистраты, окружающие весь совет граждан, как бы охраняют его, дабы никто не мог безнаказанно покуситься на законы и постановления собраний. После того как магистраты рассядутся описанным образом, на помосте дожа устанавливаются три урны, содержащие золотые и серебряные шарики; одна урна ставится посередине, две — по бокам. В боковых урнах находятся по тридцать золотых шаров и очень много серебряных, а в средней — только LX шаров, из которых тридцать шесть золотых и двадцать четыре серебряных. На всех золотых шариках имеются надписи для жеребьевки на комициях²⁴, дабы избежать обмана. Затем со своих мест поднимаются три самых молодых члена совета и подходят к краю помоста, на котором стоят урны. Здесь каждый из них садится напротив одной из урн. Далее начинается жеребьевка, и с каждой

²⁴ Комиции (во множественном числе) — избирательные собрания, не следует путать это слово с комицием — местом проведения этих собраний.

стороны комиция встает тот ряд граждан, на который выпадает жребий. Дело в том, что по всей длине зала стоят десять рядов кресел, где располагаются граждане, как мы уже сказали выше, в произвольном порядке, но один жребий выбирает сразу два ряда, а именно по одному с каждой стороны комиция. Глашатай выкрикивает название того ряда, на который выпал жребий, и избранные ряды по обеим сторонам комиция встают; граждане, сидящие в этих рядах, подходят к урнам, рядом с коими около помоста дожа находятся члены совета, и каждый своей рукой достает один шарик. Если шарик серебряный, они возвращаются другим путем на прежнее место, а если золотой, то он сразу передается на обозрение члену совета, приставленному к этой урне, чтобы он прочитал нанесенную на этот шар надпись. Указанные надписи сделаны для того, чтобы никто не мог принести золотой шарик из дома и сделать вид, что достал его из урны, получив таким способом право на должность. Итак, тот, кому выпал золотой шар, тотчас же переходит к средней урне и вынимает из нее другой шарик. Если он серебряный, претендент возвращается на свое прежнее место, если же золотой, восходит на помост и садится в установленном месте напротив дожа. Второй, на кого выпал жребий, поступает так же, затем третий и следующие, до тех пор пока не наберется девять выборщиков, которые рассаживаются только с учетом старшинства по возрасту. Здесь нельзя умолчать еще об одном обычае, то есть о том, что имена тех, кто по жребию стал выборщиком, тут же во всеуслышание оглашаются секретарем, дабы их родственники не могли уже воспользоваться такой же возможностью и никто из близких не захотел испытать судьбу и стать выборщиком. Ибо в их ряды могут быть зачислены не более двух родственников. Это весьма благоразумное правило наши предки ввели для того, чтобы среди избирающих было больше родов и семей и публичными полномочиями могли воспользоваться многие граждане. Ведь если жребий выпадет на двух членов одной семьи и они приобщатся к публичной власти, этого должно быть достаточно.

Гаспаро Контарини. О магистратах и устройстве Венецианской республики

[RES-PUBLICA]

Вернемся, однако, к тому, от чего мы отклонились. Как только первая группа избирателей составлена, они выходят из комиция, и эти девять человек запираются в некоторой комнате (*conclave, luogo appartato e remoto, divided inner room*). Здесь находится один из секретарей республики (*scriba a secretis; cancelliero, o segretario; secretary*); сначала он говорит выборщикам, что они должны придерживаться законов, относящихся к избранию должностных лиц. Затем зачитываются решения Сената и прочие законы, запрещающие использовать при избрании или, лучше сказать, оглашении будущих кандидатов подкуп, какие-либо уловки и обман; после этого выше-названные девять выборщиков рассаживаются для проведения голосования по возрасту, то есть старшие занимают более почетные места и первые кресла. Ибо венецианцы не признают других различий между гражданами, кроме возрастных, дабы не создавать поводов для ссор и соперничества, о чем писали и величайшие философы, Аристотель в «Политике» и Ксенофонт²⁵ в знаменитом сочинении об обычаях царя персов Кира. После того как выборщики рассядутся, в урну закладывают девять шариков, пронумерованных от одного до девяти. Названия же магистратов, по поводу которых проводится собрание, занесены по порядку в несколько более длинный список. Старший из выборщиков достает из урны жребий, смотрит на его номер, и в соответствии с ним может назвать претендента на должность, которая имеет такой же номер в списке. Так же поступает второй, третий и все по очереди, и каждый из выборщиков по воле жребия получает право оглашения. Затем тот, кому выпала участь назвать первого магистрата, произносит его имя по своему усмотрению. В голосовании участвуют девять выборщиков. Если избранник получил шесть голосов этих выборщиков или более, то его провозглашают в этой должности и один из выборщиков заносит его под первым номером в список всех магистратов, по поводу которых проводится собрание. Если же он получил менее шести голосов, что

²⁵ В итальянском тексте — Zenope, в английском — Zenophon.

бывает очень редко, тот же выборщик называет другого, и все повторяется сначала в том же порядке, до тех пор пока кто-то не наберет шесть голосов. Этот же порядок соблюдается при избрании второго, третьего и всех прочих, пока эта группа выборщиков не изберет достаточное число отдельных граждан на отдельные должности. Пока она заседает в закрытом помещении, прочие граждане продолжают жеребьевку в комиции. Они подходят к урнам, когда на их ряды выпадает жребий, затем вынимают шарики, до тех пор пока девять человек не вытянут по два золотых шара. Эти девять человек составляют вторую группу выборщиков, как уже было сказано, распределенную по возрасту, которая отправляется также в отдельное помещение, и там еще один секретарь в таком же порядке, как и предыдущий, зачитывает законы и решения Сената, подлежащие соблюдению, а также рассказывает всех по местам и передает список магистратов в той же последовательности, как было нами описано относительно заседания первой группы выборщиков. Точно так же выборщики достают жребии, каждый свой, каждый называет отдельных претендентов на должности, которые являются предметом собрания, согласно доставшемуся жребию. И таким же образом еще девять человек составляют затем третью группу выборщиков и удаляются в уединенное помещение, где в точности повторяют всю процедуру. Так и следующие девять человек уходят в четвертое помещение, и это повторяется, пока не наберется тридцать шесть граждан — столько же, сколько золотых шариков в урне посреди помоста. Поэтому из шестидесяти граждан, которым выпали шестьдесят золотых шаров, остается тридцать шесть выборщиков, разделенных на четыре группы, а двадцать четыре человека, доставшие из средней урны серебряные шарики, ни с чем возвращаются на свое место. Я понимаю, сколь трудно описать эти подробности, весьма далекие от обычаев древних римлян, но полагаю, что лучше навлечь на себя обвинение в неспособности, чем в отсутствии старания. Поэтому все подробности, даже мельчайшие, будут тщательно нами рассмотрены, дабы при самом великом старании добавить было нечего.

Гаспаро Контарини. О магистратах и устройстве Венецианской республики

[RES-PUBLICA]

Теперь же вернемся к тому, от чего мы отклонились. Итак, на все должности, которые являются предметом рассмотрения на собрании в этот день, в четырех группах выборщиков бывают избраны по четыре гражданина, если не окажется, что в двух или трех группах выборщиков назвали одно и то же лицо, а так бывает. Но в основном на всякую должность бывает по четыре претендента, а на некоторые менее важные и почетные — только по два претендента, их имеют право называть две первые группы выборщиков, а остальные лишены такого права. Когда претенденты на все должности избраны в описанном нами выше порядке, выборщиков распускают, и в этот день они уже не могут участвовать в голосовании и вообще присутствовать в комиции. Главный секретарь, который, как я уже говорил, не обладает достоинством патриция (*patricius honos, gentiluomo, gentlemen*), но пользуется великим уважением, громким голосом зачитывает с помоста имена претендентов на первую должность, а также называет по отдельности тех, кто избран и какой группой выборщиков, а также того, кто в этой группе назвал его имя. Здесь, я полагаю, необходимо заметить, что, согласно закону, тот выборщик, который назвал и избрал кого-то из претендентов, становится его поручителем, и если названный им гражданин, обойдя своих соперников и получив желаемую должность, растратит казенные деньги, будет за это осужден и не сможет расплатиться, тот выборщик, который назвал его кандидатуру, возмещает убыток казне. Итак, после того как главный секретарь во всеуслышание провозгласит имена претендентов на первую должность, эти лица, если они присутствуют, вместе со своими сородичами и близкими выходят из комиция и удаляются в назначенное помещение, где ожидают результатов выборов на эту должность. Затем тот же главный секретарь призывает всех, чтобы каждый придерживался божественных и человеческих законов и подал голос за того, кто представляется наилучшим и наиболее полезным для республики кандидатом, и называет первого претендента, то есть того, который был избран первой группой выборщиков и за

кого теперь проводится голосование. Тотчас же поднимаются молодые люди, по два для обслуживания каждого ряда сидящих. Они держат в руках искусно соединенные между собой урны, внешняя из которых зеленая, а внутренняя — белая, но сверху они закрыты общим сводом. Запустив туда руку, можно подавать голос «за» или «против», причем никто из присутствующих, даже если он внимательно смотрит, не узнает, как ты проголосовал или в какую урну положил камешек. Голосование производится не бобами, а с помощью льняных шариков, дабы невозможно было понять по звуку, в какую урну брошен камешек, ибо наши предки полагали чрезвычайно важным для республики, чтобы суждения были свободными, и потому постарались сделать голосование как можно более тайным. Итак, вышеназванные юноши со своими соединенными вместе урнами возвращаются на место и подносят урны к каждому из граждан в том порядке, в котором те сидят. Каждый же из граждан, продемонстрировав, что у него в руке находится камешек (*calculus, ballotta, ball*), запускает ее в свод и кладет камешек в ту урну, которая ему подходит: если он голосует «за», то во внутреннюю белую, если же против, то во внешнюю зеленую. Голосование проводится в описанном порядке одновременно для сидящих на всех скамьях и тем способом, который был нами указан. Поэтому за короткое время все граждане могут проголосовать. Затем урны подносят к помосту дожа, и здесь собранные голоса разделяются по двум большим сосудам, а именно: поданные в пользу кандидата и положенные в белые урны — в белый сосуд, а собранные в зеленые урны и отвергающие данную кандидатуру на эту должность — в зеленый. Далее [сосуды] переносятся для подсчета голосов к советникам, среди которых сидит дож. Голоса из белого сосуда, благоприятные для претендента, подсчитываются теми советниками, что сидят справа от государя. Собранные же в зеленый сосуд, то есть те, что «против», проверяются теми, кто сидит слева от него. При советниках находятся секретари, которые тотчас же записывают количество голосов. Пока заканчивается первое голосование, в таком же

порядке начинается второе относительно претендента, названного второй группой. Точно так же сосуды переносят к советникам, те подсчитывают голоса, а писцы записывают полученное количество. Затем голосуют за третью и за четвертую кандидатуру, если они имеются. После подсчета голосов занявший первое место, при условии что за него подано более половины, провозглашается первым секретарем избранным, и когда выборы всех магистратов заканчиваются, совет распускается. Если же никто из претендентов на должности не соберет больше половины всех голосов, то все кандидатуры отвергаются и выборы переносятся на другое собрание. После окончания комициев по поводу первого магистрата называют имена выбранных претендентов на второй, и они уединяются вместе с родственниками и свойственниками. А те, что до этого уходили, то есть родственники и свойственники первых кандидатов, возвращаются в комиций. В таком же порядке и на тех же точно условиях, в той же последовательности проводится голосование по претендентам на вторую должность, и снова советники производят подсчет голосов. Избирается тот, кто набрал больше голосов, если их больше половины. Так же поступают со второй должностью, затем с третьей и четвертой и со всеми прочими должностями магистратов. По завершении выборов главный секретарь громко провозглашает имена избранных, и затем совет распускается, но собрание не может продолжаться после захода солнца. И если придет время заката, то провозглашаются имена всех избранных к этому моменту, а те, кто остался, во внимание не принимаются. Таким образом, по причине нехватки времени они не могут воспользоваться преимуществом, предоставленным им жребием и выборщиками. Это было установлено с большим основанием, ибо в случае продолжения выборов ночью магистратам, возглавляющим собрание, было бы нелегко удерживать такое количество граждан в должных рамках, дабы под покровом ночи они не нарушили как-либо закон. Поэтому наши предки, люди мудрейшие и предусмотревшие все благодаря своему редкому благоразумию и проницательности, за-

претили проводить собрания после захода солнца и вносить какие-либо светильники в зал, пока продолжаются выборы.

Таков порядок проведения всех собраний по выборам. Следует здесь упомянуть, что должности распределяются среди граждан таким образом, что даже два представителя одной семьи или два близких родственника не могут принадлежать к одному магистрату. Точно так же два родственника, близко связанные семейными узами, не могут на одном собрании становиться по жребию выборщиками, как мы показали ранее. Это было установлено по важной причине, чтобы право публичной власти принадлежало многим, а не малому числу людей, связанных родством. Ибо, придя к власти, они смогут затеять все что угодно и внести смуту в республике. Многие же другие, не имея доступа к почетным должностям, возненавидят власти и по необходимости возжелают перемен. Но трудно ожидать, что республика, в которой часть граждан, и притом бóльшая часть, недовольна устройством власти, сможет долго просуществовать. Вообще нет более важного признака республики, чем принадлежность власти множеству людей, и так как республика состоит из граждан, среди которых царит полное равенство, никак невозможно допустить, чтобы у них не было равного доступа к почетным должностям. Ведь те, кто присваивает общественные права членам немногих семей, образуют государство избранных, именуемое по-гречески олигархией. Поэтому в Венецианской республике должности распределяются среди граждан таким образом, чтобы, насколько возможно, все дома и семьи участвовали в отправлении почетных должностей и государственных обязанностей, но с тем условием, чтобы республикой управлял не всякие, а только выдающиеся своей честностью и благоразумием мужи, способные занимать названные должности. Первое из описанных учреждений имеет в себе нечто от народного правления, а второе — от власти оптиматов, и поэтому становится яснее ясного, что в нашей республике соединены все виды правильного управления государством. Ибо хотя в упомянутом Большом совете имеются некоторые признаки народного правления,

однако к ним примешаны черты, присущие власти оптиматов. Ведь выборность магистратов по жребию относится к народовластию, и она соблюдается в подобном государстве точно и справедливо, по правилам арифметики; здесь исходят из того, что раз всякий представитель народа является свободным гражданином, а к равным следует относиться одинаково, то каждый и должен пользоваться в республике одинаковыми правами и удобствами, и нет такой причины, по которой у одного было бы больше прав на должность, чем у другого. Но так как все не могут повелевать одновременно, а только по очереди, то справедливым считается доверить выбор жребию, чтобы управляли те, на кого он выпадет. Напротив, при власти немногих, которая не подходит для республики, правят оптиматы, ибо считается, что при неравенстве не должно быть равенства, и так как богатые превосходят прочих граждан своим семейным имуществом, то им и принадлежат высшие должности. Оба эти способа ошибочны и далеки от истинности, хотя пытаются на нее претендовать. Ведь те, кто говорит, что равным следует поровну или неравным не следует поровну, одинаково правы. Они ошибаются в том, что первые видят равенство только в количестве, а вторые — неравенство только в богатстве, потому что те, кто количественно равен, равны лишь отчасти, а не во всем. А те, кто не равны богатством, не могут считаться вообще неравными, но только неравными в некотором отношении. Так как гражданское общество установлено для благополучной жизни, неравенство может определяться только добродетелью, и те, кто отличается ею, как выдающиеся и лучшие, должны получать почетные места, а тем, кто обладает равной добродетелью и гражданскими качествами, полагаются равные почести. Таково устройство и правило господства оптиматов. Народовластию же свойственно при выборах пользоваться жеребьевкой, так же как правлению оптиматов свойственно считать достойным участия в совете того, кто превосходит прочих добродетелью, а остальных отвергать как недостойных. Отсюда, я полагаю, следует, что в описанном порядке выборов на собрании народная форма

власти смешана с оптиматской, но в такой пропорции, что последняя преобладает над первой. Ведь жребий господствует только при назначении выборщиков, потому что по его воле без ущерба для республики к власти могут прийти и негодные кандидаты наравне с наилучшими. Но при распределении должностей ничто не предоставляется воле жребия, а все зависит от выбора и суждения. Здесь уместно упомянуть о таком обычае: при избрании на должности, кои требуют мужей, одаренных особым благочестием и умением, к четырем выше-названным группам выборщиков в качестве пятой группы прибавляется Сенат. Ибо когда эти группы называют претендентов в предназначенных для этого запертых комнатах, Сенат собирается в малом зале, и каждый сенатор имеет право назвать кандидатуру на те должности, по которым проводится жеребьевка. Тот, кто наберет больше голосов, провозглашается избранным голосованием Сената и становится пятым претендентом. Отсюда ясно, что в нашей республике способ правления оптиматов представлен в большей степени, нежели народный. Впрочем, мы достаточно подробно изложили этот способ и порядок выборов.

Перейдем теперь к тому государственному учреждению, которое должно уравнивать народное правление неким подобием царского, как в струнных инструментах для установления созвучия голосов (διὰ πασῶν, diapason, dyapason) низкие голоса уравнивают высокие, и вместе со средними голосами магистратов создавать единое созвучие идеальной республики.

К Н И Г А   В Т О Р А Я

Как всем известно, в Венеции личность царя и форму царского правления воплощает собой принцепс (*principe, prince*). Поэтому описав в меру наших сил, хотя и недостаточных для столь достойного предмета, собрание граждан, представляющее народ, мы приступаем к объяснению того, почему наши предки, мудрейшие и выдающиеся люди, пожелали, чтобы во главе республики стоял один государь, а также того, когда был учрежден этот пост и каково было его происхождение. Всем, я полагаю, известно то, что мы часто будем повторять в нашем сочинении, а именно, что гражданское государство (*civitas civilis, la città... civil compagna; cittie... civil society*)²⁶ есть некое общество, которое само по себе должно обеспечивать благую и блаженную жизнь (англ. *happie and quiet life*)²⁷. Общество же — кто станет спорить? — удерживается неким единством, а разрушается, напротив, разногласием. Отчего и бывало, что великие и богатые города очень быстро распадались и исчезали с лица земли вследствие раздоров и гражданских распрей. Но единство невозможно сохранить без того, чтобы поставить

²⁶ В латинском оригинале эпитет «гражданское» привязан к слову «город» (*civitas*), которое переведено здесь как государство, а в итальянском и английском переводах — к «обществу».

²⁷ *Ad bene beateque vivendum* — словосочетание, часто встречающееся в трактате, заимствовано у Цицерона («О границах добра и зла». I, 14) и восходит к Аристотелю (Никомахова этика. VI, 5).

во главе множества граждан и всех должностных лиц, коим поручены некоторые обязанности, одно лицо, которое соединяло и скрепляло бы это несколько разнородное (*diffluentem; dispersa, e sbandata; scattered & disioynted*) множество воедино. Такой принцип величайшие философы, выдающиеся исследователи природы отмечали как в устройстве Вселенной, так и в микрокосме, то есть в живом организме. Они видели, что во всем разнообразии движений совокупных вещей, каждой из которых руководит ее природа, есть некое общее небесное и постоянное движение; среди множества причин — первопричина всего; наконец, среди многих и разных членов тела животного со всеми их разнородными функциями находится одна душа и один орган, то есть сердце, которое приводит все к единству.

Если множество граждан не будет примерно таким же образом организовано с помощью законов и не согласится иметь одного главу, на которого была бы возложена забота об общем для всех благе и о сохранении гражданского единства и с которым, как с главной и последней целью, должны были бы соотноситься все поступки граждан, как частных, так и облеченных властью, то такое общество не сможет долго существовать и погибнет, развалившись на части. И это произойдет не по вине или злой воле кого-то из граждан, а только из-за их усердия в исполнении своих собственных обязанностей, если общее благо не будет поручено никому в особенности. Поясним это на примере начальников снабжения хлебом (*rei frumentariae praefecti, prefetti, officers*). Они главным образом стараются, чтобы их усилиями в город свозилось отовсюду побольше пшеницы и чтобы цены на нее были низкими. Но это, быть может, снизит государственные доходы. Начальники же флота (*praesides, presidenti, officers*) должны с тем же основанием печься о том, чтобы построить как можно больше трирем (*galee, gallies*)²⁸, украсить их всевозможным военным и мор-

²⁸ Триремы — суда, где гребцы сидели в три ряда; Контарини называет этим латинским словом венецианские галеры с одним рядом весел.

ским снаряжением, что прекрасно, и потратить на это государственные деньги, собранные из всех источников, но из-за этих стараний, возможно, не хватит остальных доходов казны для восстановления стен городов и замков и для наместников областей. Так, лишившись скреп, республика распадется на части не из-за недостатков, а из-за рвения ее граждан, каждый из которых будет стараться хорошо выполнять свои обязанности. Из указанных неудобств со всей очевидностью вытекает, что необходимо поручить заботу об общем благе кому-то одному, не наделяя его определенными обязанностями, а только той, чтобы он умерял и направлял деятельность каждого в целях общего блага и единства республики; не думаю, чтобы для государства было полезно доверить это дело многим людям на равных. Ведь то, о чем одинаково заботятся многие, находится и в одинаковом пренебрежении, как говорит Аристотель²⁹, и если случится нечто неподобающее, нельзя будет возложить вину на одно лицо среди этого множества. Не говорю уже о соперничестве и вражде, которые часто возникают между многими равными. Если же такую должность займет один человек, но временно, то есть на год или полгода, а не пожизненно, то он, конечно, сочтет достаточным, чтобы государство благоденствовало, только пока он не оставит должность, и не будет заботиться о будущем и об исходе дел. Потому-то и случается, что такая забота чаще оборачивается плохо. В этом можно убедиться на опыте, глядя на многие республики, в последнее время использовавшие этот способ управления. Поэтому в нашем городе было благоразумно устроено так, чтобы в государстве была представлена некая разновидность царской власти, ограниченной законами, что дает возможность устранить все неудобства и опасности, угрожающие республике, и сохранить пользу и удобство, присущие царскому правлению. Здесь не

²⁹ Аристотель. Политика. 1261а: «К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого» (здесь и далее пер. С. А. Жебелева).

забыто ничто из желаемого, и при этом республика обладает полной свободой, но во главе ее находится царь. Избирается один принцепс, который носит звание дожа (intituled with a dignitie of a duke), но возглавляет государство пожизненно и заботится исключительно об общем благе, что скрепляет государство, как выше было показано, я думаю, достаточно убедительно. Однако во всей республике нет таких дел, которые его не касаются. Он должен следить за исполнением долга каждым частным лицом и каждым магистратом и так управлять ими, чтобы все они служили общему благу, сливаясь в некой гармонии, и образовывали гражданское единство. И при этом, чтобы ни одна должность не исполнялась с чрезмерным рвением или с небрежностью, то есть чтобы все служили общему благу. Задача принцепса такова: он, как некое зеркало, отражает все, что делается в республике, и если увидит, что кто-то не справляется с должностью, то, призвав его, сначала порицает словесно перед всей коллегией, а если необходимо, приглашает авогадоров или начальников X мужей и приказывает им расследовать поступки виновного и наказать его по приговору совета. При желании сам дож может воспользоваться полномочиями авогадоров или начальников X мужей и доложить совету о совершенном кем-то преступлении и о необходимости назначить штраф. Как это обычно происходит, мы расскажем ниже, когда речь пойдет об уголовном суде. Также у принцепса есть право возглавить любую коллегия граждан наравне с ее начальником и располагать такими же полномочиями, как другие начальники, чтобы он мог вникать в любое дело и судить о нем. Однако его власть так ограничена законом, что сам он не может принимать решения и обладает такими же правами, как и каждый из прочих заседающих с ним магистратов, которые прикреплены к этим должностям. Но права магистратов настолько умеренны, что даже высший из них не может принимать единоличное решение о чем бы то ни было малозначительном. Однако об этом подробно говорится в своем месте. Во всех советах дож имеет право одного голоса, как и другие. А когда при стечении всех граждан в Большом совете

производятся выборы должностных лиц, он не может голосовать за членов своей семьи и родственников и пользуется равными правами со всеми. Из этого, как я полагаю, всякому будет ясно, что венецианские принцессы начисто лишены возможности злоупотреблять властью и вести себя как тираны. Этот обычай закрепился с древнейшего времени и с самого основания города, и настолько утвердился, что для Венецианской республики посягательства принцеса на ее свободу являются наименьшей угрозой³⁰. Так как великие труды и огромное напряжение духовных сил будут для любого неприемлемы, если их чем-то не уравновесить, издержки власти возмещаются принцесу в форме царских почестей, достоинства и обличия. Он всегда носит царское платье, украшенное пурпуром или золотом. На голове он носит льняное покрывало, подобное царской диадеме; над ним находится порфиновый капитий³¹ (*mitra*, *miter*), украшенный золотой каймой, часть которого, покрывающая затылок, возвышается в виде рога. Место дожа на помосте похоже на царское. Все граждане, как должностные, так и частные лица, обращаются к сидящему принцесу с непокрытой головой в знак особого почтения к нему. Он не встает никому навстречу. Государственные документы издаются от его имени и подписываются им же. Всякий посол, наместник (*podestà*), военачальник (*capitano*) и прочие желающие письменно обратиться к Сенату, адресуются к принцесу; указы, законы и решения Сената публикуются от его имени. Все золотые и серебряные монеты чеканятся с именем и изображением принцеса. Но, если сказать кратко, во всем воплощается видимость царского звания, власть же — ни в чем. И никто, будучи в здравом уме, не станет отрицать, что это установление, как и все прочие в Венецианской респуб-

³⁰ В действительности первые столетия истории Венеции как самостоятельного государства (IX–XII вв.) протекали на фоне жестокой борьбы между знатными фамилиями за пост дожа и между дожами и патрициатом за власть, причем дожи пытались сделать ее наследственной.

³¹ Буквально «головная повязка». Однорогий головной убор дожа (*сogno*) имел форму фригийского колпака и надевался поверх мягкой ермолки — *камауро*.

лике, является весьма мудрым. Ибо упомянутыми почестями вознаграждаются труды деятельного государя, и народ считает, что это единственная награда добродетели, как говорят и великие философы. Аристотель утверждает в «Этике», что, «так как те, кто правильно и разумно исполняет свои обязанности, стараются не о своей пользе, а о пользе других, им надлежит и справедливое воздаяние в виде высших по сравнению с прочими почестей»³². Кроме того, благодаря такому высокому достоинству принцепса все граждане очень опасаются наказания с его стороны и более старательно исполняют порученные им обязанности. Принцепсу приданы шесть советников из шести кварталов (*tribù*), на которые поделен весь город, то есть лучшие из лучших. Они находятся в должности на протяжении восьми месяцев, постоянно заседаая вместе с принцепсом и выслушивая с ним все дела, и текст всех государственных писем принимается с одобрения четырех советников, которые под ними и подписываются, но не под теми, которые отсылаются, а под написанными ранее секретарями; с оригиналов снимают копии и сохраняют их. Здесь нельзя умолчать о том, что упомянутые грамоты, которые выдаются не по приказу совета, а по воле принцепса и его советников, не имеют большого веса и относятся к малозначительным делам. Ведь, как мы постоянно повторяем, вся власть и все полномочия принадлежат совету, и нет такого должностного лица, которое обладало бы обширной властью. Однако о советниках мы скажем ниже, а теперь вернемся к принцепсу, или дожу. Итак, поскольку принцепсу подобает царское достоинство, но нередко бывает, что частного имущества недостает для его соблюдения и для исполнения всего подобающего, то из госу-

³² Ср.: *Аристотель*. Никомахова этика. 1134а (5.6.7.): «...начальник — страж правосудия, а раз правосудия, то и равенства по справедливости. А поскольку считается, что у него, если только он в самом деле правосуден, “больше” не бывает (он ведь не уделяет себе больше безусловного блага, за исключением того, что для него пропорционально; потому его труд на [пользу] другому, и недаром говорят, что правосудность — это “чужое благо”, как и было ранее сказано), постольку ему следует давать определенное вознаграждение, а именно уважение и почести; те же, кому этого недостаточно, становятся тиранами» (пер. И. В. Брагинской).

дарственной казны дожу выделяются три тысячи пятьсот золотых монет в год. А во избежание того, чтобы некто по скупости не обратил эти деньги на семейные нужды, к ущербу для общественной пользы и достоинства, для дожа установлены некоторые обязанности, которые он несет за свой счет и ради пользы для республики и своего авторитета. Если же он станет этим пренебрегать для экономии средств, на его наследников будет наложен огромный денежный штраф, так что вместо увеличения родового имущества и обогащения наследников он причинит им великий убыток, уронив свой авторитет из-за жадности; а своим потомкам оставит в наследство позор и поношение. У дожа имеется много телохранителей³³, впрочем, безоружных; он всегда одевается в шелковые одежды, его дом украшен великолепными коврами, там находится множество серебряной посуды и все, что подобает мужу такого звания. Четыре раза в год он дает обеды на шестьдесят и более граждан, богато и великолепно обставляя трапезы. Этот старинный обычай, практиковавшийся у лакедемонян и критян, имевших великие республики, наши предки в несколько более умеренном виде перенесли в наше государство. Ибо частые сходки граждан очень способствуют установлению гражданского мира, поэтому лакедемоняне и критяне ввели у себя публичные пиры за казенный счет; приходя на них, граждане лучше узнавали друг друга и благодаря этой взаимной привычке теснее привязывались друг к другу. Однако на этих открытых для всех сходах и пирах неизбежно возникали ссоры и беспорядки, потому что всякий из тех, кто за них отвечал, хотел получить что-то для себя и казне наносился большой ущерб. Поэтому указанный старинный обычай дошел до Венеции в исправленном и измененном виде, и отвечать за него было поручено принцепсу. Итак, четырежды в год он приглашает граждан на богатые, но не способные вызвать зависть трапезы, причем не всех подряд, а только тех, кого пожелает,

³³ В итальянском переводе: *o come vogliam dire fanti*. В английском тексте: *as you would say of his guard*.

помимо советников и авогадоров, префектов сорока мужей и начальников X мужей, которые по своей должности имеют право присутствовать на пирах у принцепса. Кроме них приходят приглашенные граждане. Эти четыре пиршества распределены таким образом, что самые старшие и достойные граждане приглашаются зимой, в день первомученика святого Стефана³⁴; они приходят рано утром в общественное здание, отведенное для проживания принцепса, и торжественно провожают его оттуда в храм Святого Марка. Там они слушают обедню, а по ее окончании возвращаются вместе с принцепсом к нему домой и там вместе трапезуют. В апреле, на день евангелиста Марка³⁵, которого венецианцы особо почитают и которого называют своим покровителем с тех пор, как его мощи были перевезены из Александрии, знаменитого египетского города, в Венецию³⁶, принцепс приглашает более молодых и не столь заслуженных граждан, которые также присутствуют вместе с ним на торжественном богослужении, а затем отправляются на обед. На праздник Вознесения³⁷, когда в Венеции устраивается ярмарка, принцепс приглашает тех, кто достиг возраста возмужания. Они также рано утром сопровождают выход дожа, поднимаются вместе с ним на корабль, специально построенный для таких случаев и именуемый у венецианцев «Буцентавром», и когда выходят из лагуны, иначе говоря, как только завидят открытое море, то с разрешения пап (high bishops), каковые почтили республику за многие славные и достойные подвиги в борьбе с врагами христианского имени³⁸, дож бросает в море золотое кольцо и говорит примерно следующее: он обручается с морем этим кольцом

³⁴ 26 декабря.

³⁵ 25 апреля.

³⁶ По преданию, св. Марк умер в Александрии; его мощи были тайно вывезены оттуда венецианскими купцами в 829 г.

³⁷ Феста делла Сенса праздновалась в четверг шестой недели после Пасхи, примерно в середине мая.

³⁸ Папа Александр III санкционировал существовавший ранее обряд в 1177 г., по случаю заключенного в Венеции и при ее посредничестве мира с императором Фридрихом Барбароссой.

в знак истинной и вечной власти. Затем городской епископ проводит некоторые церемонии, после чего все отправляются в очень древний храм Святого Николая³⁹, стоящий на берегу, где море граничит с лагуной. Там совершается церковная служба, а после нее участники снова всходят на корабль, возвращаются в Венецию, провожают принцепса домой и там обедают в его обществе. На четвертое пиршество приглашаются молодые граждане, которые торжественно отправляются вместе с принцепсом в двенадцатый день до июльских календ, день мучеников Модеста и Вита, в посвященный им храм, находящийся за Большим каналом⁴⁰, разделяющим город пополам. Этот канал перегораживается мостом, устроенным на триремах⁴¹, ради того, чтобы сократить время указанной процессии, которая иначе растянулась бы слишком надолго. Итак, они посещают храм, присутствуют на богослужении, и опять-таки принцепс, вернувшись домой, устраивает для них богатый пир. На этих празднествах часто выступают танцоры, мимы, изрядные певцы, услаждающие пирующих, а также устраиваются разные игры (*ludi nonnulli, parecchi giuochi, sports and plays*), которые замечательно развлекают зрителей.

Так этот старинный обычай перешел в Венецианскую республику, но в ограниченном виде, ибо в указанном порядке граждане почти всех рангов могут посетить пиры, однако каждый наравне с равными ему. Это идет на пользу авторитету государя и способствует установлению дружеских уз между гражданами. Впрочем, поскольку на этих ежегодных пирах не могут присутствовать все патриции, то во избежание обид еще в старину был принят закон и обычай, согласно которому зимой принцепс посылает каждому гражданину, имеющему пра-

³⁹ Церковь Сан Николо дель Лидо, современное здание восходит к XVI в.

⁴⁰ Канал Гранде. Праздник отмечается не 18 июня (за двенадцать дней до июльских календ), а 15 июня, в итальянском переводе приведена именно эта дата. Он был установлен с 1310 г., после раскрытия заговора Байямонте Тьеполо. Старинное здание церкви было разобрано в 1813 г.

⁴¹ В итальянском тексте добавлено: *sopra due galee*, то же в английском: *upon two galleys*.

во голоса в Большом совете, пять морских уток (wild duckes⁴²) в качестве символа соучастия в публичном пиршестве, и это также немало содействует дождю в сплочении граждан. На эти расходы тратится большая часть денег, которые ежегодно отсчитываются принцепсу из казны. Поэтому дождь, даже если и захочет, не сможет замарать грязной алчностью чистоту и достоинство занимаемого им поста.

Поскольку мы изъяснили почти все, что касается власти и полномочий принцепса, следует рассказать о том, отчего и когда венецианцы решили завести дождя, а также то, каков порядок его избрания. При самом начале города, когда благородные жители Венецианской провинции из Аквилеи, Альтино, Конкордии, Опитергия, Патавия⁴³ и других богатых и многонаселенных мест под натиском гуннов, ведомых царем Аттилой и разоряющих Италию, пришли в лагуну, где потом была основана Венеция, и обосновались там, каждый в своем месте, поближе к покинутой родине, были построены примерно двадцать два городка, частично на побережье, окаймляющем собственно лагуну, отчасти на холмах, возвышающихся вокруг нее. И так как поначалу эти городки были плохо защищены и не обладали достаточным количеством кораблей, чтобы в одиночку противостоять пиратам и разбойникам, они пришли к тому, чтобы позаботиться об этом совместно, раз уж им выпала одинаковая судьба. Они решили совместно охранять свои припасы: хлеб, вино, плоды — все необходимое для пропитания, а также в особенности свои домашние очаги от возможных нападений пиратов, которым были подвержены их еще плохо защищенные города. Для этого они сначала избрали в каждом городе префекта и начальника из граждан, и называли их трибунами, и все вместе постановили, что эти трибу-

⁴² В английском тексте вставлено примечание на полях: "A strange ceremony observed by the Duke of Venice, but now the same is altered, and the wild ducks changed into a piece of silver soune" («Странная церемония, соблюдаемая венецианским дождем; однако теперь она изменена, и дикие утки превратились в серебряную монету»). В итальянском тексте также есть маргиналии, но в данном случае сказано лишь: «Подарок, посылаемый дождем небожителям».

⁴³ См. с. 52, примеч. 4.

ны будут собираться в определенные дни и обсуждать общие дела. Вскоре по опыту выяснилось, что, так как никто из трибунов не отвечает за них больше, чем остальные, возникают многие неудобства, поэтому было бы полезнее и удобнее для всех поручить заботу об общем благе одному человеку, которого все должны признать своим главой. Так было решено с согласия жителей всех местечек, что будет избираться единый дож, или принцепс⁴⁴. Первоначально его резиденция находилась в городке Геракле⁴⁵, расположенном в глубине лагуны, на острове близ устья реки Плавис⁴⁶, который теперь вследствие водных наносов соединился с материком. Затем, так как это место оказалось неподходящим, потому что оно находилось на отшибе и зачастую еще до того, как дурные вести достигали его, пиратам удавалось проникнуть в лагуну и застать врасплох ничего не подозревающих жителей или разрушить их корабли, было решено, чтобы принцепс оставил Гераклею и перешел в Маламокко⁴⁷, городок, находящийся в середине побережья, где дож легко мог бы узнавать обо всех кознях, готовящихся пиратами, и без труда приходить на помощь в любое место. Наконец, когда Пипин⁴⁸ угрожал разорить и поработить город Венецию в самом его начале, почти при зарождении, жители всех городов перешли в Ривоальто⁴⁹, и туда же было перенесено местопребывание принцепса, и, по мере того как сюда стекался народ, Венеция росла до сегодняшних раз-

⁴⁴ Скорее всего, первые дожди назначались византийцами как герцоги (*duces*), военные руководители итальянских провинций (ср. с. 64, примеч. 20).

⁴⁵ В современной Эраклее насчитывается около 13 тыс. жителей; на протяжении нескольких столетий город был заброшен из-за заболачивания. Предположительно с 697 или 698 г. Гераклея была резиденцией первого дожа Павла Луция Анафеста (Паолуччо Анафесто).

⁴⁶ Пьяве, в итальянском тексте — *Piave*.

⁴⁷ Городок в южной части острова Лидо, античное название Метамавк. Резиденция дожа была перенесена в старый Маламокко в 742 г., тогда же право избирать его получили местные жители.

⁴⁸ Пипин правил Италией от имени Карла Великого. Его нападение на венецианские владения было следствием борьбы за влияние над ними с византийцами (ср. с. 52, примеч. 5).

⁴⁹ Риальто, современный район Венеции в сестьере Сан Поло, описываемые события относятся к 809–812 гг.

меров. Таким образом, с самого начала Венецианской республики во главе ее стоял один государь. Однако первые дожи имели больше полномочий⁵⁰. Затем же под влиянием опыта власть принцепса была доведена с помощью более совершенных установлений и законов до того более скромного уровня, на котором находится сейчас. Сначала порядок выбора следующего дожа вместо умершего был довольно простым, ибо наши предки были проникнуты сугубым благонравием и честолюбие было им совершенно чуждо, так что каждый отказывался принять на себя эти обязанности, и принцепсом при открытом одобрении народа провозглашали того, кто считался самым благоразумным и достойным. Затем, когда город вырос и число его жителей умножилось, было сочтено, что для государства вредно, чтобы решение в столь важном деле зависело от легкомысленных настроений народа. И власть выбирать дожа получили одиннадцать мужей, избираемых из самых честнейших⁵¹. Затем, после того как с увеличением полномочий выросло и честолюбие, был учрежден некий новый и до того не известный вид выборов и введен более сложный порядок выборов дожа. Вкратце расскажем о нем, дабы ничего не упустить в начатом труде.

По смерти принцепса и по отдании ему последних почестей советники, которые постоянно собираются во время междуправления в предназначенной для дожа публичной резиденции, созывают Большой совет. На этом первом после кончины дожа собрании описанным нами выше образом избираются пять граждан, которые должны тщательно изучить деяния покойного принцепса и отменить по решению совета те его рас-

⁵⁰ С IX по XI в. при достижении фактической независимости от Византии власть дожей была монархической и временами наследственной; при жизни дожи назначали своих соправителей, но лишились этого права в 1032 г. Их полномочия постепенно урезались в пользу новых институтов, членами которых становились представители торговой аристократии. Дожи часто лишались власти насильственным путем, причем свергнутых правителей, по византийскому обычаю, ослепляли или постригали в монахи, что несколько противоречит рисуемой автором картине.

⁵¹ Это произошло в 1172 г.

поряжения, которые противоречат законам и указам⁵². Если же он принимал от кого-либо подарки либо не произвел установленных расходов, названные пять докладчиков от имени совета налагают на его наследников штраф, предусмотренный законами. Это денежный штраф, который выплачивается наследниками в пользу государства и вносится в казну. На этом же собрании избираются еще пять граждан, кои немедленно уединяются в закрытом помещении (conclave), находящемся рядом с комицием, и не выходят оттуда, пока не договорятся, следует ли прибавить принцепсу какие-то полномочия или отнять их у него. После этого обсуждения снова собирается совет, и только тогда они выходят из закрытого помещения (а до того не могут), и каждый из них высказывает перед советом свое мнение относительно прав государя, а затем при участии всех граждан голосованием решается, что является наиболее благоприятным для республики. Когда решение принято, его прибавляют к тем законам, которые должны соблюдать принцепсы согласно их полномочиям. На следующий день начинается сложная процедура выборов дожа. Собираются все граждане, которые достигли XXX лет, ибо, согласно старинному обычаю республики, младшие и не достигшие этого возраста не допускаются к выборам. Избирателей пересчитывают и помещают в урну такое количество шариков, которое соответствует этому числу. Из них тридцать золотые, а остальные — серебряные. Эта урна ставится на помост комиция, где заседают советники. Рядом с урной стоит мальчик, вынимающий жребии. Граждане вызываются по скамьям. Все подходят к урне в том порядке, в каком они сидели, однако, в отличие от других выборов, никто не запускает руки в урну, а стоящий рядом с ней мальчик вытаскивает шарик для каждого. Те, кто получил серебряные шары, тотчас же выходят из комиция, а имена тех, кому выпал жребий и для кого были вытянуты золотые шарики, громко оглашаются секретарем. Вызванные

⁵² Комиссия инквизиторов была учреждена в 1501 г., после смерти дожа Агостино Барбариго, для расследования его деятельности.

люди немедленно уходят в некое уединенное помещение, а их родственники и близкие должны при этом подняться и перейти в передний зал. Там их пересчитывают, и такое же количество серебряных шариков вынимается из урны; таким образом, из комиция выходят тридцать человек, кому по воле жребия достались золотые шары и кто был избран из всех граждан. После этого совет распускается. Когда все разойдутся, тридцать избранных выходят из закрытой комнаты и снова испытывают жребий в присутствии советников, так что девять из них, которым улыбнется судьба, становятся выборщиками и, после того как прочие уйдут, уединяются в закрытом помещении, предназначенном для этой цели. Здесь они запираются в одиночестве, даже без слуг, никому не дозволяется обращаться к ним, и они не могут выйти оттуда, пока не выберут XXXX мужей, и никого из избранных не называют, пока он не наберет шести голосов. Таким образом, если четверо против, никто не сможет быть избранным. Как только будут избраны вышеназванные сорок мужей, выборщики дают знать советникам через государственного гонца, надзирателя и сторожа, что они исполнили свой долг. Советники тотчас же, если позволяет время дня, созывают Большой совет. Когда все граждане соберутся во дворце, приносят записки из конклава, на которых значатся имена выборщиков. Главный секретарь, взойдя на помост, громогласно называет XXXX избранных граждан. Если они присутствуют в зале, то, услышав свое имя, встают с места и подходят к помосту советников, а затем отправляются в назначенное им помещение. Если же кто-то из них отсутствует, один из советников и один из начальников XXXX мужей разыскивают его по всему городу. Отысканного названные магистраты препровождают в комиций, а оттуда — в конклав, к его собратьям. При этом ему не дозволяется ни с кем встречаться или говорить, дабы не поощрять честолюбия и не допускать его проявлений при выборах, которые по решению наших предков считаются самыми почетными. Итак, XXXX назначенных мужей без предупреждения собираются, где им положено, и совет распускается. Тогда эти сорок чело-

век выходят из конклава и вступают в большой передний зал комиция, где находятся советники. Здесь из них тем же выше-описанным способом избираются двенадцать, а оставшиеся двадцать восемь из сорока отвергаются. Эти двенадцать избирают двадцать пять мужей, каждый из которых должен набрать восемь голосов, иначе не будет избран. Затем через гонца они сообщают советникам о состоявшемся выборе. Если время дня позволяет, те созывают совет и немедленно приглашают туда двадцать пять мужей. Совет распускается, и тем же способом по жребию выбирают девятерых, а оставшиеся шестнадцать уходят. Эти девять формируют сорок пять уже шестью голосами. Их имена также произносятся на собранном совете секретарем, и избранные удаляются в закрытую комнату. С помощью жеребьевки их число доводится до одиннадцати, и те избирают мужей из первых сенаторов. Когда имена последних названы, они удаляются в назначенный зал, и они-то и получают право избрать дожа. Однако среди этой группы выборщиков не может быть двоих из одной и той же семьи или имеющих близкие связи, ибо таков венецианский обычай, распространяющийся на всех магистратов. Столь сложная и многоступенчатая процедура выборов была придумана нашими мудрейшими и достойнейшими предками ради того, чтобы масса граждан не была лишена права участвовать в призвании дожа. Ибо выборщики первого порядка назначаются по жребию, который может выпасть на любого из граждан. После этого жребий смешивается с выбором, однако последний главенствует над удачей, так как она не может выпасть никому, если он не был утвержден суждением предыдущей группы. Но на последнем этапе выборов жребий отменяется, потому что было решено, что те, кто должен выбирать принцепса, не могут назначаться капризной волей судьбы. Таким образом, масса не совсем лишена права участия, но эти полномочия не доверяются и легкомыслию толпы, на которую чаще влияет мимолетное настроение, а не суждение наилучших и мудрейших людей. Кроме того, так как никто в точности не знает, на кого выпадет жребий, а решение зависит от приговора тех, кто

избран жеребьевкой, для честолюбия не остается места. Ведь легко может случиться так, что те, кого ты старательно обхаживаешь, останутся в стороне.

Вернемся теперь к нашему предмету. По завершении процедуры выборов и формирования группы выборщиков принципса в составе сорока одного человека последние, не вступая в контакты и разговоры ни с кем из граждан, тотчас же идут в тот зал, где обычно собирается Сенат. Здесь прежде всего благочестиво и благоговейно отправляются божественные таинства, и, касаясь алтаря, все выборщики клятвенно обещают всеблаговому Богу и республике избрать дожем того, кто превосходит, по их мнению, всех прочих благочестием, любовью к отечеству, старанием и благоразумием. Затем священники удаляются, и выборщики запираются в зале, куда не пускают ни слуг, ни каких-либо других помощников. После этого трое из них, превосходящие прочих по возрасту, как главные, усаживаются за специально накрытый стол, на котором стоит урна. Каждый выборщик записывает на бумажке имя того, кого хочет видеть дожем, и бросает записку в урну. После того как все внесут записки, вынимается одна, случайно попавшая в руку того, кто запускает ее в урну. Главные выборщики оглашают содержание записи, и тот, чье имя выпало, если он находится здесь же, как чаще всего бывает⁵³, немедленно выходит из зала. Тогда, если кто-то из выборщиков считает, что этот гражданин не подходит для столь высокой должности и его не следует ставить во главе республики, он встает и, сделав скромное вступление, чистосердечно высказывает, что он думает об этом гражданине и почему считает, что для республики невыгодно иметь его дожем. После того как он закончит свое выступление, главы выборщиков приглашают претендента. Старший из них по возрасту вкратце повторяет ему все возражения против его кандидатуры, не называя, однако, того, кто возражал. Перед этим все дают клятву держать происходя-

⁵³ Это замечание свидетельствует о том, что число кандидатур было ограниченным, тем более что в числе 41 выборщика были только первые сенаторы.

щее в тайне. Тот, если желает, приводит свое опровержение. Затем он снова выходит из зала, потому что если выступавший или кто-то другой захочет высказать новые доводы в пользу отклонения кандидатуры, у него есть такое право. Претендент снова входит и отвечает, и так повторяется до тех пор, пока у обвинителей не останется аргументов. После этого, наконец, приступают к голосованию. В прежние времена, если претендент набирал двадцать пять голосов, на этом процедура заканчивалась, и он объявлялся дожем. В наше время на выборах, где победил славный сенатор Андреа Гритти⁵⁴, эта процедура была изменена. Ибо хотя для выбора принцепса все так же требуется не менее двадцати пяти голосов, но одним подобным голосованием все не заканчивается, как раньше, а выставляются и другие кандидатуры, и если кто-то наберет больше голосов, то он становится дожем, а не первый, набравший нужное число. После того как проведено голосование по первой кандидатуре, из урны достаются другие записки, и все повторяется в том же порядке. Потом еще раз, и еще раз, и так со всеми записками. Если же никто не наберет нужного числа голосов, то, пока позволяет время дня, процедура повторяется дальше, и, если сказать вкратце, выборщики не могут выйти, встретиться или говорить с кем-то вне зала, прежде чем двадцать пять из них не проголосуют за одного человека. Когда же новый дож будет избран, в зал тотчас же приглашают советников, которые первыми приветствуют его и оказывают подобающие почести. Затем слух разносится по городу и расходится повсеместно. Все граждане изъявляют свою радость и возносят молитвы к великому всемогущему Богу, чтобы выборы пошли на благо республике. Члены семьи и родственники дожа спешат во дворец и поздравляют нового дожа. Тут же чеканятся монеты с именем государя и его изображением⁵⁵. Приготавливается все необходимое для празднества. В течение

⁵⁴ Андреа Гритти (1455–1538) — выдающийся дипломат и полководец, был избран дожем 20 мая 1523 г.

⁵⁵ Венецианские золотые монеты — дукаты, чеканились с 1284 г. На одной стороне на них изображался Христос, на другой — дож со святым Марком.

этого времени дож и все выборщики остаются запертыми в том же зале. Когда все готово, они выходят оттуда и направляются в базилику Святого Марка, расположенную неподалеку, это величественный храм, украшенный великолепными богатствами. Здесь они сперва благочестиво воздают почести бессмертному Богу и восходят на помост, высеченный из камня порфирита. Тот выборщик, который превосходит прочих по возрасту, обращается к народу, возвещает о назначении нового дожа и воздает умеренную похвалу последнему. Затем слово дается дожу⁵⁶, который вкратце и рассудительно говорит о себе и обещает соблюдать все то, что положено хорошему государю: заботиться об общем благе, не думая о выгодах для кого бы то ни было, и прежде всего благоговейно почитать правосудие, а также стараться, чтобы перед законом все были равны; не щадить ни имущества, ни усилий, ни даже жизни, если это потребуется ради республики. Наконец, он обращается к всеблагому и всевеликому Богу, святому Марку, который является покровителем Венеции, и ко всем святым (*divos, santi, Saints*) с молитвой о том, чтобы они были снисходительны и благоприятствовали ему в исполнении столь важных обязанностей. Весь народ встречает речь дожа бурным рукоплесканием. По завершении этой речи все сходят с помоста и ведут дожа к главному алтарю храма. Здесь он, держа руку на Евангелии, приносит клятву бессмертному Богу и республике в том, что будет в точности исполнять все, требуемое по закону от венецианского дожа. После этого выборщики, до тех пор остававшиеся с дожем, отходят от него, а он поднимается на деревянную кафедру с помощью того из родственников, кого он больше всех любит. Самые уважаемые моряки ставят кафедру себе на плечи и под рукоплескания толпы проносят дожа по всей площади Святого Марка. При этом дож разбрасывает монеты, на которых отчеканено его имя. Сумма этих денег, которые простонародье усердно подбирает, не устанавливается

⁵⁶ Это клятва, или присяга дожа (*promissione ducale*), которую он произносил при вступлении в должность, как и многие другие избираемые должностные лица в Средние века.

в точности, зависит от богатства или, напротив, стесненных обстоятельств, а также разумения самого дожа. Когда обход площади завершен, кафедру ставят у крыльца государственной резиденции дожей, и государь спускается на землю. Сложился обычай, согласно которому одежда, в который он был, и серебряный сосуд, в котором лежали раздаваемые народу монеты, передаются в дар морякам, пронесшим кафедру на плечах. Поднявшегося по лестнице дожа встречают советники, находящиеся наверху, и венчают его надлежащим головным убором, описанным нами выше. Таков порядок всего празднования. На следующий день дож выступает перед созванным во дворец Сенатом и благодарит отцов-сенаторов за то, что он получил свою должность и удостоился такой чести, а также обещает выполнять все потребное для блага республики. Такую же речь он держит и перед всеми гражданами на первых комичиях после его избрания дожем. Вот что следовало сказать о принцепсе, или доже, республики.

Следующий пункт — рассказать о советниках кратко, но так, чтобы полномочия этих магистратов были достаточно изъяснены. У принцепса имеется шесть советников⁵⁷, о чем уже упоминалось выше, а именно по одному от каждой части города. Весь город поделен на эти шесть частей⁵⁸ (*regions, regioni, quarters*), или триб. Три из них расположены по одну сторону Большого канала, делящего город пополам, а остальные три — по другую. От каждой части города избирается по одному советнику в том же порядке, который мы подробно описали выше в связи с выборами магистратов вообще. Они остаются в должности восемь месяцев и вместе с принцепсом отвечают за все государственные дела. Однако по установившемуся издавна обычаю советники главным образом несут от-

⁵⁷ С 1175 г. советники дожа составляли Малый совет, или Совет дожа, или Совет шести, и входили в состав Светлейшей, или Сиятельной, синьории (до 1423 г. Венецианской коммуны (*Comune venetiarum*)). См. также примеч. 61). Контарини неоднократно избирался на этот пост в начале 30-х гг.

⁵⁸ В ряде итальянских городов была принята система деления на шесть частей — *сестьер* (*sestieri*).

ветственность за все, что касается выборов. Если же Большой совет должен разбирать какое-то дело и выносить решение по этому поводу, то решение выносится на основании доклада советников, так как у них есть право делать это самостоятельно. Им в помощь придаются начальники сорока мужей, которые, однако, не имеют права самостоятельного доклада. Такой властью не обладает больше ни один магистрат, за исключением дожа. В случае необходимости советники могут держать слово обо всем и перед Сенатом, и перед десятью мужами. Впрочем, эту обязанность исполняют преконсульторы, которые созывают Сенат и делают перед ним доклады, так же как в обязанности начальников X мужей входит созывать X мужей и докладывать им, о чем мы будем говорить ниже. Но советники наделены большими полномочиями, ибо в Сенате они имеют равные права с преконсульторами, а в Совете десяти мужей — с его начальниками. Они заседают вместе с дожем и выполняют свои обязанности восемь месяцев, как я уже сказал. На протяжении же четырех месяцев они заседают вместе или, лучше сказать, возглавляют Совет сорока мужей, главам которых поручаются наиболее важные дела, и советники судят об их решениях, о чем будет сообщено в своем месте.

Итак, мы рассказали, хотя и не очень изящно, но старательно, о Большом совете, который представляет в нашей республике народовластие, и о государе, воплощающем собой царскую власть; план нашего труда требует, чтобы мы перешли к другим сторонам государственного устройства, представляющим режим оптиматов. Этот род власти в Венецианской республике намного превосходит прочие, как мы подробно покажем с Божьей помощью в следующем томе.

К Н И Г А Т Р Е Т Ь Я

Все человеческие учреждения, которые необходимо правильно устроить, должны подражать природе, благой праматери всех вещей, которая так распорядилась относительно вселенской силы и разума, что вещи, не обладающие чувством и рассудком, подчинены тем, которые умом наделены. Такой же порядок должен соблюдаться в том людском сообществе, каковое мы называем городом (*civitatem, città, citie*): старики превосходят младших благоразумием, они менее подвержены душевным волнениям и благодаря опыту долгих лет наделены знанием множества вещей. Мудрейший Аристотель говорит по этому поводу в «Политике»⁵⁹: «В каждой республике, которая пожелает подражать изобретательности и мудрости природы, во главе должны стоять старцы, а долг юношей — выполнять то, что прикажут старшие. И поскольку этот обычай целиком продиктован природой, молодые люди не могут осуждать владычество старцев или восставать против таких порядков, ибо эта разница в их положении, происходящая от возраста, не оставляет места для зависти или распрей, потому что младшие

⁵⁹ Ср.: *Аристотель*. Политика. 7.13.3. 1332b: «Сама природа установила это различие: она сделала одно и то же по своему происхождению существо более молодым и более зрелым. Одним из них подобает быть в подчинении, другим — властвовать. Никто, считаясь с соответствующим возрастом, не станет негодовать на то, что он находится в подчинении, и не будет считать себя лучшим, раз он знает, что и он при других условиях получит свою долю в пиршестве, именно когда достигнет надлежащего возраста».

твердо могут рассчитывать на то, что в свое время наверстают упущенное».

Это суждение Аристотеля подтверждают все республики, достигшие маломальской известности. В них управление городом и всеми государственными делами поручалось совету старейшин, называемому Сенатом, от слова «сениор» — «старший». Здесь я мог бы сослаться на законы и учреждения римлян, а также афинян, лакедемонян, карфагенян и многих других городов, если бы эта общеизвестная вещь нуждалась в подтверждении. Из этих же соображений и в нашей республике были учреждены Сенат и Совет десяти мужей, которые представляют в Венеции (как я уже говорил, имеющей смешанное правление царя, народа и оптиматов) власть оптиматов и осуществляют некое посредничество, благодаря которому крайности, то есть народ в лице Большого совета и принцепс, воплощающий царскую особу, связываются воедино. Как говорит Платон в «Тимее», крайние стихии, земля и огонь, соединяются с помощью средних⁶⁰, и в музыкальной октаве для достижения благозвучия крайние голоса уравниваются средними — квартой и квинтой.

Итак, двинемся дальше и скажем, что венецианский Сенат⁶¹ состоит из ста двадцати полноправных членов, однако и многие другие магистраты получают сенаторские полномочия, так что в наше время право голосования в Сенате имеют более двухсот двадцати человек. Полноправных сенаторов каждый год избирают все граждане (повторим, что их собра-

⁶⁰ Платон. Тимей. 31с: «Бог, приступая к составлению тела Вселенной, сотворил его из огня и земли. Однако два члена сами по себе не могут быть хорошо сопряжены без третьего, ибо необходимо, чтобы между одним и другим родилась некая объединяющая с их связь» (пер. С. С. Аверинцева).

⁶¹ Венецианский Сенат был учрежден в 1229 г. и первоначально назывался Советом приглашенных, или испрошенных (Consiglio dei Pregadi, или Rogadi), поскольку их приглашали высказать свое мнение дожу. Сенаторы носили красную тогу (венецианскую тогу с рукавами). Кроме 60 основных членов, в состав Сената входили дополнительные (Дзонта, о которой речь идет ниже), а также Светлейшая синьория (Serenissima Signoria) — дож, шесть его советников и трое глав Совета сорока — верховный орган исполнительной власти. В Сенате заседали также Совет сорока, Совет десяти и авогадоры коммуны, а с начала XIV в. — прокураторы святого Марка.

ние чаще называют Большим советом). Однако эта должность, в отличие от всех прочих магистратов, не требует отставки, и если выпадет жребий и будет угодно Большому совету, как чаще всего и бывает, одни и те же люди могут занимать ее каждый год. Способ и процедура выборов были изложены нами выше, когда мы описывали порядок проведения комициев. Таким образом, во время выборов в августе и сентябре на отдельных собраниях избираются шесть сенаторов, и после повторения этой процедуры за десять раз набирается шестьдесят человек. Остальные шестьдесят прибавляются или приписываются к ним, и все они выбираются одновременно на своих собраниях. В третий календы октября⁶² созывается Сенат, и каждый из сенаторов, а также всякий, кто имеет право голоса, называет одну кандидатуру в Сенат. На следующий день рано утром, в третьем часу⁶³, все граждане собираются в комиции; главный секретарь зачитывает имена всех граждан, которые накануне были названы сенаторами, все эти имена вносятся в урну и затем вынимаются по жребию. Затем по каждому проводится голосование, и те шестьдесят кандидатов, кто набрал больше голосов, но не менее половины, становятся сенаторами на этот год, однако при том условии, чтобы из одного рода среди них было не более двух человек. Так, среди полныхправных сенаторов может быть лишь три представителя одной семьи. Этот закон следует считать чрезвычайно полезным для республики, ибо нет более опасной заразы для государства, чем преобладание одной его части над другой. Ведь там, где нет равных прав, не бывает единодушия между гражданами. А это и случается, если кто-то один соединяет множество должностей. Так разрушаются смешанные тела, если какое-то из начал, из которых они составлены, превосходит другие; так нарушается и созвучие, если одна струна или голос звучит громче положенного. Если хочешь сохранить город или рес-

⁶² 29 сентября. В итальянском тексте — “29 settembre”, в английском — “nine & twentieth day of September”.

⁶³ Скорее всего, имеется в виду третий час после восхода, при делении времени от восхода до заката на 12 часов.

публику, не следует соблюдать в ней неравенство, дабы ни одна из частей не возвышалась над другой, но все, насколько возможно, принимали участие в отправлении государственной власти. Поэтому наши предки не зря установили навечно такой порядок, чтобы не только в Сенате, но и в других магистратурах было не больше родственников, чем требуется для соблюдения равенства. Не менее благоразумен и обычай выбора Сената, чтобы шестьдесят сенаторов избирались путем обычных выборов, в котором смешаны воля жребия и суждение, а дополнительные шестьдесят — другим способом, где ничто не предоставлено случаю. Ведь если во всем положиться на жребий, может оказаться, что в какой-то раз выдающиеся граждане не попадут в число избранных в Сенат и будут обойдены к превеликому ущербу для государства. Поэтому шестьдесят отцов-сенаторов избираются ежегодно и не по жребию. Сенат же состоит прежде всего из этих ста двадцати человек, шестьдесят из которых называются собственно сенаторами, а остальные — причисленными (*adiuncti, aggiunti, adiuncts*)⁶⁴, на их выборы уходит целый день; а кроме ста двадцати полноправных сенаторов, наравне с ними в Сенате заседают (не говоря о доже и советниках) десять мужей, сорок мужей — судьи по уголовным и особо важным делам, начальники по снабжению хлебными запасами и солью⁶⁵, прокураторы божественного Марка и многие другие должностные лица, так что в наше время их общее число превышает двести двадцать человек. Все они обладают сенаторскими правами. Что решается властью Сената, почитается установленным и нерушимым. Он рассматривает и решает вопросы объявления войны и заключения мира, сбора денег и траты средств республики. Если необходимо, по решению Сената вводятся и взимаются с граждан новые налоги и десятины. Если в интересах государства требуется учредить на время какую-то новую должность, то на нее назначает Сенат. Кроме того, Сенат имеет право в любое

⁶⁴ По-венециански *Дзонта* (*Zonta*), число 60 было окончательно установлено в 1506 г.

⁶⁵ В итальянском тексте: "*preposti al sale, et alla grassa delle biade*".

время назначать послов республики к иностранным государствам и формировать совет, который полномочен созывать Сенат и докладывать ему. Аристотель называет этих людей преконсульторами⁶⁶ (*praeconsultores, proconsultori, praeconsultores*), а у нас их зовут более высокопарным именем мудрецов (*sapientes, savi, sages*), каковое и мы решили иногда употреблять, дабы не удалиться вовсе от принятого в обиходе наименования. Выборы Сената, а также послов и преконсульторов менее зависят от жребия, чем те, что я описал выше, и поручаются Большому совету и всем гражданам. Каждый из них называет сенатором того, кого хочет, а затем по каждой кандидатуре проводится голосование. Кто соберет больше голосов, чем другие, и притом более половины всего количества, объявляется избранным. Если необходимость и интересы республики требуют, чтобы кого-то избрали на должность против его воли, каждый из сенаторов тайно помечает на бумажке имя того, кого он считает самым подходящим, затем бросает ее в специально приготовленную урну, откуда записки извлекает секретарь. Он зачитывает все имена во всеуслышание, и по каждой кандидатуре проводится голосование. Избранным считается тот, кто набрал больше всех голосов, и притом больше половины. Этот обычай внесения записок был придуман для того, чтобы никто не боялся навлечь на себя вражду или ненависть того, кого он предложит на тот или иной пост, который этому человеку подходит, но ему не хотелось бы его занимать, и чтобы в таких случаях граждане не воздерживались от участия в выборах, при этом республике наносился бы ущерб в интересах частных лиц.

Теперь нам следует рассмотреть, как проходят обсуждения в Сенате, как он принимает и одобряет те или иные решения и как принимаются сенатские постановления. От наших предков не укрылось, что если каждый сенатор сможет делать доклады и принимать решения и эти обязанности не будут

⁶⁶ Аристотель в кн. IV «Политики», 1298b, упоминает о пробулах (πρόβουλοι); автор приводит латинский вариант термина.

закреплены ни за кем в особенности, от этого в Сенате произойдет великий беспорядок. Кроме того, по опыту известно, что то, за что все отвечают в равной мере, находится во всеобщем небрежении. Поэтому в наших законах установлено выбирать в Сенате шестнадцать граждан, которых в народе называют мудрецами⁶⁷ за то, что они все знают. Мы же в подражание Аристотелю можем называть их преконсульторами, потому что они предварительно консультируют по тем вопросам, относительно которых Сенат должен принять решение. Они имеют право созыва и доклада Сенату. Эту должность занимают полгода. Далее эти мудрецы делятся на три категории, сильно отличающиеся друг от друга. В первую категорию входят шесть сенаторов, первейшие из граждан, которые превосходят других как опытом, так и авторитетом и достоинством. Их задача — разбирать вопросы управления государством, войны и мира и другие дела особой важности и давать по ним рекомендации Сенату. Во второй категории находятся пять граждан, которые тоже имеют право докладывать обо всем Сенату, как и те, кто принадлежит к первой категории, но они значительно уступают им по достоинству и авторитету. На них возложена прежде всего забота о воинах, которые получают государственное жалование и служат под началом главнокомандующего венецианских сил. К третьей категории принадлежат также пять человек, коим поручена забота о морском деле, и они не имеют права докладывать Сенату ни о чем другом. Эти люди были в большом почете у наших предков, когда венецианское мореплавание находилось в зените⁶⁸. Когда же его значение уменьшилось, и старания наших сограждан обра-

⁶⁷ Коллегия мудрецов подготавливала решения Сената (откуда название «преконсульторы», к ней также относится название «Коллегия» как имя собственное); она была учреждена в 1380 г. в составе 6 человек, по одному от сестьеры, — мудрецов Совета приглашенных. В начале XV в. к ним прибавились пять мудрецов Террафермы и пять мудрецов по уставам (*ai Regolamenti*). Вместе с Синьорией мудрецы составляли Полную коллегию (*Pieno Collegio*).

⁶⁸ Расцвет морского могущества Венеции приходится на XIII–XV вв., с начала XVI в. оно оказалось подорванным вследствие перемещения путей восточной торговли и ряда войн с европейскими державами и Турцией.

тились на приращение сухопутных владений, роль этого магистрата также ослабла, так что в наше время на эти должности избираются юноши, едва достигшие зрелости. Итак, упомянутые шестнадцать граждан, собрание которых в Венеции именуется обычно Коллегией, рано утром встречаются с принцем и советниками; сначала они до третьего часа дня выслушивают частных лиц, имеющих дела к республике или ее учреждениям. Эти дела они решают на месте или, если потребуется, докладывают о них Сенату. С третьего часа дня все частные лица покидают дворец, и один из писцов, исполняющий обязанности секретаря республики, зачитывает все письма, адресованные Сенату. Затем, если их не задерживает какой-нибудь посол другого государя, желающий получить аудиенцию у дожа и коллегии, или важное дело, не терпящее отлагательства, мудрецы, или преконсульторы, удаляются в уединенное место для обсуждения государственных вопросов. Собравшись там, они усаживаются, и главный из них (каждый из этих людей по очереди руководит ими в течение семи дней) сообщает, о чем пойдет речь. После этого он спрашивает мнение каждого в таком порядке, что сперва высказываются преконсульторы первого класса, первейшие граждане, а затем пятеро тех, кого мы отнесли ко второй категории. Последними, если дело касается мореплавания, высказывают свое мнение преконсульторы третьего класса, которые отвечают за него. Если же рассматриваемый вопрос не имеет отношения к мореплаванию, то они в обсуждении не участвуют. В каждом классе первым выступает тот, кто возглавлял его последние семь дней, затем старший по годам и так далее в соответствии с возрастом. После всех высказывает мнение тот, кто избран главой на эти семь дней; он опрашивает других и выносит вопрос на обсуждение. После обсуждения в Коллегии, независимо от того, принято ли единое решение или мнения разделились, ибо люди судят по-разному, перед созывом Сената проводится встреча с принцем и советниками. Здесь приводятся все суждения, и вопрос снова рассматривается, но соглашаются ли принцепс и советники с одним из решений и поддержива-

ют его своим авторитетом или находят новое, все мнения заносятся на бумагу. Это делают секретари, которые приписаны к каждой из трех названных категорий. После того как вопросы, подлежащие вынесению на рассмотрение Сената, обсуждены, созывается Сенат. Когда сенаторы собираются во дворце, сначала зачитываются все письма, которые были получены принцепсом и преконсульторами после роспуска предыдущего Сената и имеют какое-либо значение. Затем оглашаются решения относительно тех вопросов, которые рассматривались коллегией преконсульторов, будь они единодушными или различными, примерно так же, как, по описанию Платона, у афинян проводились опросы (*rogationes*, *preghiere*, *requestes*) мнения народа. Но никто, кроме тех, кого, как я уже сказал, венецианцы называют мудрецами, не имеет права докладывать Сенату и подкреплять свое мнение авторитетом этой коллегии, за исключением дожа, его советников и начальников сорока мужей, о которых речь пойдет ниже. После оглашения в Сенате всех мнений глава первой категории мудрецов на эту неделю, если пожелает, берет слово. В противном случае с согласия прочих выступает старший по возрасту или тот, кто желает говорить. Он поднимается на специальный высокий помост и обращается к Сенату, приводя различные доводы в пользу своего мнения и против несогласных с ним; он ведет речь скромно и серьезно, как подобает мужу сенаторского звания. После окончания его речи встает другой преконсультор, который придерживается другого мнения и обосновывает его, а первое мнение опровергает, как и все прочие, если они есть и расходятся с его суждением. Затем поднимается третий, если у него есть свое мнение, и высказывается о том, что необходимо предпринять, и так продолжается обсуждение, пока не останется желающих взять слово, но никому из сенаторов оно не предоставляется, пока не закончат говорить все преконсульторы, которые пожелают. Когда же они обмениваются в достаточной степени аргументами и высказываниями «за» и «против», дается возможность говорить и другим сенаторам. Каждый из них может опровергать любое предложение, или поддержи-

вать его, или внести новое, как ему угодно. Однако никто из сенаторов не имеет права вносить в Сенат то предложение, автором которого он является; чаще всего бывает так, что если оно представляется полезным для государства, то один из коллегии, или советник, или начальник сорока мужей, докладывает о нем Сенату. После того как предмет будет как следует рассмотрен и обсужден, Сенат решает, какое мнение одобрить, путем общего голосования. Однако здесь не голосуют «ногами», то есть переходя на другую сторону, как было, насколько известно, у римлян, но и не высказывают свое мнение открыто, а решают с помощью урн и подачи голосов, как на описанных выше выборах. Приданные Сенату секретари вносят несколько урн в зависимости от количества решений, принимаемых Сенатом. Одна из них зеленая, в нее подают голоса те, кто отвергает все решения. Другая — красная, с ее помощью голосуют те сенаторы, кто еще колеблется. Каждый из сенаторов подает голос через ту урну, которая соответствует одобряемому им решению. Если же он против всех, то использует зеленую урну, а если сомневается и не склонился еще ни к одному, то красную. Советники подсчитывают голоса. Решение считается принятым, если за него проголосовали более половины сенаторов. Если ни за одно мнение не подано более половины голосов, то сперва отвергается то, с которым согласено меньше всего голосующих. Затем голосование относительно оставшихся повторяется, пока все мнения не будут отвергнуты, кроме двух. Тут уже одно из них должно набрать более половины голосов, после чего объявляется о принятии Сенатом решения. Покончив с одним вопросом, переходят к другому, если позволяет время дня, и такой порядок сохраняется во всем.

Если же в Венецианскую республику прибыл посол какого-либо государя, он получает аудиенцию у принцепса, советников и у всей коллегии, после чего они просят время для рассмотрения его речей. Посла отпускают, преконсульторы обсуждают вопрос в том порядке, который мы описали выше, и собирается Сенат. Сначала принцепс рассказывает сенато-

рам, с чем прибыл посол. Затем выслушиваются мнения всех, кто имеет право доклада Сенату. Решение Сената о том, что ответить послу, принимается таким же образом. Последнего приглашают, зачитывают для него указ Сената и отпускают. Вот почти и все, что относится к решениям Сената и к процедуре и порядку его совещаний. Теперь мы рассказали обо всем, что касается Большого совета, который в Венеции представляет форму народовластия; о доже, представляющем в республике царскую власть, а также о порядке заседаний Сената. Далее нам предстоит говорить о десяти мужах.

Коллегия децемвиров⁶⁹ обладает в Венеции наивысшим авторитетом, и можно сказать, от нее главным образом зависит целостность республики; мы должны подробно сообщить о происхождении этого учреждения, дабы всякому было легко понять его назначение. Благодаря своей поистине божественной прозорливости наши предки заметили, что как в человеческом теле вследствие наличия неких гнилостных жидкостей возникают бесчисленные опасные болезни, которые часто приводят даже к смерти, так и в республиках иногда появляются негодные граждане, которые доставляют им беспокойство, ибо предпочитают повелевать на свой лад, вместо того чтобы повиноваться законам, либо из честолюбия и жажды власти, либо вследствие долгов или из-за боязни понести наказание за свои преступления. В Риме, как мы знаем из истории, таковыми были Катилина, Сулла, Марий и наконец Юлий Цезарь, который установил тиранию и уничтожил республику. Как сообщают, и в греческих республиках, в том числе в самых знаменитых, были такого рода граждане. В наше же время, как мы видели, почти все города Италии, где была власть народа

⁶⁹ Совет десяти мужей был временно учрежден в 1310 г. и постоянно в 1335 г. как особый орган государственной безопасности. В дальнейшем его функции значительно расширились. Граждане могли подавать туда доносы, как правило не анонимные, с помощью установленных в разных местах почтовых ящиков, получивших название «львиный зев», так как отверстием иногда служило изображение пасти льва, символа святого Марка. На красных сенаторских тогах членов Совета (с 1318 г. они входили в состав Сената) была черная полоса. Их возраст превышал 40 лет. Контарини избирался в состав Совета десяти и одним из его глав.

или оптиматов, попали под тиранию кого-то из граждан⁷⁰. Поэтому наши предки решили всеми силами воспрепятствовать тому, чтобы наша прекрасно учрежденная республика, располагающая превосходными законами, стала жертвой подобного чудовища. Они полагали, что нет ничего страшнее, чем внутренний враг и соперничество между гражданами. И так как они знали, что в республике лакедемонян высшей властью располагали эфоры, в Афинах — ареопагиты, в Риме — децемвиры, которые издавали законы⁷¹, то решили последовать их примеру, но по другому поводу, и учредили в нашем городе орган высшей власти, в чьи обязанности входит следить, дабы среди граждан не зародились распри, угрожающие беспорядками, или какая-либо партия или опасный гражданин не затеяли заговора против республики. Если же, к несчастью, подобная зараза незаметно заведется в городе, по своим полномочиям этот орган должен ее обнаружить и принять меры, чтобы республике не был нанесен ущерб. Но столь великую власть нельзя безопасно доверить слишком малому числу лиц, а если доверить ее многим, она станет беззубой. И чтобы избежать обоих неудобств, была учреждена Коллегия десяти мужей. В ней заседают в течение года, а права занимать эту должность таковы, что если некто пробыл в ней хотя бы один день, то не только на этот год, но и на будущий лишается возможности претендовать на нее, и он исключается из числа кандидатов на соответствующих выборах. К децемвирам присоединя-

⁷⁰ На протяжении XIV–XV вв. в Италии действительно наблюдался общий процесс смены политических режимов в городах-государствах, ранее добившихся политической независимости. Современники объясняли этот процесс, получивший название перехода от коммун к синьории, цикличностью политического развития и потребностями в сильной руке для устранения внутренних и внешних конфликтов.

⁷¹ Коллегия 5 эфоров, избравшихся всеми гражданами на год, высший административный и судебный орган в Спарте; Ареопаг в Афинах комплектовался из бывших архонтов, высших должностных лиц, как совет старейшин, сначала он располагал контрольными, а затем только некоторыми судебными полномочиями. Децемвирами в Риме называли коллегии из 10 членов, выполнявшие различные функции. В данном случае речь идет о децемвирах с консульской властью (*Decemviri Legibus Scribundis Consulari Imperio*), избранных в 451 г. до н.э. и составивших законы XII таблиц. Децемвиры 450 г. отказались сложить полномочия, и в 449 г. коллегия была упразднена.

ются принцепс и советники, так что вся коллегия состоит из семнадцати человек, наделенных указанной высшей властью. Из децемвиров на каждые три месяца избираются по жребию три первых лица коллегии, которых на нашем языке обычно называли главами десяти мужей (итал. *capì de dieci*; венецианский вариант *caì*). Они имеют право созыва своей коллегии и доклада ей в некоем закрытом помещении, куда главы приходят ежедневно. Также у них есть служители, привратники, помощники и телохранители, так что нет других таких магистратов, к которым относились бы с равным почтением. Обращаются к ним все, у кого есть дело до децемвиров. Они прочитывают письма, адресованные в коллегия, и докладывают ей об этих письмах. Дабы кто-то из них не давал Сенату необдуманных советов, право доклада имеет не только один из глав децемвиров, но требуется, чтобы об одном и том же докладывали двое или четверо советников. По той же причине, чтобы несколько безрассудных граждан не могли осуществить какие-либо перемены, было установлено, что если кто-то захочет отменить то, что уже решено, это можно будет сделать по закону только при большинстве голосов — двух третях голосов коллегии. Соблюдается также обычай не допускать в коллегия ни обвиняемого, в отношении которого будет выноситься решение, ни его защитника или представителя, который ведет дело, хотя такое право дается обвиняемым при рассмотрении исков в других инстанциях. Порядок же обсуждения дел таков: обвиняемого выслушивают главы коллегии, и его слова записываются. Когда дело докладывают коллегии, сами ее главы и присутствующие там другие судьи выступают по очереди и от имени обвинителя, и от имени подсудимого, и решение выносится с предельной взвешенностью. Сначала децемвиры заботились лишь о том, чтобы ничто не наносило вреда гражданскому и политическому согласию. Затем этому суровому и строгому суду были поручены некоторые тяжкие преступления и чрезвычайные проступки, например по обвинениям в чеканке фальшивых монет или в прелюбодеяниях между мужчинами. В наше же время этим судам было дополнительно

вменено в обязанность назначать штрафы и выносить приговоры некоторым испорченным людям, кои изрыгают проклятия против всеблагого Бога или пресвятой Девы⁷². Было также установлено, что некоторые дела, касающиеся государственных тайн, будут передаваться децемвирам, которые, однако, не могут принимать никаких важных решений без приговора всего Сената⁷³. Еще они заведуют большинством финансовых дел. Поэтому, дабы власть принимать решения по такому количеству важных дел не вверялась слишком малому числу граждан, в эту коллегия введены мудрецы первой и второй категорий, а также авогадоры и прокураторы святого Марка, которые пользуются высочайшим уважением; кроме того, к ней приписаны пятнадцать сенаторов, называемых адъюнктами, но все они лишены права голоса, за исключением семнадцати приоров и пятнадцати упомянутых адъюнктов, так что всего насчитывается тридцать два голосующих. Остальные присутствуют на слушании дел, но этого права лишены. Пятнадцать адъюнктов ранее не назначались Сенатом и не избирались в комициях Большого совета; их выбирали в коллегия сами децемвиры из числа сенаторов, хотя они не могли призвать своих родственников или близких. Теперь же этих пятнадцать адъюнктов избирают в комициях Большого совета⁷⁴.

Как показал опыт, наставник во всех вещах, коллегия децемвиров сослужила Венецианской республике великую

⁷² С 1537 г., то есть после написания трактата, эти функции были поручены специальному органу экзекуторов по делам богохульства (*Esecutori contro la Bestemmia*), которым подчинялись специальные ответственные по сестьерам города.

⁷³ С 1539 г. на постоянной основе был учрежден специальный орган для охраны государственной тайны — Верховный трибунал в составе трех государственных инквизиторов, имевший право смертной казни, как и Совет десяти.

⁷⁴ Эти адъюнкты, или Дзонты Совета десяти, впервые были назначены в количестве 20 человек во время процесса над Марино Фальеро в 1355 г. В 1529 г. их число было сокращено до 15, следовательно, эта подробность была внесена в трактат уже после указанной даты. В 1582 г. ни один из кандидатов в члены Дзонты не был утвержден Сенатом вследствие протеста против усиления высшей олигархии, за тем Дзонта была официально упразднена.

пользу, когда двести десять лет назад дож Марино Фальер⁷⁵ (Marinus Phaletrus, Marino Phalerio, Marino Faliero), замысливший установить тиранию и поднять мятеж против Республики, был немедленно свергнут властью децемвиров благодаря их бдительности и понес наказание за свое безрассудное преступление, ибо по решению этой коллегии он поплатился головой вместе со многими знатнейшими гражданами, которые участвовали в его заговоре против свободы, и был предан вечному позору.

В той части дворца, где находятся портреты всех принцев с восхвалениями дел, которые они совершили ради республики, на месте, которое должен был бы занимать портрет Марино Фальеро, помещены несколько строк, извещающие о том, что этот дож был обезглавлен за свои преступления (сказано именно так)⁷⁶. Упомянутый заговор был крайне опасен и мог погубить республику, если бы он не был подавлен в зародыше властью коллегии децемвиров. Еще несколько граждан, которые из честолюбия предлагали некие законы, чтобы привлечь на свою сторону народ, были незамедлительно и строго наказаны децемвирами и поплатились перед государством за свое безрассудство и неумеренное тщеславие⁷⁷. Таким образом, с Божьей помощью и благодаря авторитету коллегии децемвиров наш город ни разу не поразила подобная чума.

Итак, мы рассказали почти обо всех органах общего управления Венецианской республики. Теперь, чтобы придать нашему труду всестороннюю полноту, мы скажем о прочих

⁷⁵ Марино Фальер, или Фальеро (ок. 1285–1355), — 55-й венецианский дож с 11 сентября 1354 г. по 17 апреля 1355 г., казнен по обвинению в заговоре против республики. Указание даты в тексте явно неточное.

⁷⁶ В 1366 г. вместо портрета Фальеро в зале Большого совета была вывешена надпись “Hic fuit locus ser Marini Faletri, decapitati pro crimine prodicionis” («Здесь было место сэра Марино Фальера, обезглавленного за преступную измену»). Позднее, в 1577 г., после пожара во Дворце дожей, она была заменена другой: “Hic est locus Marini Faletri, decapitati pro criminibus” («Это место Марино Фальера, обезглавленного за его преступления»).

⁷⁷ Совет десяти был учрежден в 1310 г. после заговора Тьеполо. В 1457 г. Совет настоял на отставке дожа Франческо Фоскари (ср. с. 107, примеч. 69).

должностных лицах, которые вершат правосудие, управляют государственными финансами, а также о правителях городов, подчиняющихся Венеции, и о командующих флотом и войском. Затем я опишу некоторые учреждения, которые были очень разумно, по моему мнению, задуманы для того, чтобы народ и низший плебс не чувствовали себя обойденными из-за того, что они не участвуют в управлении республикой. Далее мы сообщим о государственной подготовке молодых людей к военному делу, которая, вопреки мнению многих, не была у нас забыта.

Прежде чем перейти к этим учреждениям, я полагаю нелишним напомнить читателю тот факт, что описанный нами выше порядок совещаний Сената и той же коллегии децемвиров явно свидетельствует о соединении обычаев народной власти с властью оптиматов. Ибо если Сенат не может ничего решить без предварительного доклада преконсульторов, то это свидетельствует о влиянии оптиматов. А то, что преконсульторы не имеют никакой власти без согласования с Сенатом, который подтверждает своим авторитетом их решения, очевидно, относится к обычаям народовластия. Следовательно, не только в общем устройстве нашей республики, но и во всех ее частях тот, кто поразмыслит как следует, обнаружит это смешение и пропорцию, в которой сливаются упомянутые правильные способы управления нашей республикой. Однако вернемся к тому, от чего отклонилось наше повествование.

Итак, прежде всего нам необходимо рассказать о том, что касается судопроизводства. Система правосудия, которое вершат должностные лица, делится на две части. Оно относится либо к наказаниям преступников, которые нанесли значительный ущерб отчизне или кому-либо из граждан или проявили нечестие в отношении бессмертных богов; либо затрагивает разбор гражданских (*forensibus*) споров. Поэтому в Венеции есть два вида судей, одни занимаются гражданскими, а другие — уголовными делами. Сначала мы расскажем об уголовных судьях, а затем о гражданских. Преступления делятся на менее опасные по характеру или положению совершившего

прегрешение и на более серьезные и опасные по характеру проступка и по степени знатности грешников. Поэтому были учреждены суды по уголовным делам двух видов. Одни из них ведают более важными делами и разбирают наиболее значимые преступления, а другие — менее значимые. В Венецианской республике по указанной нами причине все судебные разбирательства поделены весьма совершенным образом. Скажем сперва о важнейших, затем о прочих.

Кроме тех преступлений, которые, как мы уже говорили выше, вверены рассмотрению децемвиров, тяжкие проступки рассматривает Коллегия сорока мужей по докладам авогадоров и принимает по ним решения. В зависимости от преступления они же назначают наказание тому, кто был в нем уличен. Эти сорок мужей, которые отвечают за уголовные дела, на народном языке называются криминальными (*i quaranta giudici criminali*). Нам следует рассказать о них, но сперва скажем об авогадорах⁷⁸.

В былые времена магистрат авогадоров имел большой вес и пользовался неслыханным уважением. Его главная задача — следить за соблюдением законов, то есть за тем, чтобы законы ни в чем не нарушались. Посему всякий из тех, кто принадлежит к этой должности, имеет такое же право вето, которое имели народные трибуны у римлян, но те защищали свободу римского плебса, а наши защищают силу законов, поэтому их можно по праву назвать трибунами законов. Впрочем, чтобы не отступать от ясности изложения, каковая является нашей первой заботой, мы будем придерживаться общепринятого названия. Трибуны обращались к народу, или плебсу, наши же авогадоры докладывают сорока мужам о менее значительных делах, Сенату — о более важных и в наиболее серьезных случаях, если они считают их таковыми, — Большому совету,

⁷⁸ Должностные лица, выполнявшие функции государственных обвинителей (прокуроров) и следившие в первую очередь за исполнением законов. Этот институт был учрежден в 1180 г. и носил название *Avogadoria de Comùn*, поскольку Венецианское государство с 1143 по 1423 г. носило официальный титул коммуны (а с 1423 г. — синьории). Авогадоры назначались на 16 месяцев.

поэтому в старину авторитет этого магистрата был очень велик. Ныне же, поскольку власть децемвиров значительно расширилась, авторитет авогадоров, соответственно, уменьшился, как и их почитание в городе. Впрочем, так как этот орган располагает столь большими полномочиями и на него в основном возложена забота о соблюдении законов, то поскольку именно те, кто совершает преступления, нарушают законы, — особенно это относится к выдающимся гражданам, которые больше всего должны заботиться о сохранении государства, — поэтому такого рода проступки считаются самыми главными с точки зрения суда авогадоров, хотя сами они не имеют права выносить приговоры обвиняемым, кроме как по самым незначительным делам. Прочие же решения выносятся советом. Здесь, мне кажется, имеет смысл рассказать о процедуре уголовного суда в целом, которая поручена авогадорам, ибо нигде, насколько мне известно, подобного порядка не существует. Также мы объясним, как я надеюсь, каковы именно полномочия этих должностных лиц.

Когда авогадорам доносят о совершении какого-либо преступления, то, если они посчитают дело достойным рассмотрения, тотчас же все они либо один из них (поскольку у них имеется трое начальников) объявляют того, чье имя было названо, обвиняемым. Затем занимающийся этим делом авогадор докладывает о нем тому совету, которому считает нужным, но обычно это бывает Коллегия сорока мужей, отвечающая за уголовное судопроизводство. После изложения существа дела совет решает, следует ли заключить обвиняемого под стражу и подвергнуть допросу, или он может защищаться, оставаясь на свободе. Затем по решению совета обвиняемого вызывают в суд или задерживают служители авогадоров. Он отвечает суду, либо оставаясь на свободе, либо будучи в заключении. Его спрашивают о преступлении, он отвечает; призывают свидетелей защиты и обвинения. Все, что говорит обвиняемый по собственной воле или под пыткой, а также то, что сообщают свидетели, приведенные в коллегия, в пользу или против обвиняемого, заносится в протокол.

После записи всех показаний копия протокола передается обвиняемому и устанавливается время, в течение которого он может изложить дело адвокатам и посредникам, которых он пригласит, а те смогут тщательно взвесить все обстоятельства в пользу подсудимого и обдумать, как опровергнуть факт преступления и неблагоприятные свидетельства. Наконец, начинается слушание дела. Здесь нельзя умолчать о том обычае, который дошел до наших дней от предков. Если подсудимый столь беден, что не может позволить себе расходы на адвокатов, которые представляли бы его интересы, то за счет республики защита поручается двум поверенным, выступающим от имени этого бедняка. Таким образом, закон предписывает, чтобы никто не мог быть наказан без рассмотрения дела. Когда защита интересов обвиняемого обеспечена и для нее больше ничего не требуется, авогадоры созывают совет и назначают день, когда обвиняемый должен предстать перед судом. Перед собравшимся советом Коллегия авогадоров выступает в роли обвинителей, и носителям этой должности надлежит обвинять по всей строгости, как Цицерон обвинял Верреса и Марка Антония⁷⁹ (если только им удастся подражать Цицерону); однако обвинители должны избегать злословия и при этом придерживаться обстоятельств дела. Ведь тот, кто опускается до брани, уподобляется дурным и злобным людям, а это не подобает государственному обвинителю. Здесь венецианцы, в отличие от римлян, придерживаются совершенно другого образа действий. В Риме некогда каждый гражданин мог вызвать другого в суд в назначенный им день и яростно обвинять его там. В Венеции же такое право не дано никому из частных лиц, и, по закону республики, эта обязанность возложена на Коллегию авогадоров. Следует сказать, что при этом наши предки были более близки к природе вещей и лучше

⁷⁹ Речи 70 г. до н.э. против Гая Лициния Верреса, претора Сицилии, обвиненного в коррупции, единственные речи Цицерона, произнесенные в уголовном процессе. Против Марка Антония, преемника Цезаря, Цицерон выступал в Сенате в 44–43 гг. до н.э. с «Филиппиками» (в подражание Демосфену), это стало одной из причин его гибели.

позаботились о согласии среди граждан, нежели римляне. Ведь тот, кто совершил некий проступок, нарушил законы и нанес ущерб государству, поэтому он и должен понести наказание главным образом перед государством, а орган, который отвечает за соблюдение законов, по праву должен подвергнуть этого человека наказанию, употребив для этого все старания. Долг частного лица состоит в том, чтобы забывать нанесенные ему обиды и уступать своему оппоненту. Кроме того, ни одно частное лицо не в состоянии выступить в роли обвинителя, не вызвав огромную зависть и ненависть того, кого он призвал к суду, а от этого среди граждан легко возникают смуты. Наши предки предотвратили эту опасность, поручив все обвинения специальному органу, который не руководствуется побуждениями соперничества, а действует по указанию закона. Благодаря этому никогда не было слышно, чтобы кого-то из авогадоров упрекали, что он слишком рьяно нападал на обвиняемого или был чрезмерно суров. Более того, чем старательнее он обвиняет, тем больше похвалы получает от всех сограждан. Но вернемся к судебной процедуре. Итак, авогадор выступает перед советом в роли обвинителя и выдвигает все возможные доводы против подсудимого. Сначала он излагает обстоятельства преступлений и проступков, затем подтверждает показания свидетелей и подкрепляет их правдоподобными предположениями. Когда он закончит говорить, обстоятельства дела излагаются защитником, которого избрал обвиняемый. Затем, если до того как будет запрошено мнение судей, кто-то из авогадоров снова пожелает выступить против подсудимого, ему дается слово; точно так же и его защитники имеют право ответить и опровергнуть предъявленные обвинения. Так они обмениваются доводами, пока один из них, подсудимый или авогадор, которому будет предоставлено слово, не заявит, что больше не желает говорить. По завершении слушания обвиняемый и его защитники выходят из Дворца правосудия. Судьи удаляются вместе с авогадорами и их секретарями в закрытое помещение. Сперва авогадоры докладывают судьям о необходимости наказать обвиняемого и

испрашивают их мнение о том, заслуживает ли он наказания, не говоря, однако, об определенной мере. Похожего обычая придерживались афиняне. В Афинах судьи выносили приговор дважды, сначала они оправдывали или осуждали подсудимого, затем устанавливали меру наказания, если он перед этим был осужден. В этом можно убедиться по «Апологии Сократа» Платона. Примерно такая же судебная процедура установлена и у нас. Итак, сначала авогадоры докладывают о необходимости покарать преступника, затем судьи приступают к голосованию. Ведь у венецианцев все советы решают дела путем подачи голосов. Вносятся три урны, одна — для голосов в пользу осуждения преступника, вторая — в пользу полного оправдания и отказа от штрафа, и третья для тех, кто не принял решения в пользу той или другой стороны. Первая урна, с голосами за осуждение, — белого цвета, вторая, за оправдание, — зеленого, а третья — красного. Независимо от того, подлежит ли дело рассмотрению сорока мужей, как бывает чаще всего, или решается Сенатом, что случается редко и только в отношении более серьезных преступлений, или же докладывается авогадорами Большому совету — в исключительных случаях, в связи с тяжкими проступками, — каждый из судей кладет в одну из урн льняной шарик, так чтобы никто не видел его выбора. Затем голоса подсчитываются старшими в совете. Если больше половины голосов подано за оправдание подсудимого, то он немедленно объявляется оправданным, если больше половины его осудили, то сразу объявляют виновным. Если же больше половины судей нейтральны, то есть еще не приняли решения, то объявляют об отсрочке и о необходимости более тщательного обсуждения дела судьями. Если обвиняемый оправдан, то больше ничего не требуется и его тотчас же освобождают. Если решение отсрочено, то для судей и подсудимого назначается день нового рассмотрения дела, когда авогадоры будут выступать с обвинением, а защитники — с его опровержением. После слушания дела и всех выступлений голосование судей проводится повторно. Если же снова ничего не будет решено и нейтральные голоса превыша-

ют половину всех голосов⁸⁰, тогда еще раз принятие решения переносится и назначается третье слушание. В назначенный день, когда все повторяется снова, опять проводится голосование, но нейтральные голоса уже не принимаются во внимание. Поэтому, если голоса не разделились пополам, подсудимый будет либо осужден, либо оправдан. Если его оправдывают, дальнейших действий не требуется, как я уже сказал. Если же осуждают, то принимается решение, какое ему положено наказание. На этот счет высказываются как авогадоры, так и начальники Коллегии судей. По обычаю авогадоры предлагают самое суровое для преступления данного рода наказание, ибо их должность предполагает такое поведение. Другие же, советники и начальники сорока мужей, которые имеют право выступать перед судебной коллегией, обычно предлагают более мягкие кары, если преступление не настолько тяжкое, что не оставляет места для снисхождения, или если авогадоры не запросили более мягкого наказания, чем того требует их долг. После того как они высказали свои мнения, принимается решение относительно наказания, полагающегося подсудимому, таким же образом, как выносятся решения Сената в тех случаях, когда мнения преконсульторов расходятся, что мы описали выше. Если бы я захотел повторить это описание здесь, то тем самым доставил бы читателю неудобство и заслужил бы упрек в глупости. Достаточно сказать, что выносятся такой приговор, за который, в отличие от прочих, подано более половины голосов.

Здесь мне кажется уместным отметить два обычая, очень мудро установленных нашими предками. Во-первых, они не захотели, чтобы какой-либо магистрат или кто-то из граждан судил о чем-то как судья последней инстанции, и поручили

⁸⁰ В тексте наоборот или двойное отрицание: "Quod si etiam tum nihil decernatur, quod suffragia, quae neutram in partem venerint, dimidium summae *non* excedant..." Итальянский вариант: "...se co'l numero delle ballotte non passano la metà della somma di coloro, che ne per l'una, ne per l'altra parte haveano ballottato..." Английский вариант: "...if then neyther there bee any thing concluded in regard that the greater part of the lots be found in the pot, that agreeth the doubtfulness & irresolution of the iudges..." (p. 91).

эту обязанность советам или коллегиям. Во-вторых, не менее важно, чем предыдущее, то, что они постановили, чтобы судьи выносили свои решения не публично и устно, а тайным голосованием. И то и другое, на мой взгляд, весьма благоразумно, ибо очень правильно, что высшая власть не доверена одному магистрату. Ведь, помимо того что окончательное решение о чем бы то ни было опасно доверять немногим гражданам, следует избегать и того, чтобы город был вынужден предъявлять претензии к этим немногим, если решение окажется неудачным. Не менее мудро было установлено, чтобы решения и приговоры выносились тайно, ибо при голосовании такого рода судьи чувствуют себя свободнее, чем когда объявляют о своем мнении устно и во всеуслышание. При этом они не отклоняются от справедливого суждения из честолюбия, или из опасений обидеть своих друзей и благодетелей, или из страха вызвать гнев влиятельных людей. Также здесь обеспечивается вынесение каждым судьей собственного решения и независимость от авторитета других; ведь нередко бывает, что тот, кто первым высказался, считается самым мудрым и ученым. Поэтому такой способ вынесения решений не был обойден и величайшими философами.

Однако вернемся к нашему предмету. Я рассказал о том, как проходит судебный процесс, и теперь вернусь, как и планировал, к ХХХХ судьям по уголовным делам. Эта коллегия, которой авогадоры докладывают о таких делах, была учреждена в нашем городе для принятия решений о наказании преступников⁸¹. Поэтому лишь если речь идет о тягчайших преступлениях, затрагивающих интересы государства, они передаются в высшие инстанции: очень редко авогадоры докладывают о них Сенату, и еще реже — Большому совету. Обычно все уголовные преступления рассматриваются Коллегией сорока мужей, решение которой является окончательным и не подлежит дальнейшему обжалованию. Эту долж-

⁸¹ Совет сорока, или Кварантия, учрежденный в 1179 г., первоначально участвовал в выборах дожа, а затем, по мере специализации правительственных учреждений, стал выполнять функции верховного суда республики.

ность занимают восемь месяцев, после того как проработают шестнадцать месяцев в гражданском суде. В Венецианской республике имеется три коллегии, каждая из которых состоит из сорока судей⁸². Две из них занимаются гражданскими делами (*forensibus causis*), а третья, о которой и идет речь, — уголовными (*capitalibus*). Порядок их работы таков, что уголовные судьи, срок пребывания в должности которых истек, отстраняются от нее⁸³, и на выборах в Большом совете назначаются новые сорок мужей. Однако они не приступают сразу к рассмотрению уголовных дел, но на место уголовных судей, оставивших должность, заступает Коллегия XXXX мужей, до этого на протяжении восьми месяцев разбиравшая городские дела (*causis urbanis, cause civili di dentro*). А на место гражданских городских судей (*forensibus atque urbanis, civili*) приходит третья Коллегия XXXX мужей, которая до этого восемь месяцев рассматривала внешние дела (*exteriorum causas, cause civili di fuori*); вместо нее же назначаются только что избранные судьи. Таким образом, одни и те же судьи по очереди занимаются гражданскими городскими и внешними делами, а затем уголовными, и так они проводят в этих судах два года. Эти три судебные коллегии имеют собственные названия. Первая, которая рассматривает внешние дела, называется новой. Вторая, по городским делам, — старой. Третья, имеющая право выносить смертные приговоры, носит имя криминальной от слова *crimen*, «преступление». Эти сорок мужей криминального суда допускаются и в Сенат и имеют в нем право голоса, поскольку они представляют высшую инстанцию по уголовным

⁸² Вторая Кварантия (Старая), по гражданским делам, была учреждена в 1441 г., а третья Кварантия Чивиль Нуова (Новая), — в 1491 г. Старая Кварантия занималась делами не только самой Венеции, но и прилежащих к ней земель (Догадо), а также морских владений (Стато да Мар), а Новая — территорий на итальянском материке, Террафермы (Стато да Тера). О порядке их заседаний говорится далее, в четвертой книге.

⁸³ В итальянском переводе добавлено: “*senza maggioranza degli altri*” («не имея большинства над другими, или других»; может быть, по смыслу — «не имея преимуществ перед другими?»), в английском переводе и в издании 1543 г. этой вставки нет.

делам и выносят смертные приговоры. Кроме того, из их числа по жребию каждые два месяца избираются триумвиры, которые по очереди заседают вместе с дожем и его советниками и имеют равное с ними право докладывать Сенату и Большому совету то, о чем им будет угодно, а процедура при этом такова, как я описывал выше. Эти более молодые ХХХХ мужей не случайно прибавляются к сенаторам, как правило, людям пожилого возраста, ибо таким образом естественная холодность сенаторов уравнивается молодой горячностью. Молодых в Сенате гораздо меньше, чем стариков, но их достаточно, чтобы в его решениях чувствовалось присутствие их пыла, ибо это бывает необходимо при ведении дел. Следует прибавить и то, что благодаря наделению этих ХХХХ мужей сенаторскими полномочиями доступ к государственному управлению получают граждане более низкого разряда, которые, как правило, становятся судьями, потому что наши предки придерживались законов народоправства. Ведь члены этих коллегий ХХХХ мужей получают из казны жалование за те дни, когда они собираются. Поэтому богатые граждане редко претендуют на названные должности и часто получают отказ, зато нуждающимся, но достойным людям достигнуть их нетрудно. Таким образом, и бедным, но честным гражданам оказывается некоторая помощь, и государственное управление доверяется не только богатым и именитым людям, представляющим сословие оптиматов и власть немногих, но и отчасти, в небольшой степени, гражданам низшего разряда, которые получают доступ к государственным должностям и представляют народ. Отсюда всякий может уяснить, что все устройство Венецианской республики сохраняет ту пропорцию, о которой особенно заботились наши предки, как мы говорили в начальной части нашего сочинения; а именно смешение народовластия с властью оптиматов. Однако эта пропорция такова, что больше полномочий находится у оптиматов. Итак, я полагаю, что об авогадорах и ХХХХ мужах, которые являются уголовными судьями и разбирают более тяжкие или совершенные заметными людьми преступления, нами сказано достаточно.

Теперь нам требуется вкратце обозреть то, что относится к некоторым низшим судебным должностям, связанным с разбором менее важных как по характеру, так и по положению обвиняемых проступков и злодеяний. Эти должностные лица бывают двоякого рода: одни имеют право казнить, другие — нет. Полномочия последних допускают только наказание лиц самого низкого звания и продажных женщин, которых велют выпороть розгами или заключить в тюрьму, смотря по званию того, кто провинился. Далее тот магистрат, который может выносить смертные приговоры, также делится на две части, ибо не одни и те же судьи расследуют преступление, подвергают обвиняемого допросу и выносят вердикт. Первые из них, а именно начальники ночной стражи⁸⁴ (*noctis praefecti, i capi de i signori di notte, heades of the officers by night*), возбуждают дела и составляют протоколы, куда заносятся показания свидетелей, данные ими добровольно или под пыткой; затем они передают дело судьям по правам собственности (*judices proprietatum, giudici del proprio, iudges of the properties*). Их должность отличается от первой, они выносят решения по важнейшим уголовным делам. Поэтому если преступление не тяжкое и для наказания подсудимого достаточно подвергнуть его порке или приговорить к нескольким месяцам заключения, все решают начальники ночной стражи. Также не требуется обращения к Коллегии сорока мужей, чтобы решить, бросить ли кого-либо в тюрьму или подвергнуть допросу. Такого права нет у авогадоров, которые обязаны испрашивать разрешения у коллегии и опираться на авторитет этой коллегии. Описанный порядок был установлен отнюдь не случайно, ибо если бы нужно было обращаться к Совету по поводу всякого преступления и по поводу преступников ничтожного звания, это доставило бы республике слишком много хлопот, а преступникам — больше свободы для прегрешений в надежде на

⁸⁴ Должность шести начальников ночной стражи (Синьори делла Нотте) была учреждена в 1260 г.; в 1544 г., уже после смерти Контарини, этот орган был поделен на два — по уголовным (криминаль) и гражданским делам; в обоих было по шесть человек.

большую безнаказанность. Для того чтобы такие разбирательства были более скорыми и короткими, начальники ночной стражи были наделены полномочиями, которых нет у авогадоров. Этих начальников всего шесть, шесть человек также составляют младший орган, в полномочия которого входит решение дел в отношении лиц низшего разряда и неопасным преступлениям. Те, кто занимают эти должности, называются главами городских триб (*capita tribuum civitatis, capi de sestieri della città, heades of the tribes of the city*), ибо как они, так и начальники ночной стражи избираются от каждой трибы, а всего в городе шесть триб. Порядок выборов тот же, что и для советников, выше мы его подробно описали. Кроме того, в обязанности обоих магистратов входит поочередное несение ночной стражи⁸⁵, поэтому то начальник стражи, то глава трибы вместе с вооруженными телохранителями и помощниками обходят свой квартал вплоть до рассвета и следят, чтобы под покровом ночи, который споспешествует злонамеренным людям, никто не понес ущерба, чтобы воры не проникали в дома и разбойники не нападали на прохожих на улицах. В старые времена оба этих магистрата пользовались большим уважением в Венеции, но затем, когда по мере необходимости добавлялись новые органы управления, их авторитет и значение снизились; высшие полномочия перешли к новым магистратам, и в ведении старых остались мелкие и незначительные дела, почти отбросы. Теперь о магистратах, рассматривающих уголовные дела, сказано достаточно, а о гражданских мы будем говорить в следующей книге.

⁸⁵ Здесь на полях английского экземпляра перевода Льюкенора из библиотеки Horace Howard Furness Memorial (Shakespeare) Library (JN5266 C66 1599) имеется пометка "Othello". Вероятно, читатель отметил упоминание стражников ("some special officers of night") в I сцене трагедии Шекспира.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

В Венецианской республике всегда существовал обычай не вверять высшие полномочия в важных делах какому-либо должностному лицу, но наделять такими правами коллегиальные органы или, проще говоря, советы. Поэтому и при рассмотрении гражданских исков, в которых сумма ущерба превышает пятьдесят пять золотых монет, на решения любых должностных лиц может подаваться апелляция аудиторам городских дел, которые в просторечии называются старыми, или в Коллегию сорока мужей, о которой мы говорили выше. Однако, чтобы ясно представить процедуру гражданских судов, начнем с аудиторов, которые также делятся на два разряда. Они бывают новыми, или младшими, либо старыми. Старые именуются так в силу древности происхождения, ибо этот магистрат в Венеции гораздо старше, чем другой, который был учрежден в нашей республике только тогда, когда она обзавелась владениями на континенте (*terra ferma*), через много столетий после основания города⁸⁶. Старые аудиторы имеют почти такую же власть при рассмотрении гражданских дел, подлежащих ведению городских судов, как и авогадоры, которые могут применять почти любые меры, если узнают о нарушении закона, то есть право опротестования. Если городские

⁸⁶ Старые аудиторы, или гражданские авогадоры, — промежуточная апелляционная инстанция по гражданским делам, появились во второй половине XIII в., а новые — в начале XV в.

судьи вынесли кому-то приговор, этот человек имеет право апеллировать к аудиторам. После того как дело выносится на их рассмотрение и обсуждается обеими заинтересованными сторонами, если речь идет об ущербе, не превышающем пятьдесят золотых монет, и судьи единодушны во мнении, то они могут принять решение, не обращаясь в Коллегию сорока мужей. Если мнения расходятся, то даже один судья может наложить вето, и дело рассматривается коллегией в минимальном составе, в которую входят оба магистрата из аудиторов и трое других судей, занимающихся делами о найденных вещах⁸⁷. Здесь обсуждаются малозначительные дела. Если же сумма ущерба превышает указанную цифру, то прежде можно было обращаться к коллегии сорока мужей, только если один из аудиторов опротестовывал вынесенное судьями решение и докладывал о нем сорока мужам. В наше время был издан закон, разрешающий тому, против которого первый состав судей вынес приговор, через три месяца, если никто из аудиторов не заявил протеста, вызывать своего противника в назначенный им день на суд коллегии. Из-за этого закона авторитет аудиторов сильно уменьшился, поскольку, если они и опротестовывают приговор, это не обеспечивает выигрыша дела. Ибо их протест является своего рода преимущественным правом суда, которому не нужно ожидать три месяца. Если аудитор заявляет протест, он вызывает судей первой инстанции в суд Коллегии сорока мужей. Раньше оба должностных лица выступали перед коллегией, и каждый защищал свое решение. Однако вследствие медленности такой процедуры постепенно перешли к тому, что судьи первой инстанции, приговор которой был отменен, не только не выступают, но и не присутствуют на слушании дела в Коллегии сорока мужей, а их мнения передаются в положенный законом день через нотариуса. Обычай же, предусматривающий, что аудиторы сперва докладывают коллегии об опротестованном деле, а затем выступают с речью,

⁸⁷ В итальянском тексте слова «занимающихся делами о найденных вещах» пропущены.

дошел до наших дней. Но теперь это случается редко, и данные обязанности возложены лишь на защитников, которые выступают в интересах тяжущихся, поэтому авторитет аудиторов, некогда очень высокий, в наше время понизился и ослаб. Упомянутые сорок судей, рассматривающих городские дела, придерживаются примерно такой же процедуры, что и сорок судей по уголовным делам, о которых мы говорили. Разница заключается лишь в том, что в делах, где наказание — смертная казнь и конфискация имущества обвиняемых, время выступления не ограничивается, а в городских тяжбах установлен предел, за который нельзя выходить: каждому оратору дается полтора часа. Кроме того, в этих гражданских делах не предлагаются разные решения на выбор суда, как при назначении наказаний для преступников и лиц низшего разряда, о чем мы говорили выше, а только задается вопрос, следует ли подтвердить приговор, вынесенный судьями ранее, или отменить его. Вопрос об отмене ставится тогда, когда какой-либо аудитор высказал протест. Если же протеста не было и дело попало в коллегия без вмешательства аудитора, после слушания дела начальники коллегии ставят вопрос не об отмене, а о подтверждении вынесенного приговора.

Все присяжные судьи участвуют в голосовании. Вносятся три урны. С помощью зеленой приговор отвергается, с помощью белой — подтверждается, а красная предназначена для тех, кто не принял еще решения и хочет пересмотреть дело. Решение принимается только в том случае, если голос в защиту или против приговора подали более половины присутствующих. Если же судьи еще не приняли решения и не склонились в пользу одной из сторон, то слушание дела переносится на другой день, и все повторяется примерно в том же порядке. Если снова суд не определил своего мнения, коллегия собирается в третий раз, и дело рассматривается еще раз. Опять проводится голосование, но мнения тех, кто воздерживается, уже не принимаются в расчет. Поэтому, если голоса не распределились поровну, выносится решение в пользу одной из сторон: или отменить, или подтвердить вынесенный приговор.

При отмене приговора у истца остается право снова подавать в суд по этому поводу, поскольку отмена не является решением, а только аннулирует вынесенный приговор. При подтверждении и одобрении приговора, вынесенного судьями первой инстанции, он становится окончательным и дальнейшему обжалованию не подлежит, а суд не может рассматривать это же дело, если не выявились новые обстоятельства.

Теперь мы сказали о старых аудиторах достаточно и вкратце сообщим о новых. Этот магистрат был учрежден в нашей республике не ранее того времени, когда власть Венеции стала распространяться на граничащие с лагуной территории материка. К этим должностным лицам апеллируют по решениям преторских судов (*giudicii fatti da i podestà, such governors & magistrates as... the precincts*), а также других органов, которые вершат правосудие над населением, живущим вне нашего города и вошедшим в наше сообщество (*societas, società, under our subiection*). Ведь старые аудиторы не справлялись со всеми городскими делами, включая и внешние. Отсюда и возникло это название «новые», или «позднейшие». Дело в том, что после учреждения республики владения венецианцев стали распространяться и на прибрежные земли, которые по доброй воле и охотно возвращались к прежним хозяевам. Ведь как мы говорили в начале нашего сочинения, благороднейшие жители Венецианской провинции под натиском варваров бежали на лагуну и основали здесь наш прекрасный город. Из-за множества этих беглецов его и назвали Венецией, чтобы потомкам было известно, что здесь собрался весь цвет знати из городов Венецианской области. Итак, в связи с тем что вскоре власть Венеции безмерно возросла, один и тот же магистрат уже не мог заниматься и городскими, и внешними делами. Поэтому и был учрежден новый, как и новая Коллегия сорока мужей. К ним обращают апелляции на суд по внешним делам, и эта коллегия рассматривает все дела такого рода. Процедура заседаний во всем такова же, и порядок работы указанного магистрата и коллегии тождествен тому, который мы только что описали и которого придерживаются старые аудиторы и Кол-

легия сорока мужей, рассматривающие городские дела. Новым аудиторам даны полномочия только в тех тяжбах, сумма которых не превышает сорока золотых монет (*nummorum aureorum, scudi, crownes*), и они могут изменять вынесенный по ним приговор, на который поступила апелляция: частично отменить его, если им будет угодно, частично подтвердить, если все сойдется во мнении. Так было сделано для того, чтобы чужеземцы и пришлые, о которых, как говорили лучшие философы, следует заботиться особо, были освобождены от излишних тягот и без чрезмерных затрат могли разрешать свои споры. Старые аудиторы лишены такого права. Они обязаны либо целиком одобрить приговор, либо целиком его отвергнуть и признать недействительным. Если новые могут опротестовать часть, а остальное оставить, то старые, напротив, должны либо опротестовать все, либо все оставить как есть. Таким образом, тяжбы чужеземцев рассматриваются быстрее, чем тяжбы горожан, хотя из-за пронырливости защитников и юрисконсультов, вопреки дозволенному ничем не брезгующих, тяжбы продлеваются до бесконечности, и так бывает у всех народов, где суд вершится не как попало, а по установленному порядку.

Мы рассказали почти обо всех судебных процедурах, остается только вкратце рассмотреть те магистраты, которые вершат городское правосудие в первой инстанции и на решения которых подаются апелляции старым аудиторам. Существует шесть категорий этих судей, поделенных в зависимости от разряда дел и участвующих лиц, а именно: по торговым и коммерческим тяжбам, по искам о зданиях и земельных владениях, находящихся внутри лагуны, по имениям и полям, находящимся на материке, а также по всем прочим договорам и соглашениям и в зависимости от того, являются ли тяжущиеся гражданами, или чужеземцами, или лицами разных категорий, или смешанных категорий; далее, идет ли речь о сиротах или вдовах, претендующих на возврат приданого после смерти мужа. И для того чтобы не возникало путаницы при разборе столь разнообразных дел и одни суды не мешали другим, были

учреждены суды нескольких категорий, так что, насколько возможно, всякий в состоянии понять, к какому судье, в зависимости от рода дела и иска, ему обращаться. Например, иски по зданиям или земельным владениям в Венеции, то есть в пределах лагуны, рассматриваются судьями «по правам собственности»⁸⁸ (ит. *del proprio*), и к ним обращаются и вдовы, желающие получить свое приданое от наследников покойных мужей. Это название возникло оттого, что наши предки считали собственностью своих граждан только то, что находится в пределах лагуны, как малодоступное для чужих притязаний. Прочее же, что было на материке, будь то дома или поля, могло быть легко отнято другими и стать чужой добычей и потому называлось движимым имуществом. Если тяжба идет по поводу земельных участков на побережье материка, следует обращаться к судьям прокураторов⁸⁹. В эти же суды обращаются те, кто подает иски к сиротам, находящимся под опекуном. Отсюда и название, ибо венецианцы называют попечителей и опекунами, и прокураторами. Если же речь идет о товарах и коммерции, обращаются к тем должностным лицам, которые получили название купеческих судей или консулов⁹⁰ (ит. *consoli de mercatanti*) соответственно. Они выносят судебные решения в более сжатые сроки, чем другие гражданские магистраты, по той причине, что длительные тяжбы могут нанести вред и задержать дела купцов, требующие постоянного внимания. Но если тяжбу ведут чужеземцы или кто-либо из граждан вызовет чужеземца в суд, то они обращаются к тем судьям, которые занимаются пришлыми⁹¹ (ит. *da forestieri*). Все прочие дела по договорам и соглашениям, по

⁸⁸ Старейшее судебное учреждение Венеции, которое состояло из трех судей при доже (*Curia ducis*) и первоначально занималось всеми делами. Все прочие суды, о которых речь идет ниже, кроме торговых консулов, отделились от него.

⁸⁹ Суд, учрежденный в середине XIII в. и сначала занимавшийся делами прокураторов святого Марка.

⁹⁰ Орган, существовавший с XIII в.; в 1423 г. число судей было увеличено с трех до пяти.

⁹¹ Этот суд восходит к XII в., и его члены назывались судьями коммуны (*Giudici del comun*).

которым требуется взыскивать долги, рассматриваются судьями по претензиям⁹² (ит. *delle petizioni*); они также замещают должности городских преторов. Помимо этого, есть малозначительные дела, разбираемые так называемыми судьями по движимому имуществу⁹³ (ит. *del mobile*). Существует, кроме того, и еще один магистрат, который занимается найденным имуществом, ранее спрятанным или утраченным, и решает, передать ли его в казну, или какому-то частному лицу, или тому, кто нашел, и разбирает споры такого рода.

Мы рассказали все о судах и теперь должны перейти к тем органам, которые отвечают за казну и за управление общественными финансами. Возможно, кому-то покажется, что они более многочисленны, чем следовало бы, и с финансовыми делами могло бы справиться и меньшее число людей. Однако здесь нужно заметить, что наши отцы очень заботились о том, чтобы в управлении государственными финансами не было никакого обмана, ибо они считали, что казна снабжает пищей все части государства (*rei publicae*) и при недостатке или уменьшении ее средств страдает и вся республика. Поэтому был принят закон: если кто-либо из граждан будет осужден за растрату, его имя ежегодно будет предаваться вечному проклятию. В определенный день в Большом совете в присутствии сонма граждан авогадор перечисляет всех осужденных за это преступление, дабы дерзнувшие совершить его несли наказание в виде вечного позора. Однако не будем уклоняться в сторону и скажем, что существует два рода магистратов, отвечающих за казну, как и две разновидности государственных средств. Эти средства поступают в казну либо в виде государственных доходов, либо в виде пошлин, а иногда, когда средств республики не хватает для покрытия издержек, граждане облагаются налогом в зависимости от уровня их имущества. Такая необходимость нередко возникает из-за войн, ко-

⁹² Орган, учрежденный в 1244 г.

⁹³ Суд, существовавший с 1255 г. и являвшийся вспомогательным по отношению к судьям по правам собственности и прошениям; он занимался также делами по аренде жилья.

торые часто обрушиваются на наш город с моря или суши, когда на наши владения нападают турки, чей натиск мы сдерживаем многие годы с большим ущербом для себя, защищая всю христианскую республику от жестокого и свирепого врага, или когда христианские государи, недовольные обширностью венецианских владений, сговариваются против нас. Так случилось пятнадцать лет назад, когда почти все христианские государи заключили союз и решили покончить с нами⁹⁴. Но с помощью богов (*diis bene iuvantibus, favorevole Domenedio, God be thanked*) все их нападки были отражены, и, будучи на грани гибели, наше государство полностью восстановилось⁹⁵. Итак, существуют государственные деньги (*rescunia publica*) двоякого рода и также два финансовых органа. Одни занимаются средствами, поступающими от налогов на имущество граждан, другие же — доходами и пошлинами республики. Пошлины взимаются с товаров, вывозимых из города и ввозимых в него. Другие поступают из городов, включенных в сообщество Венецианской республики (*societas imperii Veneti, società del dominio Vinitiano*).

Тем не менее городские сборы, как из-за множества товаров и большого стечения торговцев, так и за счет огромного числа жителей, населяющих наш город, по всеобщему мнению, гораздо значительнее. Так как существуют разные виды товаров и городских занятий, то были созданы и различные органы для удобства тех, кто назначает и взимает эти пошлины, но перечислять все было бы слишком долго и вместо удовольствия доставило бы скуку. Поэтому я опущу описание всех магистратов, которые не являются постоянными, а учреждаются по мере надобности. В целом их задача заключается

⁹⁴ Речь идет о начале войны Камбрейской лиги, в которую входили почти все крупные державы Европы, в конце 1508–1509 гг., это упоминание служит косвенным указанием на то, что Контарини работал над своим трактатом в 1523–1524 гг.

⁹⁵ Венеция потерпела тяжелое поражение от французских войск 14 мая 1509 г. при Аньяделло и лишилась почти всех владений на материке, но затем вернула их благодаря разладу между членами лиги, в основном между папой Юлием II и французским королем Людовиком XII.

в том, чтобы не допускать нанесения ущерба казне путем какого-либо обмана или вследствие халатности. Эти магистраты также рассматривают судебные тяжбы, относящиеся к поступлениям подобного рода. Все собранные деньги они немедленно передают управляющим государственными доходами (ит. *governatori delle redite pubbliche, dell'entrate*). Таково название магистратов, выполняющих указанные обязанности. Но поскольку эти обязанности чрезвычайно важны и ответственны, они возлагаются только на самых выдающихся граждан. А чтобы те охотнее шли на эти должности и не отвергали их, за выполнение этих серьезных и тяжелых поручений полагается большое вознаграждение, и исполнители наделяются высшими полномочиями. У них есть помощники, телохранители, посыльные и все прочие необходимые государственные служители, которые получают жалованье из казны. То, что остается, передается городским квесторам (ит. *camerlinghi della città, to the treasurer of the Chamber of the City*), к которым вообще поступает вся сумма казенных денег, которая была собрана всеми квесторами или магистратами, отвечающими за их взыскание, будь то в городе или за его пределами. По решению Сената городские квесторы направляют полученные деньги на публичные нужды и заносят в приходно-расходные ведомости, а так как эта должность хлопотная и требующая немалых усилий, ее обычно предоставляют молодым гражданам. Однако квесторов выбирают по знатности рода и безупречности нравов, дабы они не использовали казенные деньги на частные нужды. По этой причине городским квесторам дарованы почти такие же полномочия, которыми обладают полноправные сенаторы. Что касается средств, собираемых с граждан соразмерно их имуществу в стесненных для государства обстоятельствах, то, хотя все они поступают к городским квесторам, для них есть собственный магистрат. Между тем относительно этих собираемых с помощью цензового учета денег Сенат принимает такие решения, которые не предусматривают ни их возврата, ни выплаты какой-либо компенсации гражданам, выделившим их из своих частных запасов. Впрочем, это быва-

ет очень редко, ибо, если позволяют обстоятельства, Сенат чаще находит такие решения, которые учитывают и частные интересы. Итак, после объявления решения Сената о сборе средств по переписи, где указывается назначенное для этого время, каждый гражданин выплачивает в указанный срок установленную для него сумму денег. Управляющие доходами собирают деньги и передают их городским квесторам. Но гораздо чаще принимаются такие решения о сборе средств, которые предусматривают начало их возврата по истечении определенного времени выплатившим их гражданам с прибавлением некоторого вознаграждения, и для этой цели назначаются определенные налоги. Между тем в прежние времена, если Сенат принимал решение о сборе денег по переписи, о возврате не упоминалось и время не назначалось, если только этого требовали не государственные интересы, а магистрат под названием «префект займов» (*presidente degli imprestiti*), который и теперь так называется, заносил сумму денег, полученных от каждого гражданина, в книги. И до тех пор, пока эта сумма не была возвращена, кредиторам отсчитывались по пять золотых монет на сотню, можно сказать, в счет налогов (*vectigalis loco, in parte di rendita, to every one of those that had beene taxed*), и на эти нужды выделялись многие налоги. Поэтому во время прежних войн было просто собирать налоги по переписи, и нельзя считать неправильным, если республика, со своей стороны, выплатит нечто из государственных доходов тем гражданам, которые в тяжелые для нее времена истратили или значительно уменьшили свое имущество. Ибо как отдельные части должны заботиться о безопасности целого, так и целое по закону природы обязано заботиться о том, чтобы части не терпели большого ущерба, и в меру своих сил обеспечивать их безопасность и предоставлять им пищу, с помощью которой они будут восстанавливать силы и продлевать свое существование. Однако в наше время долги республики настолько выросли, что для выплаты вознаграждения гражданам, о котором мы говорили, ежегодно пришлось бы выплачивать триста тысяч золотых монет. Из-за крайних трудно-

стей⁹⁶, переживаемых республикой, эти выплаты были прекращены, так как четыре года назад, по предложению знатнейшего сенатора Доменико Тревизана и другого мудрейшего и бескорыстнейшего сенатора, Андреа Гритти⁹⁷, под дожеским попечением коего ныне находится Венецианская республика, было принято решение более не вести речи о выплате возмещения и с этого времени не упоминать в государственных реестрах об этих полученных от граждан деньгах. Но чтобы они не чувствовали себя обманутыми государством, для возврата денег, а также и вознаграждения, которое причиталось им на тот момент, были предназначены многие налоги, а также розданы все земли республики на территории Ровиго. За это в значительной мере отвечали мы⁹⁸, занимая должность, учрежденную ранее специально для сокращения или, если это будет возможно, погашения долгов республики, о чем вкратце скажем ниже. Таким образом, огромные и почти невиданные государственные долги в значительной части были уменьшены, и частное имущество граждан сохранено, но при этом интересы республики всегда сохраняли первенство перед частными, как и было заведено нашими предками и доведено до наших дней. Вернемся теперь к тому, от чего мы отклонились.

Префекты займов собирают деньги, выплачиваемые частными лицами на нужды республики по переписи имущества, заносят суммы в свои книги, а затем передают их городским квесторам. Они же обязаны взимать с городских квесторов ту сумму денег, которая ежегодно выплачивалась в виде ренты частным гражданам; эти суммы прихода и расхода они заносили в свои книги. А те средства, которые взимали согласно упомянутому закону по решению Сената и которые следовало вернуть частным лицам по прошествии определенного време-

⁹⁶ Имеются в виду упоминавшиеся выше войны на материке и с турками, ухудшение торговой конъюнктуры в связи с конкуренцией Португалии, а также с банкротствами ряда венецианских компаний.

⁹⁷ См. примеч. 54. Тревизан был соперником Гритти на выборах дожа в 1523 г.

⁹⁸ В 1518 г. Гаспаро Контарини был избран одним из трех проведиторов камеры займов и до 1520 г. занимался измерением и мелиорацией земель в дельте р. По. Это была его первая должность на государственной службе.

ни, собирали и возвращали особые магистраты. Теперь же все эти обязанности по возврату возложены на управляющих [доходами]. Кроме того, среди финансовых должностей следует назвать и ту, которая предусматривает учет граждан, признанных неплательщиками, а также тех, кто не выплатил сумму, причитающуюся по цензу; конфискацию их имущества и продажу на торгах. Есть еще и другие финансовые магистраты, которые следят за плательщиками и внимательно наблюдают за счетами частных лиц и республики в государственных книгах, дабы общественные доходы и казна не понесли ущерба. Я намеренно умалчиваю о них, чтобы не утомлять читателя, тем более что это не очень существенно с точки зрения управления республикой, о котором я рассказываю в этом сочинении. Помимо них, есть и другие должностные лица, очень важные для пользы граждан и для благой и блаженной жизни (*ad bene beateque vivendum*), и о них нам следует рассказать. Прежде всего, это начальники, заведующие чеканкой золотой и серебряной монеты⁹⁹, с помощью которой поддерживается торговля граждан между собой и с чужестранцами; затем префекты, ответственные за хлебные запасы (*proveditori alle biade*), далее префекты по здравоохранению города Венеции (*proveditori sopra la sanità*), обеспечивающие его жизнеспособность. Потом могущественные начальники флота (*proveditori, на полях — signori allo Arsenale*), чрезвычайно необходимые эдилы (*proveditori di comune*), отвечающие за исправление дорог, мостов и тому подобного; наконец, важнейшие магистраты, именуемые в Венеции прокураторами, они весьма нужны для нашего города. О начальниках чеканки монеты сказать почти нечего. Они заботятся о том, чтобы для чеканки не использовалось серебро или золото, менее чистое или более низкого качества, чем предписано законом, и чтобы монеты весили не меньше, чем установил закон. Это правило у нас всегда нерушимо соблюдалось, почему венецианские монеты

⁹⁹ В итальянском тексте — помета на полях: “Signori alla Zecca”. Эта должность была учреждена в 1522 г.

всегда очень ценились не только христианами, но и варварскими народами, и сейчас ценятся. Ведь почти все прочие государства чеканят золото и серебро с примесями, чтобы снизить свои расходы. Наши же всегда сохраняли в этом деле тот безупречный уровень, который установили предки.

Тот магистрат, который отвечает за хлебные запасы, крайне необходим Венеции, ибо венецианские земли почти не производят пшеницы, потому что город со всех сторон окружен лагуной, и в то же время его население многочисленно, так что следует заботиться о снабжении продовольствием, дабы народ, о благе которого пеклись наши предки, не страдал от его недостатка и не испытывал голода. Поэтому за хлебные запасы отвечают три префекта, которые занимают должность шестнадцать месяцев. В их обязанности входит наблюдение за тем, чтобы город не страдал от недостатка продовольствия, и если возникает такая опасность, они обращаются к коллегии в составе дожа и мудрецов, обсуждают эту угрозу и решают, что следует предпринять для восполнения запасов хлеба. Иногда для тех, кто подвозит в Венецию пшеницу из отдаленных провинций, из казны назначается определенная плата. Между тем зерно покупается на казенные деньги у тех торговцев, которые обязуются доставить известное количество хлеба в назначенное время, и если они не выполняют взятых обязательств, то подвергаются денежному штрафу. Купленное по высокой цене республика продает по низкой, чтобы помочь народу и справиться с нехваткой хлеба; при этом казна несет большой убыток. Снабжению продовольствием посвящены также многочисленные законы, и его обеспечивают превосходные учреждения, но если сейчас я стану их обзирать, то слишком удалюсь от темы.

Далее идет тот магистрат, который отвечает за здоровье горожан. Его главная задача — следить, чтобы в город не прокралась заразная болезнь и, если это случится, тотчас же помещать ее распространению. Для этого на лагуне были построены большие общественные здания, отстоящие от города на три тысячи шагов и граничащие с великолепными садами. В эти здания помещают тех простолюдинов со всеми домочадцами,

кто начинает хворать заразной болезнью. А те, кто имел некоторое общение с больным, должны покинуть свои дома и перебраться в другие общественные помещения, построенные за городом, в удаленных местах, для того чтобы другие не заразились¹⁰⁰. Здесь эти люди находятся XXXX дней, и если за это время выяснится, что они здоровы, им можно будет вернуться в город, домой. Также названные чиновники заботятся о состоянии предметов обихода, чтобы никто не заразился и от них, и о том, чтобы в продажу не поступали испорченные и угрожающие здоровой жизни города продукты; в общем, они следят за тем, чтобы условия обитания в Венеции были здоровыми. Однако этот род должностных лиц был введен не так давно, и раньше город очень часто страдал от поветрий, так что из-за свирепствовавшей болезни почти все оставляли домашние очаги и удалялись на ближайшее побережье, но, после того как забота об охране здоровья была передана упомянутым магистратам, с божьей помощью мора не наблюдалось¹⁰¹. Однако за последнее время некоторые дома были заражены, поскольку при таком большом стечении прибывающего отовсюду народа этого нельзя избежать, но благодаря упомянутому магистрату и с божьей помощью зло не смогло распространиться.

Теперь нам следует сказать о начальниках огромной гавани (*navale*; *Presidenti dell'arsenale*, на полях — *Signori all'Arse-nale*), которая, несомненно, является не только великолепным украшением Венеции, но и славой всей Италии¹⁰². Это гигант-

¹⁰⁰ С 1423 г. карантин устраивали на островке Лазаретто (откуда произошел термин «лазарет»); с 1468 г. туда помещали больных, предварительно проверявшихся на другом острове, Лазаретто Нуово, там стали проверять товары, поступающие в Венецию.

¹⁰¹ Тем не менее позднее тяжелейшие эпидемии чумы обрушились на Венецию, в 1575–1578 и 1630–1631 гг.; в знак избавления от них были построены церкви Спасителя (Реденторе) и Санта Мария Делла Салюте соответственно.

¹⁰² Венецианский Арсенал — одно из первых крупных промышленных предприятий с разделением труда. Он возник примерно в XII в. в результате объединения государством частных верфей для ремонта судов. В начале XIV в. Арсенал был значительно расширен, и в нем строили большинство военных и торговых судов Венеции на средства, получаемые, в частности, от аукционных продаж долей в финансировании экспедиций. В 1473 г. территория была еще раз увеличена вдвое. В XVI в. Арсенал занимал около 10 % площади города (45 га), в нем работало до 16 000 чел.

ское сооружение, достойное изумления, находится в той части города, которая ближе всех прочих к морю, и потому очень удобно для использования. Гавань делится на три бухты, или, если угодно, отсека, выход из которых в море, однако, общий и столь широкий, что в нем помещаются и самые большие триремы (galee, gallies). Этот выход по обеим сторонам снабжен башнями¹⁰³, которые соединены мостом на сваях, и решетчатыми воротами, открывающимися только для ввода и выпуска трирем из гавани. Во внутреннюю часть гавани нет доступа ниоткуда, кроме упомянутого входа. Сначала идет самая маленькая, но достаточно широкая бухта, со всех сторон защищенная навесами¹⁰⁴ и арочными перекрытиями; сюда приводят триремы с моря, и они хранятся здесь в целости и сохранности на протяжении многих лет, не опасаясь ветров и бурь, если не требуется идти в плавание. Здесь же строят новые, а старые вытаскивают на сушу и чинят. Это величественное и прекрасное сооружение, предназначенное для строительства кораблей. После первой идет другая внутренняя бухта, со всех сторон окруженная, как я сказал, навесами¹⁰⁵, и ты никогда не найдешь их пустыми, там всегда стоят либо по две триремы, если это обширное помещение, либо по одной, если узкое.

Третья же бухта, не уступающая второй, была добавлена не так давно и окружена прекрасными зданиями. Здесь также построено множество навесов, хотя они еще не полностью завершены, и прилагаются великие усилия, чтобы их закончить. Эти три бухты связаны друг с другом и окружены общей стеной, снабженной несколькими башнями, на которых несут

¹⁰³ Башни были построены во второй половине XV в. и перестроены столетие спустя; к 1460 г. относится соседствующее с ними первое ренессансное сооружение Венеции — пышный портал наземного входа в Арсенал.

¹⁰⁴ Итальянский перевод расширен: "Questo d'ogni intorno i tetti ha certe volte edificate a guisa di lamie coperte di travamenti & di tegole" («Его крыши по кругу снабжены своего рода сводами, как у ламий, покрытыми балками и черепицей»). Ламия — старинный тип деревенского дома из камня в Апулии. Английский текст близок к итальянскому: "Roofed, covered and tyled round about on every side in manner of certain vaults".

¹⁰⁵ Словом «навес» (tectis) Контарини обозначает, возможно, отдельные верфи или доки, которые в Венеции назывались squeri.

ночную стражу часовые, дабы столь замечательное творение не потерпело ущерба от огня, от преступных посягательств или от других случайностей, которые могут произойти. За этими стенами находятся обширнейшие мастерские корабельного снаряжения, где размещены цеха ремесленников, производящих всевозможные снасти и предметы, необходимые для мореплавания. Здесь плавят медь для изготовления пушек и производят много пороха. Короче говоря, на этих верфях (pavali, Arsenal, Arsenall) есть все, что относится к морскому делу. Здесь можно увидеть множество ремесленников, занятых каждый своим делом. Здесь же имеются обширные помещения, в которых хранится много оружия, пушек и снарядов, а также парусов, весел и всевозможных снастей, всякая в своем отделении, чтобы на тот случай, когда Сенат решит построить галеру, все необходимое было наготове. Во главе этого ведомства и этих предприятий стоит магистрат, о котором я собирался сказать и который со всем тщанием управляет делами мореплавания. Он выбирает кузнецов, плотников и медников, а также других мастеров для работ и внимательно следит за тем, как они выполняют свои обязанности. На расходы по кораблестроению этому чиновнику выдаются деньги из казны по решению коллегии и согласно расчетам, представленным сенаторам. Во времена наших предков, которые очень дорожили морским делом, этот пост считался почетным, но в наше время его значение снизилось до почти ничтожного. Поэтому если возникает какая-то важная задача, требующая решения, Сенат назначает для управления морским делом других граждан и уважаемых сенаторов, наделяя их более высокими полномочиями, а магистраты им подчиняются.

В последнюю очередь мы должны рассказать о прокураторах святого Марка, это важнейший орган власти после дожа, члены которого избираются не на определенный срок, а пожизненно. С упомянутой должностью сопряжено неотменяемое сенаторское достоинство и право голоса, равное сенаторскому. Это право у прокураторов выше, чем у всех прочих магистратов, ибо если те имеют предпочтение перед старейшими гражд-

данами только в определенных местах и в определенных комиссиях, то прокураторам везде оказываются одинаковые почести. Где бы они ни заседали, им везде уступают самое почетное место, как если бы они выполняли там свои привычные обязанности. Они должны заботиться о сиротах, которые по возрасту нуждаются в опеке, но которым после смерти родителя опекун не был назначен по завещанию. Прокураторы являются своего рода государственными опекунами от имени республики. Их называют прокураторами святого Марка, и эта должность требует особой надежности и благочестия в жизни, поэтому на нее назначаются те граждане, кои уже занимали почти все государственные посты и известны своей честностью. Занимая эту должность, они, подобно воинам-ветеранам, постоянно участвуют в управлении республикой. В прежние времена не только в Венеции, но и среди прочих наций этот магистрат пользовался таким уважением, что многие чужеземцы, а не только местные жители, назначали в завещаниях этих прокураторов опекунами своих наследников и распорядителями всего хозяйства. Им доверяли много денег для распределения среди бедняков, и в наши дни названный магистрат управляет великими богатствами, которые по усмотрению прокураторов распределяются между бедняками. Изначально этот магистрат был учрежден для того, чтобы имущество граждан, погибших за пределами республики ради ее защиты или расширения либо умерших на чужбине, будучи там по делам торговли, из-за отсутствия завещания не было обманом отнято у их наследников-сирот. Так получилось, что эта забота была поручена государством тем гражданам, чья честность была общеизвестной. Сначала их было трое¹⁰⁶, затем, когда город вырос, к ним прибавились еще трое, и обязанности между ними были распреде-

¹⁰⁶ Прокураторы отвечали за строительство собора Святого Марка, которое продолжалось с IX до конца XV в., и за принадлежащее ему имущество. Сначала был один прокуратор, затем (в 1442 г.) их стало девять, и ответственность между ними распределялась примерно так, как описывает далее Контарини. Кроме этих ординарных прокураторов, в XVI в. периодически назначались экстраординарные, которые покупали свою должность за деньги; вместе с ними общее число доходило до 40.

лены таким образом, что прежние заботились о сиротах, живущих по одну сторону Большого канала, делящего город пополам, а трое других — о тех, чей дом по другую сторону канала; одни отвечают за половину города, вторые — за другую половину. Кроме них, имеется еще три попечителя грандиозного и величественного храма, посвященного божественному евангелисту Марку, под покровительством которого Венецианская республика возрастала добрыми законами и стала целой империей. От этих троих, как благороднейших, имя перешло на всех, и они стали называться прокураторами святого Марка. Об устройстве этого храма, об изобилии мрамора, колонн, о порфире и зеленом кварце, о мозаиках и позолоте, которыми украшены и наборные потолки, и своды, и пол, я решил ничего не говорить, ибо, наверное, нет такого смертного, кто не видел бы его или не слышал о нем. Три упомянутых прокуратора заботятся о ремонте храма, если что-то пошатнется, и о его священниках, а также о том, чтобы в нем возносились благочестивые и величественные мольбы Богу, подобающие достоинству города и славе его патрона (*patroni, Avvocato, patrone & avocate*) — святого Марка Евангелиста.

По моему мнению, эти магистраты необходимы для благой и блаженной жизни более, чем другие. Ибо не следует пренебрегать ни чеканкой монеты, на которой основаны все торговые занятия граждан, ни накоплением хлебных запасов. Также не менее того следует заботиться о добром здравии граждан и о ремонте дорог, мостов и тому подобных сооружений. Это важно для всех городов. Однако попечение о морском деле и о сиротах больше касается Венеции, ибо многие граждане отправляются на чужбину по государственным делам или для торговли, и там заканчиваются их дни. Поэтому и было учреждено государственное ведомство, занимающееся подобными делами, ведь наши предки не хотели упустить ничего из того, что относится к общему благу, как явствует из всего устройства нашей республики¹⁰⁷.

¹⁰⁷ В английском тексте — "countrie".

К Н И Г А П Я Т А Я

Поскольку мы изложили почти весь порядок управления государством и дали обзор всех городских должностей, мне представляется уместным и необходимым сказать о внешнем управлении, которое относится к городам, вошедшим в наше сообщество¹⁰⁸, затем о военных властях (*de militaribus imperiis*) и, наконец, об обязанностях прочих граждан, которые не принадлежат к патрицианскому сословию. После этого можно будет сказать, что задуманный труд благополучно завершен. Крупнейшими городами, вступившими в содружество Венецианского государства (*societas imperii; sotto 'l governo nostro, Citties of the state*), управляют четыре магистрата. Правосудие вершит единственный претор (*podestà, governour*), который разбирает гражданские дела и наказывает преступников. В судопроизводстве этот претор пользуется советами своих помощников, сведущих в праве, и хотя он правит полновластно, кроме него имеется префект, возглавляющий воинов, которые живут в городе или в его округе¹⁰⁹. Они неподсудны претору и

¹⁰⁸ Или: вступившим в союз с нами. "In nostrum venerunt societatem; venute nella nostra società; are under the subiection of the state of Venice". Подчиненные города заключали с республикой договор о признании ее главенства, в котором содержались также статьи, определяющие отношения местных властей с назначаемыми Большим советом ректорами. О разных категориях ректоров идет речь далее.

¹⁰⁹ В конце латинского издания имеются errata, в том числе к данной странице 316. Текст исправления: "praeter hunc est praefectus praetor /hunc est praefectus/", — но, вероятно, оно ошибочное, так как далее речь идет о преторе и префекте

подчиняются только префекту. Префекту поручена также забота о цитадели, стенах и воротах, о сборе налогов и доходов в городе и его окрестностях. Кроме них, имеется один или два квестора (*camerlingo, treasurer*). Эти должностные лица заведуют общественными финансами, затратами и поступлениями, у них находятся государственные счетные книги. Однако они ничего не делают без приказа префекта, иногда обоих — префекта и претора. Такой порядок управления казной разумнее, чем если бы ею заведовал и управлял один человек, ибо тогда было бы легче ее расхищать. Те деньги, которые остаются за вычетом расходов, пересылаются в Венецию, городским квесторам, как и все прочие поступления отовсюду, как мы уже говорили выше. Четвертое должностное лицо во всех городах — это хранитель замка (*custos arcium, Castellano, Lieutenant of the Castles*), коих бывает один или несколько. Хранители замка возглавляют воинов гарнизона и отвечают за вооружение, продовольствие и орудия, помещенные в цитадели для отпора врагам. Однако, заведую цитаделью, хранители подчиняются власти префекта, который наделен всеми правами и полномочиями в этой области. В менее крупных городах и городках префектов нет и всем заправляют преторы. В местечках, заполняющих окрестности более крупных городов, правосудие для жителей вершит тоже один претор, других магистратов там нет. Квесторы и префекты главных городов управляют также и всеми их окрестностями. С обжалованием решений всех преторов можно обращаться к новым аудиторами. Авогадоры также могли опротестовывать смертные приговоры, но так как из-за этого суды затягивались и преступников невозможно было наказывать за их преступления и злодеяния, коллегия децемвиров приняла закон, отнимающий у авогадоров это право оспаривать приговоры, вынесенные преторами с помощью законоведов, которые, как мы сказали выше, их сопровождают. На этом довольно о магистратах,

отдельно. То же в итальянском и английском переводах, где префекту соответствуют *capitano* и *Captain generall*.

Гаспаро Контарини. О магистратах и устройстве Венецианской республики

[RES-PUBLICA]

управляющих Республикой как внутри, так и за ее пределами. Однако следует думать не только о мире, но и о военных временах, ибо кто этим пренебрегает, тот, как сказал Платон в «Политике», не сможет долго оставаться свободным¹¹⁰. Поэтому те, от кого потомки унаследовали правильное устройство республики, прежде всего завещали, чтобы граждане были готовы исполнять и те и другие обязанности, то есть могли успешно вести войну, а в мирное время жили в полном соответствии с отечественными учреждениями и подчинялись законам. Они должны сочетать оба занятия таким образом, чтобы соразмерять военную доблесть и искусство с мирными заботами, как с более важными. Ведь природа вложила в каждую вещь силу стремиться к первому подобающему ей благу и, наоборот, сопротивляться неприятному, а также, насколько возможно, избегать ущерба. Это яснее видно на примере живой природы, которая совершеннее всякой прочей. Каждое животное наделено силой желания, направляющей его к тому, что согласно с его природой. Кроме нее, у каждого имеется сила раздражения, каковую Платон помещает в сердце и предсердиях¹¹¹, и всякое животное, подстрекаемое ею, с отвержением отвергает противное своей природе. Поэтому государственному мужу подобает прислушиваться к побуждениям обеих сил, ростки которых природа заронила в человеческих душах, и умерять их, имея в виду заботы и мирного и военного времени. Эти заботы не были оставлены без внимания нашими предками, как нетрудно убедиться; однако, поскольку го-

¹¹⁰ Ср.: «...те, кто отличается упорядоченностью, всегда готовы жить мирно, занимаясь собственными делами и не вмешиваясь в чужие; таково же и их обращение со всеми своими соотечественниками и с другими городами: они всегда готовы поддерживать с ними мир. Из-за такой чрезмерной любви к покою и досугу они незаметно для самих себя становятся невоинственными и делают такими же своих юношей. Поэтому-то они всегда оказываются слабой стороной, и часто незаметно для себя самих их дети и все их государство за несколько лет попадают в рабство» (Платон. Политика. 307е. Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн).

¹¹¹ Ср.: Диоген Лаэртский. III (Платон), 67: «Душа самодвигается и состоит из трех частей: разумная часть ее (logisticon) имеет седалище в голове, страстная часть (thymoeides) — в сердце, а вождетельная часть (epithymeticon) — при пупе и печени» (пер. М. Л. Гаспарова).

род был изначально заложен на море и на протяжении многих лет отказывался от владений на материке, не будучи в состоянии тратить силы на войны на суше, он целиком посвятил себя морским войнам. Здесь он достиг больших успехов, защищая свою свободу и карая противников; многие великие подвиги венецианцев были занесены в древние истории, много было сказано об их победах над врагами и их флотом, а значит, легко понять, что венецианцы далеко превзошли всех в морском деле. Наконец, спустя немало времени мнение высшего совета склонилось перед просьбами сопредельных народов, которые долго терпели тиранию, каждый — своего царька, и больше не могли оставаться в таком положении, и Сенат обратил свои помыслы к владениям¹¹² на континенте. Тираны были изгнаны со всей территории Венецианской области, граждане которой подчинились новой, а точнее возобновившейся прежней, власти; страна охотно вернулась к прежним насельникам после жестокого угнетения, испытанного побежденными народами от чужеземных тиранов, которые захватили ее в ходе варварского завоевания. При расширении власти Венеции на материк необходимо было вернуть присоединившимся к ней народам хорошие законы и приучить их к мирной жизни, а также к защите свободы, полученной ими. Впрочем, местоположение города Венеции, который был основан посреди лагуны, не позволяет нашим гражданам слишком усердствовать в войнах на суше и надолго отвлекаться на них, ибо это грозит гражданскими раздорами. Ибо те граждане, которые посвятили бы себя военным занятиям, должны были бы большую часть года проводить на континенте, держать там коней и упражняться в схватках на суше, и, чтобы набраться опыта в военном деле, если дома царит мир, они должны участвовать во внешних войнах, закаляя в них душу и тело, дабы обрести славу и принести пользу отечеству; в противном случае не только полководцы, но и солдаты оставались бы бесполезны-

¹¹² “Ad continentis imperium, imperio di terra ferma”, в английском тексте несколько иначе: “sent forces to the mayneland”. Начало завоевания владений на материке относится к первой трети XIV в., наиболее масштабные — к концу XV в.

ми. Такое обыкновение жить на материке и отсутствие в городе, естественно, привели бы к отчуждению этой группы от прочих граждан, и венецианское общество вскоре неизбежно оказалось бы разделенным и втянутым в гражданские войны. Не говорю уже о том, каким высокомерием преисполнились бы умы граждан, если бы они полагались на силу оружия; сколь много было бы у них приверженцев, ибо люди по природе всегда более склонны к дурному. Как нетрудно убедиться по древним памятникам, от этого всегда страдала Римская республика, и немало римских граждан выступали против государственных законов и решений Сената, а Юлий Цезарь стал в конце концов тираном Римской империи. Чтобы этот недуг не укоренился в Венеции, наши предки сочли достаточным поручить защиту материковых владений чужеземным наемным солдатам, а не венецианцам. Жалованье им полагалось выплачивать из налогов отдельных провинций, ибо воины, приглашенные для их защиты, по справедливости должны и жить за их счет. В это войско зачисляли многих союзников из наших владений, и некоторые из них достигли высших военных постов, а за свои подвиги получили венецианское гражданство и титул патриция. В наше время еще гремит имя Бартоломео Коллеони¹¹³ из Бергамо, выдающегося мужа и великого полководца, который участвовал во многих славных войнах, расширил венецианские владения и за это удостоился от республики конной статуи, возведенной на многолюдной городской площади¹¹⁴. Таким образом, граждане Венеции по указанной мной причине не могут претендовать на воинскую славу на суше, оставляя ее чужеземцам. Ведь даже законом было предусмотрено, что никто из венецианских патрициев не

¹¹³ Бартоломео Коллеони (1395–1475) воевал на стороне Венеции, Милана, затем снова оказался на службе Венеции, с 1455 г. — в качестве пожизненного главнокомандующего ее сухопутными войсками (Capitan General di Teraferma).

¹¹⁴ Коллеони умер бездетным и завещал почти все свое огромное имущество республике с условием, что ему будет воздвигнута конная статуя на площади Сан Марко. Поскольку это требование было несовместимо с законами Венеции, статуя работы Андреа Верроккьо (1483) была установлена в 1495 г. на другой центральной площади города, Кампо Сан Дзаниполо.

может командовать более чем двадцатью пятью солдатами. Однако на практике из-за множества войн, выпавших на нашу долю, этот закон стали нарушать. Когда вспыхивает война на материке, некоторых граждан из патрицианского сословия призывают в войско, и, пока идет война, они временно выполняют военные функции. Они являются квесторами (*pagatori, treasurers*), а также легатами, всегда сопровождающими войско, возглавляемое чужеземцем, и последний не может ничего предпринять или приказать без согласия легата. По окончании войны квесторы и легаты возвращаются домой и лишаются своих званий и полномочий. Таков порядок ведения войны на суше у венецианцев. Что касается военно-морского дела, то к нему наш город куда более склонен по природе и венецианцы всегда практиковали его со всем рвением. Ведь основанный на море город не должен был бояться, что сухопутные войска причинят ему вред, и для него было не только неправильно, но и неудобно собирать войско из граждан, переправлять его на материк и донимать соседние народы военными действиями. Но так как существовала реальная угроза с моря и отразить ее было нетрудно, то город обратил все силы на поддержание флота, ввел законы о соответствующем обучении для молодежи и подчинил этому всю свою жизнь. С незапамятных времен установился этот обычай обучать патрициев, которые от младых ногтей и до зрелости находились под руководством наставников и впитывали в меру своих способностей латинскую словесность, а затем почти все они, кроме тех немногих, кто по природной и умственной склонности посвятил себя наукам, занимались морским делом и хозяйством, а иные плавали к дальним берегам, дабы приумножить с помощью торговли свое имущество, и там они знакомились с обычаями и нравами, а также законами других народов. Многие поступали на вооруженные триремы и укрепляли с юных лет свою душу и тело, упражняясь в морском и военном деле, так что венецианцы всегда были в нем первыми. В законе был даже учтен обычай, дошедший до наших дней, на каждой вооруженной триреме содержать по два подростка из патрици-

анского сословия с выплатой им из казны немалого жалования только для того, чтобы они обучались морскому делу, и для облегчения этой задачи им поручались несложные обязанности, выполняя которые они могли двигаться дальше и готовиться к тому, чтобы занять более ответственные должности. На самых крупных триремах, снаряженных для боя и войны или частными лицами для торговли, помещают по восемь юношей из патрициев, которым полагается приличное жалование из государственных или частных средств (если они попадают на торговое судно), дабы они привыкали там к военному и морскому делу. И законом на частных владельцев кораблей ради общественной пользы даже возложены обязанности из своих средств платить жалование одному или, если это большое судно, двум подросткам из патрицианских семей только за то, что они упражняются в морской науке. Упомянутым подросткам также дается право бесплатного провоза на грузовых и частных судах, к которым они приписаны, определенного количества товаров, а если у них таких товаров нет, молодые люди уступают и продают названное право другим. Этот же закон был направлен не только на воспитание молодежи, но и на поддержку бедных граждан, которые испытывают недостаток в средствах. Отсюда нетрудно заключить, что наши предки отнюдь не пренебрегали воспитанием юношества, как полагают некоторые; напротив, при таком множестве трирем, согласно упомянутому закону, более двухсот благородных юношей обучались морскому делу за чужой счет, и, кроме того, по гражданскому обычаю и заветам отечества каждый из подростков патрицианского сословия занимался либо науками, либо морским делом и при этом приносил великую пользу как себе, так и своей семье. Эти старинные законы и подобные учреждения действуют и в наше время, хотя многие юноши из-за тщеславия или любви к роскоши, распространившейся после расширения наших владений, стали пренебрегать ими, а количество граждан настолько умножилось, что вследствие свирепствовавших в наше время войн и ущерба, нанесенного домашним хозяйствам, бедняков появилось

слишком много, чтобы упомянутый закон мог помочь им всем. Ведь природой так устроено, что у людей нет ничего вечного, и даже если поначалу нечто кажется совершенным, через несколько лет оно настолько ухудшается по своей природе, что требует восстановления. Как тело, насытившееся обедом, недолго может оставаться здоровым, если через несколько часов не подкрепитс я ужином, так и всякую вещь, по природе клонящуюся к упадку, нужно поддерживать и подправлять. Такого порядка мы с божьей помощью и будем придерживаться и искать для этого подходящие средства. Так что и в этом отношении наша республика не оставляет желать лучшего, но об этом достаточно.

Теперь нам следует рассмотреть, какие должностные лица возглавляют морское ведомство. На каждой триреме, снаряженной для войны, находится префект (*sopracomite, capitaine*) из патрициев, который имеет здесь полную власть, кроме права выносить смертный приговор, как в сухопутном войске центурион или военный префект (*capit di squadra, captain or a Coronell*), располагающие такими же полномочиями. Этот префект триремы отвечает за моряков и за все, что находится на корабле и относится к его снаряжению. Ежегодно, даже если нет необходимости, венецианцы снаряжают несколько трирем, которые обеспечивают безопасность плавания по морю и укрощают пиратов, дабы добрые мужи, ни для кого не представляющие угрозы, спокойно путешествовали. Кроме начальников трирем, есть легат, командующий всем флотом и всеми префектами трирем. Как и войсковой легат, в отсутствие главнокомандующего он имеет право и казнить того, кого пожелает, и направить флот, куда пожелает. Этот магистрат избирается обычно и в мирное время для командования теми триремами, которые вооружены. Если же положение государства требует снаряжения большого флота, то во главе его ставится главнокомандующий, который имеет широчайшие полномочия как на флоте, так и во всех приморских провинциях, почти такие же, какие когда-то были у диктаторов в Римской республике, за исключением того, что он во всем под-

чиняется власти Сената и указам республики. Однако главнокомандующий имеет право отдавать приказы флоту, префектам, легатам, а также преторам и всем магистратам, облеченным властью на островах и в других морских владениях и выполняющим публичные функции, так что если командующий флотом прибывает в какой-либо город, ему навстречу тотчас же выходит духовенство, ему выносят ключи от ворот и замков, полномочия преторов прекращаются, и на решения всех магистратов можно подавать жалобы главнокомандующему. Если он пожелает, то может даже сам вершить правосудие, сам распоряжаться государственной казной, и вообще только он располагает всей полнотой власти. У венецианцев нет должностных лиц выше этого, почему и назначается командующий флотом довольно редко. Ведь было бы безрассудно ставить все в зависимость от одного гражданина, доверяя ему столь великую власть, если того не требует необходимость. Здесь нам следует упомянуть о законе, запрещающем главнокомандующему, легатам и префектам флота вступать вместе с вооруженными триремами на территорию города Венеции, даже когда эти лица возвращаются на родину. Как только они достигают провинции Истрия, которая отстоит от города примерно на сто тысяч шагов, то обязаны по закону выплатить жалование матросам и распустить их, а затем с помощью небольшой команды привести триремы в Венецию и поставить на прикол под специально построенными навесами, где они хранятся, не испытывая угрозы от ветров и дождей. Сегодня этот закон соблюдается не так строго, как во времена наших отцов. Мы рассказали почти обо всех магистратах, во главе которых наши предки в качестве своего рода венца поставили тех, кого на народном языке называют заимствованным у греков словом «синдики». Мы дадим им звание ревизоров (*recognitores, riveditori, reviditors*), имя, быть может, новое, однако очень подходящее для объяснения того, чем они занимаются. Ревизоры назначаются раз в четыре или пять лет для проверки деятельности всех преторов и тех, кто располагает властными полномочиями вне Венеции, как на побережье

материка, так и в морских владениях и на островах. Эти ревизоры пользуются при проверках примерно такими же правами, что и авогадоры. Ибо, как мудро говорит Аристотель, обладающие властью, если они не зависят от других, со временем хуже исполняют свои обязанности вследствие присущей всем от рождения порочности.

Итак, мы описали все должности патрицианского сословия, которые относятся к управлению Венецианской республикой внутри и вне города. Теперь остается рассказать о том, каким образом наши мудрейшие предки всегда удерживали плебс и все население в повиновении, и, что превосходит всякое вероятие, как на протяжении стольких лет народ ¹¹⁵, лишенный участия в государственном управлении, ни разу не осудил власть патрициев и не высказал своего недовольства и никто ни разу не восстал, чтобы изменить режим и получить свою долю власти, а напротив, благоволение и послушание знатым только возрастали. Ибо если обратить внимание не только на удобство расположения для защиты государства, но и на нашу умеренность в делах правления, то можно увидеть, что народ не был полностью отстранен от них, он имел доступ к тем должностям, которые могли быть ему доверены без ущерба общему делу. Благодаря этому нетрудно понять, что в нашей республике была заложена такая соразмерность, которой никогда не было ни у древних, ни у других новых народов. И по указанной причине у них часто вспыхивали народные бунты, губительные для всех республик. В нашем же городе, напротив, вследствие такого устройства ни разу не было народного мятежа или заговора. Притом, как я уже сказал в первой части своего труда, ради правильного устройства республики следовало отстранить народ от дел правления. Наши предки в этом не только последовали мнению и советам первейших философов, но и подражали древнему законодателю египтян Сезострису, который, как утверждает в «Полити-

¹¹⁵ Далее Контарини говорит о «народе» как о гражданах (cittadini) Венеции, которые не имели права заседать в Большом совете, но обладали рядом полномочий в зависимости от категории.

ке» Аристотель¹¹⁶, отделил по роду занятий тех, кто защищает страну с оружием в руках и кто радеет об общественном благе и заседает в суде, от земледельцев и тех, кто занимается физическим трудом, а также оказывает услуги по найму. Однако подобное устройство легко могло погубить государство, не будь избрана такая пропорция, которую применили наши предки — мудрейшие люди. Прежде всего, у венецианцев строго соблюдалось правило, чтобы все были равными перед законом и никто не мог безнаказанно нанести обиду другому, будь он даже выходцем из последних плебеев, а для патрициев всегда считалось святотатством и величайшим преступлением оскорбить плебея. Если же кто-то дерзал свершить нечто подобное, тому не дано было оставаться безнаказанным, и он наказывался тем строже, чем выше были его достоинство и звание. Кроме того, Сенат проявляет великую заботу как о хлебных запасах, так и о наличии всех прочих предметов, важных для пропитания граждан и для безопасного существования народа, и время от времени производит большие затраты из казны, чтобы город не страдал от нехватки продуктов. Это вполне явствует из того, что мы говорили выше относительно префектов, ответственных за хлебные запасы и за гигиену в городе. Народы же ожидают от городских правителей преимущественно двух вышеназванных вещей, а именно изобилия продуктов, обеспечивающего безбедную жизнь, и защиты от несправедливостей со стороны более влиятельных граждан; и если в этом они уверены, то спокойно занимаются своими делами. В двух указанных вопросах наши предки ничего не упустили и предусмотрели еще сверх того много удивительных вещей для блага народа и тех его представителей, которые занимаются или занимались достойными и полезными для республики делами, но вследствие возраста или по состоянию здоровья были вынуждены прекратить эти занятия. Ибо в Венеции построено множество домов, вполне пригодных для проживания, где пожилые люди могут бесплатно находиться

¹¹⁶ Аристотель. Политика. 1329b.

со своими домохозяевами до конца своих дней, не нанося ущерба семейному имуществу. Прибавь к этому, что в огромной гавани (Arsenale, Arsenall), подобной крепости¹¹⁷, превеликое множество людей получает жалование, но ничего не делает вследствие старости или приключившейся с ними болезни, при условии что в цветущем возрасте они трудились на пользу республике, участвуя в строительстве трирем или чем-то подобном¹¹⁸. Кроме того, по старинному обычаю, при заключении сделок купли-продажи ценных товаров обе стороны, то есть продавец и покупатель, выплачивают некую долю от общей суммы, которая предназначается для бедных моряков, проводивших всю жизнь на море, но утративших способность работать дальше.

Впрочем, кроме этих превосходных установлений, предназначенных для удержания плебса в подчинении, мы назовем некоторые другие законы, которые, по моему мнению, были очень мудро составлены нашими предками, дабы утолить честолюбие и жажду славы людей из народа в соответствии с их положением, ибо эти чувства укоренены природой в душе каждого, но вместе с тем власть знати никак не ущемляется. Весь народ делится на две части. Одна из них принадлежит к более достойному роду, другая же — к низшему плебсу, который составляют ремесленники и тот вид людей, который был причислен Аристотелем в «Политике» к публичным рабам¹¹⁹. На мой взгляд, справедливо и правильно позаботиться и о тех, и о других. Ибо плебеи, которые по своей природе мало думают о почестях, а больше заняты стяжанием имущества, имеют соб-

¹¹⁷ “vicem oppidi obtinet”; в итальянском и английском вариантах несколько иначе: «который сам как другой город»: “il quale è come una altra terra; which is so ample and large, that it representeth the shew of another towne”.

¹¹⁸ Работники Арсенала (arsenalotti) пользовались многочисленными привилегиями, в частности охраняли Большой совет во время заседаний. Они получали пожизненное жалование от государства и передавали свой статус по наследству.

¹¹⁹ См., например: *Аристотель*. Политика. 1267b. Более привилегированной была категория венецианских граждан *cives de intus et de extra*, которые могли занимать должности секретарей, нотариусов и служить во флоте. Ремесленники и наемные работники относились к категории *cives de intus tantum*, то есть не считались гражданами Венеции за ее пределами.

ственные права и собственные награды. Они делятся на роды в зависимости от своих профессий, и каждый род имеет особые правила, по которым они вершат свои дела. Во главе каждого рода стоят некоторые избираемые из их числа общим голосованием лица, которых по справедливости можно назвать префектами цехов (*capì degli artificì, maisters of company*). Они назначают штрафы и разбирают некоторые малозначительные тяжбы. Поэтому почти все ремесленники, получая доступ к такой должности, испытывают великое довольство и считают, что достигли больших почестей, потому что сотоварищи из народного сословия сочли их достойными этого звания. Кроме того, у каждого рода плебеев есть и низшие должности, но также уважаемые. Таким образом, удовлетворяется жажда почестей, которая с рождения присуща даже плебеем и выходцам из последней черни. Представители другой, более достойной категории народа занимают в Венеции и более достойное место, и для них учреждены некие особые и специальные должности, а также почетные награды, коих лишены члены патрицианского сословия, не имеющие к ним никакого доступа. Этих должностей много, так что им не нужно завидовать патрициям ни в отношении вознаграждения, ни уважения к их званиям. Почетом пользуется профессия секретарей, которые помогают всем магистратам. Эта должность доступна только для выходцев из плебса, но не для патрициев, и, хотя ее нельзя назвать заметной, она достаточно почетна, ведь благодаря их тщанию и добросовестности ведутся общественные книги и записи, в которые заносятся все частные и государственные дела (*res omnis privata et publica*). Тот, кто удостоивается этого звания и этой должности, по справедливости считается честным и прилежным мужем и пользуется немалым уважением среди людей. Для секретарей установлено такое жалование, что они могут не только сохранить свое имущество, но и преумножить его. Секретари Сената набираются только из народа и никогда из патрициев. Этот род более уважаем, чем предыдущий, потому на такие должности назначаются выходцы из народа более благородного происхождения. Они получают немалую плату

из государственной казны, и ни одно решение Сената не остается тайной для секретарей, ведь они всегда присутствуют на заседаниях коллегии и Сената, почему и пользуются всеобщим уважением. Из них выбирают несколько человек, которые служат у децемвиров и заносят их акты в книги, поэтому секретари знают обо всем, что делается в коллегии. Эту должность они занимают пожизненно, в отличие от патрициев, которые выполняют свои обязанности временно, кроме прокураторов. Из секретарей Сената один, именуемый канцлером Венеции, является главным (*Gran Cancelliero, Chancellor*) и пользуется наивысшим почетом¹²⁰. Любой патриций, кроме прокураторов, уступает ему место. В республике для него нет тайн, он получает большие доходы из государственных средств, а по скончании дней удостоивается траурной речи, чего в Венеции не дано никому, кроме дожа и некоторых граждан, которые, как говорится, неподвластны судьбе¹²¹, как будто канцлер представляет перед дожем народ. Только канцлера избирают на заседании Большого совета. Все прочие секретари избираются децемвирами и подлежат их суду в том случае, если в чем-то погрешат против своих обязанностей. Кроме того, все категории популяров, такие как объединения ремесленников и префекты отдельных цехов, а также некоторые другие, о коих мы расскажем ниже, подчиняются децемвирам и подсудны им; они учреждались властью этой коллегии, были созданы ею и зависят от нее. Данное решение было очень мудрым, ибо этот магистрат должен следить, чтобы упомянутые объединения, учрежденные ради общественного блага, под видом исполнения долга не потрясли республику, ведь он изначально был создан для противодействия указанной болезни, то есть для предотвращения преступных заговоров граждан, угрожающих государству. Кроме того, в Венеции имеется пять религиозных обществ¹²²

¹²⁰ Должность главного канцлера была учреждена в 1268 г. в связи с волнениями в народе, вызванными введением налога на хлеб.

¹²¹ "extra aleam, fuor del gioco, of extraordinarie deserte".

¹²² Речь идет о Больших школах (*Scuole grandi*) — светских братствах, организовывавшихся начиная с XIII в. в целях благотворительности и взаимопомощи. В мо-

(societates, schole, fellowshipes & societies), учрежденных под патронатом разных святых, куда входит множество людей плебейского и патрицианского звания. Одевания этих обществ отличаются своими знаками, но их носят не всегда и не везде, а только тогда, когда их члены собираются вместе, или чтобы кого-то похоронить, или для священных обрядов. В установленные праздничные дни почти все жители сходятся в своих обществах, и там сначала служат обедню, затем посещают храмы бессмертных богов и торжественно возносят мольбы Господу. Каждое из этих обществ имеет свое здание с обширным атриумом, где его члены собираются в определенные дни для религиозных церемоний¹²³. Иногда они отправляют священные таинства, иногда вместе посещают храм какого-то святого, но чаще устраивают похоронные обряды своих братьев, когда кто-то из них скончается, и при этом все остальные замаливают его грехи, священнодействуя и обращая многочисленные молитвы к Богу. Кроме этих больших залов, у обществ есть отдельные помещения для конклавов, на которые их созывают префекты. Префекты избираются на один год и пользуются большим уважением среди плебеев. На собраниях они обсуждают свои дела и прилагают все усилия к тому, чтобы их общества процветали. Им доверяют большие деньги для раздачи бедным, ибо в прежние времена эти общества внушали столь огромное доверие, что многие люди, оставляя по завещанию имущество для бедняков, избирали в душеприказчики именно префектов, чтобы они распределяли эти деньги. В результате сумма богатств, ежегодно затрачивавшихся на указанные нужды упомянутыми обществами, не уступала таковой; поступавшей прокураторам святого Марка, а эта магистратура является крупнейшей в патрицианском сословии. К упомянутому званию, сиречь на-

мент написания трактата это были Скуола делла Карита, Скуола Сан Марко, Скуола Сан Джованни Эвангелиста, Скуола делла Мизерикордия, Скуола Сан Рокко. Существовали также малые школы (более 200), организации цехового типа, куда патрициям доступ был закрыт; иногда их создавали землячества приезжих.

¹²³ Здания, принадлежавшие Большим школам, украшались очень пышно, благодаря чему до нас дошло много картин лучших венецианских живописцев: Беллини, Карпаччо, Тинторетто, Тициана, Веронезе и др.

чальствованию в названных обществах, для мужей-патрициев нет доступа, будь они даже из числа братьев, на него могут претендовать только плебеи, и в этом отношении они также сравниваются со знатью. Те же префекты обществ некоторым образом исполняют в народе должность прокураторов. Впрочем, дабы они и их общества не могли причинить никакого беспокойства государству, власть над ними осуществляют децемвиры, так что те не могут затеять каких-либо перемен или собираться помимо установленных дат, без согласия и разрешения последних.

Такого рода почетные звания учреждены в нашей республике для мужей-плебеев обоего рода, дабы не лишать их совершенно публичных полномочий и гражданских должностей и они могли таким образом удовлетворить свое тщеславие и самолюбие, а также не питали зависти к нобильскому сословию и не покушались на него. Благодаря такому благоразумному устройству наша республика достигла того, чего не достигала ни одна из прежних, даже самых замечательных. А именно, с самого начала и до наших дней, на протяжении тысячи двухсот лет¹²⁴, она пребывала в безопасности, не испытывая не только посягательств внешних врагов, но и сколь-либо значительных гражданских распрей. Это было достигнуто не силой вооруженных пособников и не благодаря высоким стенам, а с помощью справедливого и умеренного способа управления, при котором народ охотно подчиняется знати и не стремится к каким-либо переменам, а, напротив, скорее питает к нобилиям большую привязанность. В этом можно легко убедиться и сегодня. Ибо, когда все христианские государи замыслили погубить и уничтожить венецианцев, наше войско было разбито в тяжелом сражении при местечке Кассано¹²⁵ близ Кремоны французским королем Людовиком, и с разных сторон угрожали то немцы, то римский папа Юлий, а почти все прибрежные владения на континенте перестали подчи-

¹²⁴ Выше речь шла о 1100 годах, см. примеч. 6. В издании 1543 г. текст идентичен.

¹²⁵ Речь идет о поражении при Аньяделло (см. выше примеч. 95).

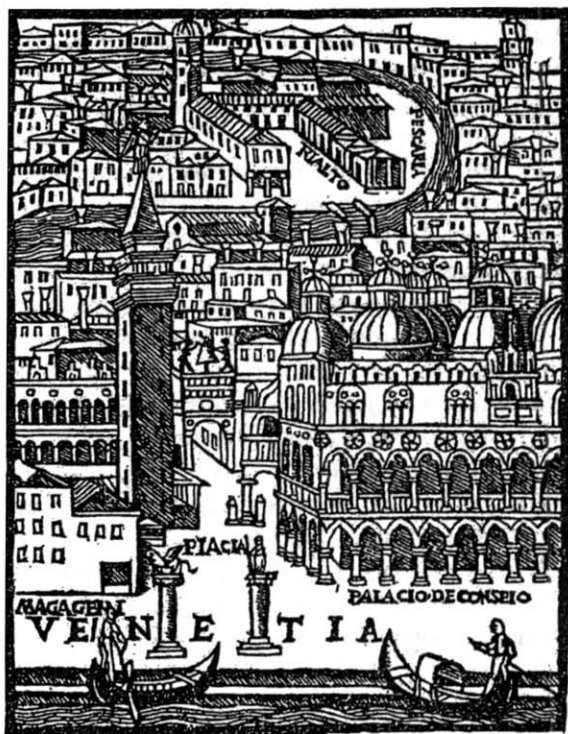
няться власти Венеции, ее народ, взволнованный таким чрезвычайным положением, нисколько не ополчился на знать, но как один человек, предложил помощь в защите республики и был готов пожертвовать для этого свое имущество. Ведь город Падуя, жители коего были весьма к нам расположены, был без труда возвращен, а когда император Максимилиан, собрав огромное войско с помощью союзников, осадил город, многие люди, не только из патрициев, но и из плебеев, добровольно отправились вместе с воинами, нанятыми за их счет, на защиту Падуи и там храбро сражались, так что император был вынужден увести войско, не предприняв штурма¹²⁶. Столь же легко были освобождены и некоторые другие города, жители которых с превеликой радостью вернулись под власть Венеции, как моряки возвращаются в надежную гавань. Несомненно, добровольное подчинение является вернейшим доказательством справедливости власти. И для этого были основания, как нетрудно убедиться, если хорошенько вникнуть. Ибо каждый город, вступивший в союз с Венецией, сохранил местные законы; жители всех этих городов наделены всевозможными почестями, и многочисленные крепости в пригородах отданы под командование выходцев из местного населения. Кроме того, когда преторы городов, сами по себе выдающиеся люди, занимаются там судоговорением, с ними заседают опытные правоведы, с которыми те советуются, прежде чем вынести какое-либо решение. Положение этих юристов весьма почетно, и они получают большое вознаграждение. Венецианские патриции не могут занимать эти должности, на которые избираются либо выходцы из народа Венеции, либо, в большинстве случаев, из союзных городов. Каждый без труда поймет, что в нашей республике соблюдается та же умеренность, которая присуща природе и подражает ее законам. Ведь в теле животного способностью видеть и наблюдать обладают только глаза, а про-

¹²⁶ Падуя была занята имперскими войсками 5 июня 1509 г., а 17 июля венецианцы разгромили немецкий гарнизон и вернули себе город. Армия императора Максимилиана осадил Падую 15 сентября, но после нескольких неудачных попыток штурма 30 сентября осада была снята.

чие, менее благородные обязанности выполняют остальные члены, лишённые зрения, но подчиняющиеся и беспрекословно выполняющие¹²⁷ то, что сообщено глазами. Они двигаются лишь туда, куда указывают глаза, и благодаря этому все тело существует и сохраняется. Подобным же образом в Венецианской республике высшее управление поручено патрицианскому сословию, как своего рода городским очам, а менее благородные дела — выходцам из народа, благодаря чему венецианцы живут счастливо, подобно хорошо сложенному телу, ибо глаза заботятся не только о себе, но и обо всех членах, а прочие части города не только соотносятся с собственной пользой, но и охотно повинуются глазам, как главному органу государства. Если же в какой-то республике граждан охватит некий род безумия, а это нередко случается, и народ пожелает зреть самостоятельно, узурпируя обязанности глаз, то такая республика неизбежно должна вкратце разрушиться. А если граждане из числа патрициев станут заботиться только о себе, пренебрегая прочими частями города, то народ возмутится и ничего хорошего для республики из этого не выйдет. В подражание природе наши предки позаботились и о том, и о другом и соблюли такую гармонию, что даже завистник не смог бы осудить столь правильное и законопослушное устройство, и будем молить всемогущего Бога о его сохранении на многие годы. Ибо если верно, что людей наделяет какими-то благами бессмертный Бог, то в высшей степени очевидно, что Венеции это устройство даровано свыше.

¹²⁷ “pareant nec aliquo pacto obaudiant... oculis”. Буквальный смысл: «не выполняющие». Возможно, Контарини использует повторное отрицание в качестве утверждения, как в итальянском языке.

Эдвард Мюир ВЕНЕЦИАНСКИЙ МИФ

С М Ы С Л   М И Ф А

В венецианском мифе эпохи Возрождения, подлинном творении общественного гения, местный патриотизм, провинциальная гордость и идеал гражданской жизни (*vita civile*) слились воедино в своеобразном культе республиканского народовластия. В этом отношении венецианцы предвосхитили Руссо, утверждавшего в «Общественном договоре», что власть, желающая просуществовать долго, должна помнить не только о человеческих интересах, но и о слепых страстях. Венеция просуществовала в качестве республики гораздо дольше, чем ее соседи, и заслужила репутацию государства, в котором интересы и страсти граждан мистически привязаны к системе управления. До наполеоновского завоевания в 1797 г. Венеция на протяжении почти тысячи лет была независимой, а в последние пятьсот лет сохраняла республиканское устройство под властью потомственных патрициев, составлявших местную знать. В период независимости венецианский патрициат создал столь устойчивые, совершенные и внешне справедливые социально-политические учреждения, что возникающие во всяком обществе трения, казалось, чужды Венеции, где своекорыстные интересы подчинены общему благу. Для ее историков с незапамятных времен главной задачей было отделить это внешнее впечатление от реальности и за фасадом пропаганды и мифологии обнаружить подлинное социальное и политическое устройство города.

Венецианский миф

[RES-PUBLICA]

Я. Буркхардт нарисовал классический, хотя кое в чем вводящий в заблуждение портрет Венеции. Противопоставляя кипящей жизнью и творческим духом Флоренции застойную атмосферу и традиционализм Венеции, он представлял последнюю как удивительный и таинственный организм, которому чужды яростные раздоры политических партий, в котором проявляется необыкновенная забота о нуждающихся гражданах и существует взаимопонимание между правителями и подданными. Буркхардт связывал политические успехи Венеции не столько с ее государственными институтами, сколько с добродетелью, которой они требовали от граждан. «Ни одно государство не добилося большего морального влияния на своих подданных, которые испытывали его как дома, так и за границей»¹. В известном смысле Буркхардт поддался влиянию ренессансной риторики, чаще расточавшей Венеции сентиментальные хвалы, чем отражавшей действительное положение вещей.

Сегодня многие разглагольствования венецианцев и их поклонников звучат чересчур эгоцентрично, слишком сладкогласно, чтобы принять их за правду; однако эти слова проливают свет на венецианскую точку зрения, на *Weltanschauung* (мировоззрение) народа, чьи гражданские учреждения оказали огромное влияние на воображение других европейцев и стали образцом для подражания. Венецианцы очень любили писать о себе, расточая похвалы своему городу и его устройству. И, как часто бывает, когда речь идет о патриотизме, недавние граждане, натурализовавшиеся иностранцы, даже жители присоединенных областей не менее охотно рассуждали о любви к отечеству, чем представители родовой знати; то, что для местного жителя было чем-то привычным, пришелец воспринимал как откровение. Во Флоренции, другом городе, столь же прославленном патриотизмом населения, идеал гражданской жизни формулирует выходец из Аретцо Леонар-

¹ *Burckhardt J. The Civilization of the Renaissance in Italy / Transl. by S. G. C. Middlemore. New York, 1958. P. 89.* Буркхардт пишет о Венеции р. 82–95.

до Бруни, а феррарец Савонарола превращает патриотический миф в перспективу тысячелетнего царства². Венеция также пользовалась услугами чужеземцев (*stranieri*).

В эпоху Ренессанса восхваления Венеции неизменно начинались с восхищения несравненной красотой и очарованием города, в буквальном смысле выросшего среди морских волн. В примечательной речи, обращенной к дожу Франческо Донà (1545–1553), эмиссар из Фриули Корнелио Франджипане превозносил Венецию как необыкновенно красивый, изумительный, мирный, безопасный и богатый город; в другом своем высказывании он прибавил, что после рая Венеция — лучшее место на свете³. Посол города Беллуно Паоло Новелло, обращаясь с речью к дожу, мастерски применил образ семи античных чудес света в описании качеств Венеции, уподобив

² *Baron H. The Crisis of the Early Italian Renaissance: Civic Humanism and Republican Liberty in an Age of Classicism and Tyranny. New edition. Princeton, N.J., 1966; Weinstein D. Savonarola and Florence: Prophecy and Patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970.*

³ “In somma è tale, che non è cittade al mondo più bella da vedere, ne più meravigliosa da contemplare, ne più sicura da habitare, ne più commoda da riposare, ne verso di se più ricca, più magnifica, più divina. O Vinetia ricetta di libertà, tempio di religione, vero albero di pace & di tranquillitate. O illustre domicilio di gloria, o dignissima sede d'Imperio, o grande, antica, & veneranda cittade, madre di tanti Heroi, sii felice, sii beata, sii eternamente regnante” («В общем она такова, что в мире нет более прекрасного на вид, более удивительного для ума, более безопасного для жизни, более приятного для времяпровождения, более богатого, великолепного и божественного города. О, Венеция, обиталище свободы, храм благочестия, истинный столп мира и покоя. О, прекрасный дом славы, достойнейший престол Империи, великий, древний и почитаемый город, мать стольких героев, будь счастлива, блаженна, властвуй вечно»). Эта речь была напечатана в издании: *Sansovino F. Delle orationi recitate a principi di Veneti nella loro creatione da gli ambasciatori di diverse città libro primo. Nelle quali con grandissimo utile de' lettori si vede la forza dell'eloquenza di molti huomini illustri in una materia sola. In Venetia: Francesco Sansovino, 1562 (Venetiis, apud Franciscum Sansouinum). Fol. 6r. Вторая цитата заимствована из кн.: Frangipane C. In laude di Venezia / Ed. con introd. di E. A. Cicogna. Venezia, 1850. P. 16. Ср. анонимную работу: *Fantasia composta in laude de Veniesia, Venezia, 1582* в библиотеке Марчана, Венеция (далее — BMV), misc. 2619/11. Громкие победы обычно сопровождались потоком публикаций такого рода. В Библиотеке Марчана я насчитал более ста названий панегириков, *canzone*, *gime* и описаний сражения или победных торжеств, изданных сразу после разгрома венецианцами турок при Лепанто в 1571 г. Беглый просмотр показал, что обычно они обыгрывают традиционные консервативно-патриотические сюжеты, выражающие радость по поводу великого события.*

этим чудесам, в частности, ее открытость морским просторам (метафора политической свободы), защитный барьер, создаваемый островом Лидо, и ее физическую привязанность к воде. Эти чудесные свойства в речи Новелло превратились в традиционные символы венецианской историко-политической традиции, указывающие на то, что судьба города предопределялась его естеством⁴. Природная красота Венеции, которая всегда была предметом гордости ее граждан, подчеркивалась великолепной архитектурой, впечатляющими общественными зданиями и обширностью площади Сан Марко. Как и в других итальянских городах, венецианские постройки часто были выражением местного патриотизма. Превознесение Венеции за ее живописный вид в искусстве и риторике, как и сравнение города с пенорожденной Венерой в иконографии XVI в., стало неотъемлемой чертой бесчисленных панегириков венецианцев своей родине. Многие культурные представления Ренессанса, особенно увлечение гуманистов риторическими гиперболами и убежденность платоников в том, что прелестная внешность выражает присущую душе добродетель, побуждали к наслаждению прекрасными видами; поэтому для многих ренессансных умов великолепный городской пейзаж сам по себе служил доказательством упорядоченного социально-политического устройства⁵.

Сходным образом внешние проявления богопочитания в Венеции позволяли ее поклонникам говорить об исключительном благочестии венецианцев. Город не только дал приют мощам евангелиста Марка, но и прославился своими многочисленными церквями, покровительством монашеским орденам, благотворительностью, неустанной борьбой с нечестивыми турками и религиозными процессиями⁶. Разумеется, в рамках католической догмы подобные деяния повсеместно

⁴ Речь Новелло была опубликована Сансовино: *Sansovino F. Delle orationi recitate a principi...* Fols. 31v–32r.

⁵ *Muir E. Images of Power: Art and Pageantry in Renaissance Venice // American Historical Review.* 1979. Vol. 84. P. 16–52.

⁶ *Cornelio Frangipane // Sansovino. Delle orationi recitate a principi...* Fol. 6r.

рассматривались как средство достижения вечного спасения, но, с точки зрения патриотичных венецианцев, столь выдающееся благочестие служило доказательством богоизбранности Венеции, особо дарованной ей благодати. По словам венецианского гуманиста Джованни Кальдьеры, республиканские доблести являются следствием кардинальных христианских добродетелей — Веры, Надежды, Любви; таким образом, верноподданность государству выражала покорность воле Божьей⁷. Следовательно, для венецианцев патриотизм был равнозначен благочестию. Их представление о себе как об избранном народе постоянно проявлялось в привязанности к известным священным институтам, таким как государственная церковь, воплощением которой является собор Святого Марка, и сама республика, но очень редко в хилиастических построениях, обуявших Флоренцию во времена Савонаролы и охватывавших многие другие города в эпохи политических конфликтов и социальных потрясений⁸. Вера в богоизбранность Венеции и привязанность к историческим учреждениям республики позволяли венецианцам противостоять мощнейшим импульсам к обновлению, в том числе соблазнам восторженного миллениаризма, распространившегося в других частях Италии в конце XV—XVI вв. Зато жители Венеции тщательно хранили свои социальные традиции и миф о своей особой роли в божественном замысле, что позволяло им видеть за ходом событий нечто большее. Таким образом, главным вкладом Венеции в копилку европейской политической мысли была консервативная модель долговечных учреждений, основанная на так называемом божественном порядке.

Давая высокую оценку красоте Венеции и благочестию ее граждан, то есть свойствам, обусловленным непосредствен-

⁷ King M. L. *Personal, Domestic, and Republican Values in the Moral Philosophy of Giovanni Caldera* // *Renaissance Quarterly*. 1975. Vol. 28. P. 559–565. (В специальной литературе три названные добродетели чаще именуются теологическими, в отличие от четырех собственно «кардинальных». — *Примеч. пер.*)

⁸ *Weinstein D. Savonarola and Florence...; Cohn N. The Pursuit of the Millennium*. 2nd ed. New York: Harper & Row, 1961; *Barkun M. Disaster and the Millennium*. Syracuse; New York: Syracuse University Press, 1986.

но географическим положением города и чисто внешними проявлениями коммунизма, поклонники Венеции восхищались присущей ей свободой, безмятежностью и республиканской формой правления. Для венецианцев свобода означала не личную автономию, а политическую независимость от других держав. Согласно Франджипане, венецианцы никогда никому не подчинялись, будучи по природе повелителями других (“*però che soli per natura signoreggiano*”)⁹. Наиболее ярким выражением исторической привязанности Венеции к свободе является трактат Шипионе Ферамески о дипломатическом превосходстве Венеции над имперскими курфюрстами, относящийся к 1640 г. В нем Ферамеска называет Венецию единственной изначально свободной республикой, сравнивая ее с Афинами, Спартой, Римом, Флоренцией, Луккой, Генуей и прочими, не названными им. Далее он утверждал, что независимость Венеции была признана многими папами и императорами и что ее свобода и могущество поддерживаются благодаря доблести (*virtù*) ее правителей, ее правам (*ragioni*), законам и обычаям (*consuetudine*)¹⁰. Следовательно, венецианская свобода была идеологическим наследием, даром судьбы, который венецианцы сумели оценить и сохранить, и политическим фактом, поневоле признанным двумя главными претендентами на верховное владычество — папой и императором.

Как пытались доказать защитники Венеции, ее свобода сочеталась с внутренним миром и уважением к территории соседей, несовместимым с милитаризмом и агрессией. Однако ве-

⁹ *Sansovino F. Delle orationi recitate a principi... Fol. 5v. Cp.: Frangipane C. In laude di Venezia. P. 12.*

¹⁰ “Sola questa Serenissima Republica già naque libera ne altro simil' esempio di libertà cred'io, che può addirsi, se non quella Libertà, che naque all'ora, che naque il Mondo”. («Одна эта сиятельная республика родилась свободной, и я полагаю, что другого подобного примера невозможно привести, ибо ее свобода столь же стара, как и сам этот мир») (*Feramesca S. Discorso delle ragioni della Serenissima Republica sopra gl'Elettori dall'Imperio in materia di precedenza // Discorsi di precedenza officii e feste, 1597–1794. Biblioteca Marciana (BMV), MS Italiano VII, 1743 (7802)*). Цитата находится на fol.2v. См. также: fols. 8v–17v. Другая копия этой рукописи находится в библиотеке Музея Коррер в Венеции (далее МСВ), MS P.D.701 с/п (п.9). Сочинение датируется 1640 г.

нецианцы гордились своими внешними приобретениями, полученными, безусловно, военным путем. Английский путешественник Уильям Литгоу, побывавший в Венеции XVI в., разрешил это противоречие, отметив: «На всем протяжении своей истории венецианцы были великими воителями; теперь они больше нацелены на сохранение, чем на расширение своих владений, и используют для этого чаще подарки и деньги, чем силу оружия, так что утраченное на войне они возвращают себе путем переговоров»¹¹. Венецианцы относились к этой приписываемой им практике подкупа с меньшим цинизмом, они утверждали, что унаследовали от предков мягкость в международных делах¹². Они противопоставляли свой опыт практике римлян, которые были великими, доблестными и победоносными воинами, но страдали от внутренних беспорядков и политической нестабильности, вызванной их зависимостью от всемогущих армий. Венецианцы отдавали предпочтение филигранным переговорам, благоразумию и умеренности¹³. Они часто подчеркивали, что все, живущие в Венеции, избавлены от ужасов войны, от сопряженных с ней душевных страданий, страха и материальных потерь; лавки и дома защищены от гра-

¹¹ *Lithgow W. The Totall Discourse of the Rare Adventures, and Painfull Peregrinations of Long Nineteene Yeares Travayles, from Scotland, to the Most Famous Kingdomes in Europe, Asia, and Affrica. London, 1632. P. 39–40.*

¹² *Cornelio Frangipane // Sansovino. Delle orationi recitate a principi... Fol. 7v.*

¹³ “Né men vittoriosa questa ben ordinata Republica la quale usando il valore, ove è bisogno di forza, l'intelletto & prudentia, ove è necessario il consiglio, è ridotta a tanta altezza, che non ritrova inimico, in tanto ardor di guerre, non è chi ardisca di offenderla, nel colmo de gli odii è da tutti amata & riverita, talmente che si puo dir con verità nel grembo suo riposarsi & la guerra & la pace non teme la guerra, non la desidera, non provoca, non è provocata, quello procede da animo temperato, questo dalla fortezza, & gagliardezza sua”. («Столь же победоносна эта правильно устроенная республика, которая проявляет доблесть там, где нужно действовать силой, ум и благоразумие там, где следует принять решение, и благодаря этому так возвысилась, что в пылу жестоких войн не находится врага, каковой дерзнул бы посягнуть на нее, и в атмосфере ненависти всеми она любима и уважаема. По справедливости можно сказать, что в ее лоне почивают и война и мир, она не страшится войны, не желает ее, не торопит и не хочет, чтобы ее подталкивали к войне, и если последнее вытекает из ее умеренности, то первое — из ее силы и отваги») (речь Пьетро Годи: *ibid.* Fol. 27r-v). Напротив Литгоу (*Lithgow W. The Total Discourse... P. 41*) изображает венецианцев наследниками римлян.

бежей мародеров и от сборщиков налогов, а отсутствие партий гарантирует республике отсутствие измены. Как гласила поговорка: “Non est vivere extra Venetiis”¹⁴. Древние венецианцы, по мнению одного автора, даже приняли такую манеру одеваться, которая настраивала на скромное, серьезное и миролюбивое поведение; если одежда делает человека, то длинные штаны сделали венецианцев пацифистами¹⁵. Благодаря такой репутации, заслуженной или нет, Венеция стала Светлейшей республикой (La Serenissima).

Довольно амбициозные претензии Венеции на миролюбие и светлую безмятежность были, однако, всего лишь декларацией в сравнении с фундаментальными политическими институтами республики. Управляемая наследственной кастой, состоящей из двух с половиной тысяч нобилей, Венеция стала самым знаменитым живым примером преимуществ правления думающего меньшинства в Европе раннего Нового времени. Восхищение Венецианской республикой в основном выражалось в одной из двух форм — в восхвалении мудрости, воплощенной в венецианских политических институтах, или в беззаветном служении обществу, которое стало идеалом патрицианского правления. Административный аппарат состоял из дисциплинированного корпуса магистратов, обычно недолго занимавших пост, от нескольких месяцев до года. С 1297 г., когда были окончательно сформированы списки членов Большого совета, который состоял из всех представителей знати старше 25 лет, последние выступали в роли электората, избиравшего должностных лиц на все судебные, административные и законодательные посты республики¹⁶. На деле Большой

¹⁴ «За пределами Венеции жизни нет» (*Priuli G. I diarii / Ed. by A. Segre et al. // Rerum Italicarum Scriptores. Vol. 24. 2nd ed. Città di Castello; Bologna, 1921*).

¹⁵ *Bardi G. Delle cose notabili della città di Venetia libri III. Venetia, 1587. P. 16.*

¹⁶ Простейшее описание венецианского устройства см.: *Mosto A., da. L'Archivio di Stato di Venezia: Indice generale, storico, descrittivo ed analitico. 2 vols. Roma, 1937–1940. Vol. 1. P. 21, 22–23, 25–26, 29–31, 34–38, 52–55, 63–64.* Более подробные сведения см. в кн.: *Maranini G. La costituzione di Venezia dopo la serrata del maggior consiglio. Venezia, 1931.* Лучший анализ решающих политических событий 1296–1297 гг. дал Фредерик Лэйн: *Lane F. C. The Enlargement of the Great Council of Veni-*

совет делегировал властные полномочия другим органам, прежде всего Сенату, который являлся настоящим центром политической жизни Венеции¹⁷. Коллегия Сената в составе дожа, его советников и членов трех постоянных комиссий, называемых мудрецами (*savii*), руководила текущими делами Сената. В обязанности мудрецов входило решение дипломатических, военных, морских и церемониальных вопросов¹⁸. На вершине венецианской иерархии стоял дож — пожизненно избираемый государь, чьи законные полномочия вытекали из его церемониальных прерогатив и его роли председателя Большого совета, Сената, коллегии и Совета десяти. Он был символическим монархом Венеции, но, с точки зрения закона, не более чем первым среди равных представителем сословия патрициев; практически он мог располагать той властью, которую обеспечивал себе благодаря собственной ловкости и политическим связям¹⁹. Совет десяти стоял несколько особняком по отношению к бюрократической иерархии, но считался воплощением власти. Члены Совета десяти, располагавшего тайными фон-

се // *Florilegium Historiale: Essays presented to Wallace K. Ferguson*. Toronto, 1971. Несколько молодых людей в возрасте от 20 до 25 лет каждый раз избирались по жребию для участия в заседаниях Большого совета (*Contarini G. De magistratibus et republica Venetorum libri quinque*. Venetiis, 1551. P. 19, 22, 16, 19–20. Английский перевод: *Lewkenor L. The Commonwealth and Government of Venice*. London, 1599. P. 16, 19–20). По вопросу о возрасте включения в Большой совет и средствах обойти правила см.: *Law J. E. Age Qualification and the Venetian Constitution: The Case of the Cappello Family // Papers of the British School at Rome*. 1971. Vol. 29. P. 125–137. Количественные данные о составе Большого совета см.: *Davis J. C. The Decline of the Venetian Nobility as a Ruling Class // Johns Hopkins Studies in Historical and Political Science. Ser. LXXX, N 2*. Baltimore, 1962. P. 58.

¹⁷ “The whole manner of the commonwealths government belongeth to the senate” (*Contarini G. De magistratibus et republica Venetorum*. P. 65, английский перевод — p. 68). В состав Сената входили 60 постоянных и 60 дополнительных (*zonta*) членов, но почти все остальные сколько-нибудь значительные должностные лица имели право присутствовать на его заседаниях по долгу службы, так что около 1520 г. Сенат насчитывал примерно 220 членов: *Contarini G. De magistratibus et republica Venetorum*. P. 63, английский перевод — p. 66.

¹⁸ Решения Коллегии по церемониальным вопросам начиная с XVI в. до падения республики отражены в рукописях *Archivio di Stato, Venezia* (далее — *ASV*), *Collegio Cerimoniali*.

¹⁹ О политических полномочиях дождей см.: *Finlay R. Politics in Renaissance Venice*. London, 1980. P. 109–162.

дами, системой анонимных доносителей, полицейской властью и широкими юридическими полномочиями в сфере государственной безопасности, вместе с членами коллегии перераспределяли главные должности в своей среде и составляли внутреннюю группу патрицианской олигархии, фактически управлявшей республикой²⁰. Другими нобилями, занимавшими свой пост пожизненно, кроме дожа, были только прокураторы святого Марка, которые распоряжались большими средствами, поступавшими в храм в виде пожертвований, и обладали значительным политическим влиянием в качестве членов Совета десяти²¹. С точки зрения венецианцев и их зарубежных почитателей, стержнем венецианской системы управления была эта законодательно оформленная и в то же время строго аристократическая иерархия должностей.

Однако сам факт наличия продуманной системы административного управления не обеспечивал бы политической стабильности, если бы эта система не опиралась на разработанный этикет политической службы. В 1527 г. его правила описал Марко Фоскари в отчете (*relazione*) Сенату, поданном по возвращении из дипломатической поездки во Флоренцию. Он писал, что настоящие и хорошие сенаторы проявляют себя тремя способами: «В постижении, объяснении и любви к республике». Понимание и красноречие важны, но, с точки зрения Фоскари, они бесполезны, если не сопровождаются простой и совершенной «любовью к республике», которая должна быть сыновней, а не рабской. Сыновняя любовь — это любовь,

²⁰ Совет десяти был учрежден в 1310 г. для расследования заговора Байямонте Тьеполо и Марко Кверини, но на постоянной основе его полномочия были утверждены лишь в 1455 г. Он состоял из десяти штатных членов и до 1582 г. из Дзонты в количестве 15–20 вспомогательных членов, в его состав входили старейшие сенаторы, избираемые Большим советом на год без права переизбрания на следующий срок. См.: *Mosto A., da. L'Archivio di Stato...* Vol. I. P. 52–55.

²¹ По традиции Прокуратория состояла из девяти человек; после 1516 г. проводилась продажа дополнительных прокураторских мест, причем их стоимость выросла с 12 тыс. до 100 тыс. дукатов, и в один прекрасный день число прокураторов достигло сорока (*ibid.* Vol. 1. P. 25–26; *Mueller R. C. The Procurators of San Marco in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: A study of the office as a financial and trust institution // Studi Veneziani. 1971. Vol. 13. P. 105–220).*

которую дети испытывают к отцу, невзирая на его строгость; любовь собаки к своему хозяину несмотря на побои и плохое обращение. Таковую же беззаветную любовь должны питать граждане к своей республике, даже если, служа ей, они сталкиваются с трудностями и лишениями или с несправедливостями со стороны ее чиновников²². Множество венецианских речей о государстве проникнуто этими гражданственными идеями покорности, смирения и верного служения. Хотя этика служебных добродетелей, как и большинство моральных идеалов, более ярко проявлялась в их отрицании, чем в соблюдении, именно она определяла представления венецианцев о самих себе и представления иностранцев о них. Историки, например Буркхардт, говорили о «моральном духе», который служил основой политического успеха республики.

Современные историки объединяют представления о красоте, религиозности, свободолюбии, пацифизме и республиканском духе Венеции в понятии «венецианский миф». Но этот перечень не является позднейшим изобретением, потому что венецианцы эпохи Возрождения уже культивировали этот миф в произведениях изобразительного искусства, музыке, поэзии, народных преданиях и истории, в сочинениях гуманистов и больше всего в ритуалах и зрелищах²³. В венецианском мифе местный патриотизм, который преодолевал классовые барьеры, сочетался с элитарным идеалом гражданской жизни. Хотя этот миф сится созревшем в эпоху Кватро и Чинкве-

²² *Relazion fatta per Marco Foscarì nell'eccellentissimo Consiglio di Pregadi della Legazione de Fiorenza, con qualche cosa adiuncta da lui nel scrivere essa legazione, 1527 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Ed. A. Segarizzi; Scrittori d'Italia. Bari, 1916. P. 3–4.*

²³ *Berenson B. The Italian Painters of the Renaissance. Cleveland, 1957. P. 16; Meiss M. Sleep in Venice: Ancient Myths and Renaissance Proclivities // Proceedings of the American Philosophical Society. 1966. Vol. 110. Oct. P. 348–382; Rosand E. Music in the Myth of Venice // Renaissance Quarterly. 1977. Vol. 30. P. 511–537; Medin A. La storia della repubblica di Venezia nella poesia. Milano: Ulrico Hoepli, 1904; Cozzi G. Cultura, politica e religione nella "pubblica storiografia" veneziana del '500 // Bollettino dell'Istituto di Storia della Societa' e dello Stato Veneziano. 1963. Vol. V. P. 215–294; Grendler P. F. Francesco Sansovino and Italian Popular History, 1560–1600 // Studies in the Renaissance. Vol. 16 (1969). P. 139–180; Muir E. Images of Power.*

ченко, Петрарка свидетельствует о его наличии в рудиментарном виде в 1364 г., когда создает свое описание венецианских торжеств по случаю победы на Крите: «Августейшая Венеция гордится тем, что она одна осталась прибежищем свободы, мира и справедливости, последним пристанищем почтенных мужей, единственной гаванью, где может укрыться потрепанное бурей, преследуемое тиранами судно человека, взыскающего благой жизни. Венеция богата золотом, но еще богаче славой; ее сокровища велики, но доблесть еще значительнее; ее основание прочнее гранита, но еще прочнее царящее в ней гражданское согласие; ее омывает соленое море, но более драгоценна соль ее мудрых советов!»²⁴

Для венецианцев подобные пассажи стали священной частью их мифологического наследия, их духовного и эмоционального фонда, который был интеллектуально и исторически переработан в сочинениях таких авторов, как Гаспаро Контарини и Паоло Сарпи. В Новое время изучение венецианского мифа часто выливалось в попытки отделить от реальности головомомное переплетение не всегда справедливых мнений и загадочный ряд не всегда исторически достоверных событий. Неудивительно, что результаты этих попыток иногда были противоречивыми. Поэтому наилучшим способом приблизиться к загадочному венецианскому мифу оказывается его исследование как идеологии. Не позднее XVI в. этот миф стал для многих иностранцев источником соблазнительных возможностей изобразить Венецию уникальным местом в мире. Венеция, ее миф и ее идеология внесли огромный вклад в то, что Уильям Боусма назвал «политическим воспитанием Европы». По его мнению, «...Венеция в новом мире олицетворяла основные политические ценности ренессансного

²⁴ *Petrarca F. Letters. Selected and translated by Morris Bishop. Bloomington, Ind., 1966. P. 234. Ср.: Bracciolini P. In laudem rei publicae Venetorum // Opera omnia / Ed. by R. Fubini. Torino, 1966. Vol. 2. P. 925–937.*

республиканизма, представавшие перед остальной Европой в необыкновенно привлекательном и ярком виде»²⁵. Противники монархии в Европе и колониальной Америке видели в современной им Венеции, в отличие от полузабытых порядков Афин и Рима или утопических республик, живой пример торжества их идей. Но что еще важнее, миф выражает мировоззрение чрезвычайно сплоченного сообщества, будучи средоточием культурной символики, служащей для описания особого венецианского образа мысли.

ИСТОРИОГРАФИЯ МИФА

Различия в интерпретации венецианского мифа обычно были связаны с тем, что во внимание принимались разные периоды истории города. Ганс Конрад Пейер и Джина Фазоли выводили происхождение мифа из факта наличия в Венеции мощей святого Марка, олицетворявших венецианскую *communitas*. По мнению Фазоли, миф сложился в 827 или 828 г., когда дож Джустиниано Партичиако принял тело святого Марка в дар от двух местных купцов, выкравших его из подвластной мусульманам Александрии. Уподобление взаимоотношений Венеции со святым Марком такой же связи между папством и святым Петром позволило ее жителям с конца XI в. утверждать, что город и святой мистически соединены настолько, что каждый из них проникся свойствами и качествами другого²⁶. В хронике Джованни Диакон, послужившей для всей венецианской историографии источником идеи о Венеции как этно-спиритуалистическом сообществе, апелляция к святому

²⁵ *Bowsma W. J. Venice and the Political Education of Europe // Renaissance Venice / Ed. by J. R. Hale. London, 1973. P. 445.*

²⁶ *Peyer H. C. Stadt und Stadtpatron in mittelalterlichen Italien. Zürich, 1955. S. 8–62; Fasoli G. Nascita di un mito // Studi storici in onore di Gioacchino Volpe. Firenze, 1958. Vol. I. P. 447–479; Idem. Comune veneciarum // Idem. Scritti di storia medievale / A cura di F. Bocchi, A. Carile e A. I. Pini. Bologna, 1974. P. 486.*

Марку сделала Венецию «свободной» республикой под управлением дожа²⁷.

В дальнейшем Венеция стала одним из самых славных средневековых городов Италии: святой Пьетро Дамиани признавал за ней статус апостольского престола и называл дочерью Рима, император Генрих IV посетил город и восторгался им, а папа Григорий VII признал независимость Венеции. С тех пор святой Марк стал высшим символом венецианской власти; когда венецианцы в 1211 г. присоединили Крит, они приобщили к политическому культу святого Марка своих новых подданных и обязали их возносить хвалы дожу в день этого святого. Опираясь на столь давние традиции, венецианский миф, полагает Фазоли, к середине XIV в. приобрел черты гражданского культа в мистико-патриотическом духе²⁸.

В других исследованиях в качестве переломного с точки зрения формирования венецианского гражданского сознания указывается XIV столетие. Постепенное сужение полномочий дожа в конце XIII в. и реформа Большого совета в 1297 г., которая окончательно определила состав замкнутого наследственного патрициата, позволили Венецианской республике в известной мере противостоять опасностям, связанным с борьбой партий и политическим насилием, изнурявшими другие итальянские города-государства на протяжении XIV в.²⁹ От-

²⁷ *Fasoli G. Comune veneciarum. P. 486.*

²⁸ Тем не менее Стэнли Чойнацки отмечает, что в среде венецианских патрициев в первой половине XIV в. наблюдались серьезные разногласия; см.: *Chojnacki S. Crime, Punishment, and the Trecento Venetian State // Violence and civil disorder in Italian cities, 1200–1500 / Ed. by L. Martines. Berkeley, 1972. О политической трансформации республики в этот период см. следующие работы Ф. Лэйна: Lane F. C. At the Roots of Republicanism; Medieval Political Ideas and the Venetian Constitution; Idem. The Enlargement of the Great Council // Venice and History: The Collected Papers of Frederic C. Lane. Baltimore, 1966. P. 86–117, 172–187, 256–273. Лэйн считает, что республиканские реформы 1297 г. не имели под собой теоретического фундамента. Действительно, первым теоретиком республиканизма в Италии считается Птолемей Луккский; см.: *Davis C. T. Roman Patriotism and Republican Propaganda: Ptolemy of Lucca and Pope Nicholas III // Speculum. 1975. Vol. 50. P. 411–433.**

²⁹ *Fasoli G. Nascita di un mito; Idem. La coscienza civica nelle 'laudes civitatum' // Scritti di storia medievale. P. 293–318.*

казавшись в XIV — начале XV в. от византийской ориентации, Венеция обрела источник творческого вдохновения в Италии и на Западе и стала представлять себя в качестве «нового Рима», истинной наследницы как Древнего Рима, так и Империи³⁰. Но в это время венецианский миф только зарождался, и ему недоставало теоретического обоснования, которое появилось только тогда, когда аналитическая риторика гуманистов облекла институты Венеции в неоклассические одежды и представила их в виде живых примеров античных образцов. В своей окончательной форме, как полагает большинство историков, венецианский миф сложился в XV–XVI вв.

Наиболее влиятельным гуманистом в Венеции XV в. был Бернардо Джустиниани, который свободно черпал материал для своей «Истории начала Венеции» в хрониках XIV в. Андреа Дандоло и Лоренцо д'Монако. Джустиниани утверждал, что в эпоху развала Римской империи Господь укрыл небольшое количество избранников в лагуне и сделал их прямыми наследниками римского величия. Отточенные латинские тирады Джустиниани, призывавшие современников уподобиться доблестью отцам-основателям, стали эталоном гуманистического восприятия прошлого Венеции³¹. Тома разрозненных записок Марино Сануто на вольгаре, лишенные присущей Джустиниани гуманистической требовательности, подтверждают соответствие взглядов последнего представлениям заурядного, хотя и чрезвычайно словоохотливого венецианского

³⁰ *Francastel G.* Une peinture anti-hérétique à Venise ? // *Annales*. 1965. 20e année. N 1. Janvier-février; *Piovene G.* Anacronismo della Venezia quattrocentesca // *La civiltà Veneziana del quattrocento*. Firenze: Sansoni, 1956. P. 1–21; *Chambers D. S.* The Imperial Age of Venice, 1380–1580. London, 1970. P. 12–30. Фредерик Лэйн определил эти перемены как «поворот на Запад»: *Lane F. C.* Venice. P. 202–272. По теме «Венеция как Новый Рим в искусстве» см.: *Howard D.* Jacopo Sansovino. Architecture and Patronage in Renaissance Venice. New Haven: Yale University Press, 1975. P. 2–7; *Muraro M.* La scala senza giganti // *Essays in Honour of Erwin Panofsky*. New York, 1961. P. 350–370. О феномене новых Римов в целом см.: *Hammer W.* The Concept of the New or Second Rome in the Middle Ages // *Speculum*. 1944. Vol. 19. P. 50–62; *Wolff R. L.* The Three Romes: The Migration of an Ideology and the Making of an Autocrat // *Daedalus*. 1959. Vol. 88, N 2. Spring. P. 291–311.

³¹ *Labalme P. H.* Bernardo Giustiniani. A Venetian of the Quattrocento. Rome, 1969. P. 247–304.

патриция. Кроме знаменитых дневников, которые Сануто вел с расчетом создать в дальнейшем историю современной ему Венеции, он написал о деяниях дождей, проследив за их усилиями ради обретения независимости и суверенитета для города³². Примерно тогда же, когда два названных автора работали над своими сочинениями, венецианские правители осознали важность более активной пропаганды мифа и призывали официальных историографов для составления латинских историй, отражающих взгляды властей по дипломатическим и военным вопросам. Как и следовало ожидать, на страницах этих хвалебных трудов венецианцы изображались в виде бескорыстных миротворцев, окруженных коварными врагами, и верноподданных правительства, которое руководствуется мудрыми законами, разработанными доблестными мужами³³. В первые десятилетия XVI в. под пером гуманистов традиционный миф о блаженном городе, находящемся под покровительством святого Марка и независимом от любых внешних сил, был преобразован в целостную политическую идеологию, имеющую классические корни. Венецианские советы, например, рассматривались в ней как продукт развития римских учреждений. Все это работало на миф, так как в поисках опоры европейцы должны были ощутить возможность воплощения образцов идеального управления в практике реальной республики.

Тем не менее на протяжении XVI в. членам венецианского правящего класса пришлось стать свидетелями ряда событий, которые могли лишь подорвать их веру в силу традиции. В 1499 г. в Венеции стали известны две новости, предвещавшие общественные беды: сообщение о том, что турки разгромили венецианский флот при Зонкьо, и письмо из Александ-

³² *Sanuto M. Le vite dei dogi // Rerum italicarum scriptores. Vol. 22. Venezia, 1938; Idem. I diarii: 58 vols. Venezia, 1879–1903.*

³³ *Cozzi G. Cultura politica e religione nella 'pubblica storiografia' veneziana del '500. Некоторые существенные поправки в статью Коцци вносит Ф. Гилберт: Gilbert F. Biondo, Sabellico and the Beginnings of Venetian official historiography // Florilegium historiae. Essays presented to W. K. Ferguson. Toronto, 1971. P. 276–293.*

рии, уведомляющее о прибытии в Аден и Калькутту трех судов под португальским флагом в поисках пряностей. Поражение на море означало для венецианцев потерю многих городов в Греции и Албании, важных для восточной торговли Светлейшей Республики, и с этого момента, по мнению Фредерика Лэйна, правители Венеции простились с идеей военно-морского первенства³⁴. Хотя вот уже более ста лет венецианцы несли постоянные экономические потери вследствие происков Португалии, пугающая новость о том, что их обошли в погоне за прибылями от ввоза перца, разрушила уверенность в традиционном главенстве Венеции в левантинской торговле³⁵.

Сильнейший удар спокойствию Венеции нанесли события, происходившие почти рядом с ней. Венецианская экспансия на терраферме, в частности в Романье, после смерти Чезаре Борджиа³⁶ вызвала опасения европейских держав относительно намерений республики завладеть Италией и побудила Францию, Испанию, Священную Римскую империю, папу и ряд итальянских государств создать Камбрейскую лигу, направленную против Венеции. 14 мая 1509 г. силы Лиги наголову разбили всю венецианскую армию при Аньяделло. Вскоре большинство сухопутных владений Венеции, от Брешии до Падуи, объявили ей войну, и город приготовился к осаде, которая так и не началась³⁷. Разногласия среди членов лиги и семь лет военных действий спасли Венецию и вернули

³⁴ Lane F. C. *Naval Actions and Fleet Organization, 1499–1502* // *Renaissance Venice* / Ed. by J. R. Hale. London, 1973. P. 146–173; *Idem*. Venice... P. 242.

³⁵ Weinstein D. *Ambassador from Venice: Pietro Pasqualigo in Lisbon. 1501*. Minneapolis, 1960. P. 9–10.

³⁶ Точнее, сразу после утраты им власти; он погиб только через четыре года (*Примеч. пер.*).

³⁷ Rubinstein N. *Italian Reactions to Terraferma Expansion in the Fifteenth Century* // *Renaissance Venice* / Ed. by J. R. Hale. London, 1973. P. 197–217; Gilbert F. *Venice in the Crisis of the League of Cambrai* // *Ibid*. P. 274–292; Chabod F. *Venezia nella politica italiana ed europea del Cinquecento* // *La civiltà veneziana del Rinascimento*. Firenze, 1958. P. 27–55; Lane F. C. *Venice...* P. 242–245; Libby Jr. L. J. *The Reconquest of Padua in 1509 according to the Diary of Girolamo Priuli* // *Renaissance Quarterly*. 1975. Vol. 28, N 3. Autumn. P. 323–331; Finlay R. *Venice, the Po Expedition, and the End of the League of Cambrai, 1509–1510* // *Studies in Modern European History and Culture*. 1976. Vol. 2. P. 37–72.

ей бо́льшую часть территорий, но за это время произошли необратимые изменения в составе правящей группы, и венецианская знать была вынуждена пересмотреть свое политическое кредо.

Сделав упор на политической стороне дела в противовес мистической, как у Фазоли и Пейера, ряд ученых, в том числе Федерико Шабо, Франко Гаэта, Альберто Тененти, Феликс Гилберт и Гаэтано Коцци, сочли, что у истоков новой версии венецианского мифа находятся события на рубеже веков, в особенности война Камбрейской лиги. Шабо полагал, что венецианская дипломатия первых трех десятилетий XVI в. строилась на глубоком непонимании реальности и, следовательно, была ошибочной в расчетах. Венецианцы не заметили, что после 1490 г., когда французы вторглись в Италию и захватили Милан и когда турки усилили натиск на нескольких фронтах, условия игры изменились. Итальянские города уже не могли вести свои дела самостоятельно, без вмешательства Валуа и Габсбургов, желавших подчинить себе Италию; Венеция, окруженная врагами, не должна была рассчитывать на такое же влияние в Европе, какое прежде она имела в Италии. По мнению Шабо, вследствие дипломатических неудач венецианцы находили утешение в мифе, роль которого возрастала обратно пропорционально упадку реальной политической мощи республики³⁸. Хотя Франко Гаэта признает, что на протяжении нескольких столетий многочисленные авторы вносили свой вклад в создание венецианского мифа, он настаивает, что, не случись война Камбрейской лиги, этот миф не только оказался бы слабее выраженным, но его и не было бы вовсе. С точки зрения Гаэты, венецианский миф был не утопической мечтой или утонченной хитростью правящего класса, придуманной для упрочения его позиций, а, скорее, неопределенным набором верований, которые разделяли все венецианцы. Фактически Гаэта различает три отдельных мифа о Венеции: как о государстве со смешанным правлением, как о свободной

³⁸ Chabod F. Venezia nella politica del Cinquecento.

республике и как о романтическом городе (*città galante*). Миф о смешанном правлении строился на том, что венецианские Большой совет, Сенат и дож представляли собой идеальное сочетание демократии, аристократии и монархии. Миф о «республике свободы» подразумевал как независимость Венеции от других держав, так и ее предполагаемую защищенность от тирании. Наконец, миф о романтическом городе отражает живописное расположение города и его терпимость к недозволенным увеселениям³⁹. Подход Альберто Тененти более «анналистичен»⁴⁰: по его мнению, столкновения с турками и война с Камбрейской лигой изменили «чувство времени» венецианцев, выражавшееся в их вере, что город, благодаря царящей в нем свободе, сможет выдержать все испытания. Даже если он будет разрушен, миру потребуются другой такой же защитник вольности⁴¹.

Более убедительный и точный анализ влияния войны и дипломатических неудач на венецианское общество принадлежит Феликсу Гилберту и Гаэтано Коцци, которые пытались не столько уловить черты ускользающего мифа, сколько установить документально подтвержденные изменения в структуре патрициата. Гилберт обнаружил, что расхождение в интересах между массой нобилей Большого совета и немногочисленной богатой элитой Сената, среди представителей которой происходило перераспределение основных должностей, постоянно росло. Огромные доходы и контроль над бюрократическим аппаратом, расширившийся за время войны Камбрейской лиги, позволили олигархам укрепить свою власть и все меньше считаться с не столь влиятельной знатью⁴². Коцци находит подобного рода сдвиги в соотношении полномочий двух глав-

³⁹ Gaeta F. Alcune considerazioni sul mito di Venezia // Bibliothèque d'humanisme et Renaissance. 1961. Vol. 23. P. 58–75.

⁴⁰ Вероятно, имеется в виду близость к школе «Анналов» (Примеч. пер.).

⁴¹ Tenenti A. The Sense of Space and Time in the Venetian World of the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Renaissance Venice / Ed. by J. R. Hale. London, 1973. P. 17–46.

⁴² Gilbert F. Venice in the Crisis, особенно p. 290. Ср.: Bowsma W. J. Venice and the Defense of Republican Liberty. Berkeley: University of California Press, 1968. P. 95–161.

ных судебных органов республики, авогадории коммуны и Совета десяти, в чью юрисдикцию попадали одни и те же дела. Авогадория, которая была традиционным гарантом равенства всех нобилей, постепенно уступала свои права Совету десяти, отстаивавшему интересы олигархии. В результате равенство перед законом, «этот краеугольный камень республиканского режима», нарушалось; возрастал авторитет властей; карательные законы применялись все строже. Это наводит Коцци на мысль, что позиции олигархии, несмотря на все ее старания, были не столь прочными⁴³. В Венеции борьба за власть и сопровождающие ее структурные изменения не привели, в отличие от многих других итальянских городов, к институциональным сдвигам, данный факт чрезвычайно укрепил престиж республики как островка политической стабильности. Чем больше власть концентрировалась в руках меньшинства и чем больше правовое равенство патрициев нарушалось в пользу жесткого авторитаризма, тем больше угроз возникало для сбалансированной гармонии республиканских учреждений и эгалитарного судебного правосудия. С этой точки зрения интерес гуманистов к утраченному прошлому был связан с попыткой понять смысл пугающих социально-политических перемен.

Фактическое влияние событий начала Чинквеченто на восприятие Венеции можно восстановить по разноречивым отзывам двух писателей XVI в., Луиджи да Порто и Гаспаро Контарини. Дворянин из Виченцы Да Порто вел политико-философский дневник, в котором он регистрировал события, происходившие в области Венето во время войны Камбрейской лиги. По его словам, члены лиги напали на Венецию из зависти к ее *bellezza* и к богатству ее владений, а также потому, что они хотели унижить гордость (*alterigia*) венецианцев, стремившихся создать в Италии империю. Да Порто изображает Венецию двояко: с одной стороны, в обычном мифологическом духе он превозносит ее доброе правление, защиту свобо-

⁴³ *Cozzi G. Authority and the Law in Renaissance Venice // Renaissance Venice / Ed. by J. R. Hale. London, 1973. P. 293–345.*

ды и миролюбие; с другой — предъявляет обвинение в тиранических наклонностях, невнимании к интересам провинции, отсутствии распорядительности и испорченности. Эта двойственность содержала в себе изощренную критику венецианской политики. В целом Да Порто оставался на стороне Венеции, но высказывал сомнения в ее готовности отстаивать свободу других итальянских городов и даже ставил под вопрос ее наличие в пределах территории лагуны. В конечном счете в его высказываниях преобладают идеи циклизма, неотвратимости судьбы и традиционализма: если венецианцам суждено уцелеть, то им придется вернуться к строгости нравов их предков⁴⁴. Вероятно, такая точка зрения была довольно распространенной в Венето в 20-е гг. XVI в., но она мало повлияла на окончательное оформление венецианского мифа.

Задача подобного оформления выпала на долю более оптимистически и реформистски настроенного гуманиста Гаспаро Контарини, который, наряду с Андреа Наваджеро, Джамбаттиста Эньяцио и Андреа Мочениго, подверг венецианскую историю и политику пересмотру в духе республиканской традиции⁴⁵. Контарини, наиболее заметный среди кардиналов-эразмианцев и папский легат на Регенсбургском рейхстаге 1541 г., считал хорошее управление непременным условием духовного обновления: добродетельный епископ и хороший гражданин — одно и то же, и без благосклонности политической власти никакое преобразование церкви невозможно. Политика для Контарини была не столько искусством прагматического расчета, сколько одной из форм философии, вдохновляющейся моральными целями. Проблемы, накопившиеся за время войны Камбрейской лиги (и, возможно, его встреча с Томасом Мором в 1521 г.), побудили Контарини

⁴⁴ *Porto L., da. Lettere storiche di Luigi da Porto, vicentino, dall'anno 1509 al 1528. Firenze, 1857. P. 26, 29, 46; Olivieri A. "Dio" e "fortuna" nelle Lettere storiche di Luigi Da Porto // Studi Veneziani. 1971. Vol. XIII. P. 271–273; Rose C. J. The Evolution of the Image of Venice (1500–1630): Ph.D. dissertation / Columbia University. 1971. P. 152, 191–193.*

⁴⁵ *Libby Jr. L. J. Venetian History and Political Thought after 1509 // Studies in the Renaissance. 1973. Vol. 20. P. 8.*

к поискам путей нравственного возрождения Венецианской республики, такого же, какого он желал для Римской церкви; и так же, как он находил образцы для религиозного обновления в библейских описаниях апостольской церкви, вдохновение для политического действия он черпал в легендах об основании Венеции⁴⁶. Его книга “*De magistratibus et republica Venetorum*”, широко распространившаяся также в итальянском, французском и английском переводах, стала образцовым сочинением об управлении Венецией. В этой работе, которая послужила источником для рассуждений Гаэты в связи с «мифом о смешанном правлении», Контарини относил политическую стабильность Венеции на счет совершенной уравновешенности форм ее управления и указывал на то, что защитить республику от угрозы раскола должны запреты, направленные против обособления групп знати, семейных интриг в Сенате и других органах, а зрелость и трезвость принимаемых решений гарантируются преклонным возрастом лиц, занимающих главные должности⁴⁷. Несмотря на попадающиеся в его сочинении преувеличения, например о том, что «смешанное правление в Венеции» было «избранным бессмертными богами, а не изобретенным каким-либо образом с помощью человеческого искусства или усердия»⁴⁸, — Конта-

⁴⁶ *Gilbert F.* Religion and Politics in the Thought of Gasparo Contarini // *History: Choice and Commitment*, Cambridge, Mass., 1977; *Idem.* The Date of the Composition...; *Gilmore M. P.* Myth and Reality in Venetian Political Theory // *Renaissance Venice* / Ed. by J. R. Hale. London, 1973. P. 431–443; *Ross J. B.* Gasparo Contarini and His Friends // *Studies in the Renaissance*. 1970. Vol. 17. P. 192–232; *Idem.* The Emergence of Gasparo Contarini: A Bibliographical Essay // *Church History*. 1972. Vol. 41, N 1. March. P. 22–45.

⁴⁷ *Gilbert F.* The Venetian Constitution in Florentine Political Thought // *Florentine Studies: Politics and Society in Renaissance Florence* / Ed. by N. Rubinstein. London, 1968. P. 468–470; *Pocock J. G. A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton University Press, 1975. P. 327; *Rose C. J.* The Evolution of the Image of Venice. P. 114; *Contarini G.* *De magistratibus et republica Venetorum*, английский перевод — p. 64, 67.

⁴⁸ “...rather framed by the hands if the immortal Gods, than any way by the arts, industry, or invention of men” (*Contarini G.* The commonwealth and gouernment of Venice. London, 1599. P. 2). (Прежде всего, речь здесь идет не о смешанном правлении, а о расположении Венеции; кроме того, английский перевод существенно отличается от латинского оригинала, где говорится лишь о божественном замысле в противо-

рини полагал, что венецианские учреждения были творением мудрых предков, человеческой доблести и изобретательности⁴⁹. Отсюда следует вопрос: была ли доблесть (*virtù*) правителей Венеции внутренне присущим им качеством, то есть были ли они готовы по природе действовать в интересах общего блага, а не частной выгоды? Или в самих учреждениях было нечто, вызывавшее к жизни республиканскую доблесть? Контарини был склонен ко второму решению: к счастью для венецианцев, они располагали беспристрастными законами, направлявшими их к рациональному выбору. Дж. Покок замечал, что в “*De magistratibus*” Контарини постулирует существование «искусственных ангелов», или «не вполне разумных людей... действующих в рамках имеющейся сети институций»⁵⁰. Эта модель венецианского управления сильно повлияла на политическую идеологию в Европе: природу человека нельзя изменить, а законы и учреждения можно скопировать, что, по мнению многих, обеспечило бы главенство разума в политике⁵¹.

Контарини и его коллеги-гуманисты не изобрели венецианскую политическую идеологию; они лишь привели в систему и придали согласованность мифам, которые формировали психологию патрициата на протяжении столетий. Эти мифы были так переплетены с представлениями венецианцев об их месте в мире, что множество послов, известных в дипломатических кругах благоразумием, в официальных отчетах об их

вес людским стараниям (“*At Venetiarum situs divino potius quodam consilio, qua humana industria... tutissimus est*” (*Contarini G. De magistratibus et republica Venetorum // Opera. Parisiis, 1571. P. 262*)), и отличается также от итальянского перевода, которым пользовался английский переводчик (“*più tosto fabrica de gli Dei, che opera, et trovato de gli huomini*” (*Contarini G. La republica, e i magistrati di Vinegia. Vinegia, 1551. P. 10*)) — здесь есть слово «боги», но не выражение «бессмертные боги», хотя оно встречается в других местах трактата. *Примеч. пер.*)

⁴⁹ Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment*. P. 320–321.

⁵⁰ Ibid. P. 324.

⁵¹ Pullan B. *The Significance of Venice // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. 1973–1974. Vol. 56. P. 455–456*. Ср. речь Джанджорджо Триссино, обращенную к дожу Андреа Гритти, в изд.: *Sansovino F. Delle orationi recitate a principi... Fol. 1v*.

миссиях (relazioni) демонстрировали, тем не менее, безотчетное пристрастие к венецианским традициям⁵².

Если кризис первых десятилетий XVI в. побудил Контарини к поискам средств для духовного и политического омоложения в рамках венецианской традиции, то события 70-х и начала 80-х гг., по мнению Уильяма Боусмы, заставили многих патрициев защищать республиканскую свободу еще более бескомпромиссно. На протяжении XVI в. наблюдалось то, что Боусма называет противоречивой борьбой между светским, ориентированным на человека ренессансным республиканизмом, с одной стороны, и клерикальным, ориентированным на Бога средневековым, а в конечном счете контрреформационным, монархизмом — с другой. Венеция вышла из этой схватки как олицетворение светской, республиканской альтернативы возрождающейся папской монархии. Победа соединенных сил Католической лиги над турками в 1571 г. при Лепанто и бескровные перевороты 1582 и 1583 гг., которые, как утверждает Боусма, ослабили Совет десяти и привели к смене коалиции старых богатейших семейств гегемонией более молодых и активных сенаторов, получивших название «молодых» (giovani), вновь подогрели интерес к идеям республиканизма. Результатом стал отказ Венеции от политики изоляции и переход к защите собственной системы правления в борьбе с папством. Паоло Парута, который считается рупором группировки «молодых», выработал план претворения республиканских взглядов в политическое действие. В частности, он убеждал правительство в необходимости проводить миролюбивую политику, ссылаясь на предпочтение, которое Венеция всегда отдавала мирным дипломатическим средствам⁵³. Как и Боус-

⁵² Gilbert F. *Venetian Diplomacy before Pavia* // *The Diversity of History: Essays in Honour of Sir Herbert Butterfield* / Ed. by J. H. Elliott, H. G. Koenigsberger. Ithaca, N.Y., 1970; *Gilmore M. P. Myth and Reality*. P. 437–439.

⁵³ *Bowsma W. J. Venice and the Defense of Republican Liberty*. P. 162–292, 417–482; *Stella A. La regolazione delle pubbliche entrate e la crisi politica veneziana del 1582* // *Miscellanea in onore di Roberto Cessi*. Roma, 1958. Vol. II. P. 157–171; *Lowry M. J. C. The Reform of the Council of Ten, 1582–3: An Unsettled Problem* // *Studi veneziani*. 1971. Vol. 13. P. 275–309; *Brown W. A. Nicolo da Ponte; the Political Career of a Seven-*

ма, Анджело Байокки считает политическую теорию Паруты консервативной по сути попыткой защитить аристократические ценности и республиканские структуры с помощью тезиса о том, что *virtù* может сохраняться только в условиях политической свободы⁵⁴. Однако Парута, в силу своей неспособности до конца продумать последствия собственных идей, в силу убежденности, что политика внутренне неоднозначна, и нежелания ставить во главу угла государственный интерес (*raison d'état*), лишь содействовал нарастанию идеологического противостояния венецианской мысли с папским Римом⁵⁵. Наивысшего выражения это противостояние достигло во время конфликта, сопровождавшегося папским интердиктом, наложенным на Венецию в 1606–1607 гг., когда фра Паоло Сарпи стал официальным апологетом республики. Интердикт был вызван желанием венецианских властей распространить свои законы и правосудие на всех подданных, как на светских, так и на духовных лиц. Сарпи превратил этот юридический спор в идеологический диспут о соотношении гражданской и церковной власти, противопоставляя иерархическим догмам Рима призыв к политической свободе⁵⁶. Сарпи придал мифу о республиканской свободе наиболее разработанную идеологическую форму, в которой изначально коммунальная и строго аристократическая этика стала манифестом, послужившим подспорьем всевозможным антимонархистам западного мира.

Таким образом, благодаря гуманистам и их интеллектуальным преемникам миф о венецианском правлении был положен в основу идеологии республиканизма. Хотя сам миф и указанная идеология, безусловно, были созданы венецианца-

teenth-century Venetian Patrician: Ph.D dissertation / Columbia University. 1974. P. 143–158; *Grendler P. F.* The Roman Inquisition and the Venetian Press, 1540–1605 // *Journal of Modern History*. 1975. Vol. 47, N 1. P. 103–136; *Pecchioli R.* Venice and Republican Liberty // *Studi veneziani*. 1971. Vol. 13. P. 693–708.

⁵⁴ По мнению Анджело Байокки (*Baiocchi A.* Paolo Paruta: Ideologia e politica nel cinquecento veneziano // *Studi veneziani*. 1975–1976. Vol. 17–18), принадлежность Паруты к «молодым» не была определяющей для его идеологии.

⁵⁵ *Bowsma W. J.* Venice and the Defense of Republican Liberty. P. 270–291.

⁵⁶ *Ibid.* P. 417–482.

ми, они не являлись прямым отражением венецианских реалий. Чтобы избежать ошибки на этот счет, которую совершил и Буркхардт, следует отринуть риторику и обратиться к тому, что доподлинно известно о Венеции эпохи Возрождения.

Как и следовало ожидать, не все сочинения венецианцев о родном городе были заполнены восторженными похвалами, были в республике и доморощенные критики. Возможно, одним из наиболее проникательных из них оказался Доменико Морозини, венецианский патриций, приступивший к написанию своего сочинения «О правильном устройстве государства» (*“De bene instituta re publica”*) в 1497 г. и умерший за два месяца до катастрофы при Аньяделло 1509 г. Желая уязвить современных венецианских правителей, Морозини изобразил идеальную республику, устроенную наподобие Венеции, но имеющую утопические черты: она лишена имперских поползновений на терраферме и не втянута в безумную гонку за богатствами. Усматривая в жадности и алчности причины упадка, Морозини предложил исключить из правительства купцов, поскольку ими движет своекорыстие, и выдвинул идею ограничить полномочия Большого совета выборами менее значительных должностных лиц, а избрание на более значительные посты поручить Сенату, а также еще сильнее урезать права дожа. В результате этих изменений, по мнению Морозини, должно было установиться олигархическое правление и подкуп избирателей был бы положен конец⁵⁷. Позиция Морозини являлась отнюдь не радикальной и в некоторых пунктах предвосхищала структурные преобразования в среде патрициата, отмеченные Гилбертом и Коцци. Тракат «О правильном устройстве» был отчасти также провозвестием признания дипломатических промахов Венеции, которые стали очевидными после Камбрэ.

Смута первых десятилетий XVI в. вызвала протесты против политики Сената. В 1514 г., когда во Фриули, разоренном

⁵⁷ Морозини считал, что Большой совет чересчур многочислен, а власть дожа слишком опасна; см.: *Cozzi G. Domenico Morosini e il De bene instituta re publica // Studi Veneziani. 1970. Vol. 12. P. 405–458; Idem. Authority and the Law. P. 301–302.*

войной, вспыхнули мятежи, Сануто записал, что в одно прекрасное утро вся Мерчерия, главная торговая улица Венеции, была усеяна листовками со словами: «Вперед, истребим, сметем венецианских воров-тиранов!» Совет десяти немедленно начал расследование, и было обнаружено, что причиной беспорядков стала грядущая казнь одного мятежного священника из Фриули⁵⁸. Другие критики венецианской политики подбিরали слова более осмотрительно, но также демонстрировали изрядное недовольство порядками, царящими в республике. В своей официальной истории периода войн Камбрейской лиги Пьетро Бембо утверждал, что неспособность благородного сословия защитить, упрочить и отстоять позиции государства равнозначна измене; он бросил справедливое обвинение целому поколению патрициев и потребовал наказать виновных⁵⁹. После поражения при Аньяделло Джироламо Приули в своем дневнике сурово осудил своих знатных сограждан за их гордыню и посетовал на их порочность, которая, по его мнению, навлекла божью кару⁶⁰.

⁵⁸ “*Damatina, hessendo sta questa note et questa matina per Marzaria et verso San Lio trovade molte polize in terra, che erano sta' butate di mala sorte a ruina e danno di nui zentilhomeni, sussitando i populi contra de nui con parole scrite, come dirò di soto, e tra li altri sier Alvise Barbaro qu. sier Piero ne trovae molte e Vasallo capitano e altri, e fo portade a li Cai del Consejo di X... i qual Cai andono in Colegio et mostrono ditte polize, et fo parlato molto di gran rebeli è in questa terra, e che uno solo havia fato tal cossa. Però non parse di dar taja, né mostrar di far di tal stima alcuna. Il tenor di le polize è questo: “Su su a la morte, a sacho de questi ladri tyranni venetiani”.* («Завтра, после того как сегодня ночью и утром на Марцарии и около Сан Лео были найдены записки, разбросанные там негодяями, желающими причинить нам вред и погубить нас, благородных людей, словесно подстрекая народ против нас, как я скажу ниже. Наряду с прочими много записок нашел сер Альвизе Барбаро ди сер Пьеро, и капитан-вассал и другие, и их принесли главам Совета X... и эти главы пришли в коллегию и показали эти записки, так что было много разговоров о мятежниках в нашем городе, и что все это мог бы сделать один человек. Однако было решено не назначать вознаграждения [за поимку] и показать, что этому не придается значения. Содержание записок таково: «Вперед, истребим, сметем венецианских воров-тиранов!») (*Sanuto M. I diarii. Vol. 18. P. 44–45*).

⁵⁹ *Rose C. J. Evolution of the Image of Venice. P. 117.*

⁶⁰ *Gilbert F. Venice in the Crisis. P. 274–275.* Алессандро Каравиа, автор, симпатизировавший протестантам, обличал роскошь, церемонность и обрядность венецианского быта, приметы его бесполезной суетности с совершенно других позиций. В особенности он осуждал Скуола Гранде ди Сан Рокко за пустую трату денег, по

На протяжении всего столетия спорадические попытки реформ и разрозненные критические выступления в литературе периодически бросали тень на репутацию республики. Около 1582 г. оппозиция олигархической клике старой знати (*veschi*), монополизировавшей верховную власть и в особенности полномочия Совета десяти, сплотилась вокруг группы сенаторов, получившей название «молодых» (*giovani*). Не имея собственной последовательной программы, эта группа подняла мятеж, заблокировав выборы кандидатов в Дзонту Совета десяти, его дополнительный состав, насчитывавший от 40 до 50 членов, полномочия которого были сравнимы с полномочиями самого Сената. Победа «молодых» означала, что политическое влияние Совета десяти клонилось к закату и власть формально вернулась в Сенат; тем не менее главные должности по-прежнему принадлежали все тем же лицам. Перераспределение полномочий между институтами маскировало отсутствие реальных изменений⁶¹.

Раскол в среде знати усиливался в конце XVI — начале XVII в., что привело к еще одному внутреннему кризису в 1628–1629 гг. На этот раз беднейшие и не имевшие политического влияния члены Большого совета поддержали отступника в рядах олигархии Реньера Дзено. В 1625 г. Дзено, выступивший в споре о налогах с мудрецами (*savii*) коллегии на стороне обедневших нобилей, был за это отправлен в ссылку. По возвращении в Венецию Дзено, опираясь на своих сторонников в Большом совете, обрушился с критикой на олигархов, в особенности на дожа Джованни Корнера, и обвинил его и его приспешников в коррупции, разрушающей миф о венецианском правосудии и равенстве всех перед законом. В частности, Дзено назвал семейственность, проявленную Корнером при

справедливости принадлежавших бедным, и за неприглядное поведение членов братства во время шествий: *Il sogno del Caravia*. Venezia, 1541. P. 160–178, BMV, misc. 1890/7. Его протестантский взгляд на вещи вполне выразился в “*La morte de Giurco e Gnagni*”, без места и без даты, BMV, misc. 1945/31. См. также: *Rossi V. Un aneddoto della storia e della Riforma a Venezia // Scritti di critica letteraria, III: Dal Rinascimento al Risorgimento*. Firenze, 1930. P. 191–222.

⁶¹ Lowry M. J. C. The Reform of the Council.

назначении сыновей на высшие правительственные и дипломатические должности, нарушением его коронационной клятвы (*promissione ducale*). После попытки покушения на Дзено, в котором был замешан сын дожа, Большой совет отказался избрать кандидатов от олигархии в Совет десяти и вернуть освободившихся членов этого совета в состав Сената. В то же время олигархия сомкнула свои ряды вокруг дожа. Выход из тупика был найден лишь после вмешательства группировки умеренных во главе с Николом Контарини, заставивших Дзено отказаться от политической деятельности. Они предложили создать комиссию для реформирования Совета десяти. Но снова ничего не изменилось. Как бы то ни было, этот эпизод указывает на пропасть, разделявшую постулаты венецианского мифа и реальные неравенство и несправедливость. В своей «Истории Совета десяти», написанной после событий 1628–1629 гг., Зуан Антонио Веньер говорит о том, что венецианское общество стоит на грани политического развала и его раздрают противоречия между богатыми и бедными патрициями, а методы, применяемые правящей элитой, устарели. Впрочем, сам Веньер поддержал умеренных, предпочтя, таким образом, укрепление официальной репутации города и полномочий его правителей восстановлению подлинного равенства и свободы в рядах аристократии⁶².

Помимо указанных нападок на политику патрициев, есть много других свидетельств о том, что многие из них вовсе не отличались преданностью и самопожертвованием на службе своему городу. Стэнли Чойнацки отмечает, что закрытие Большого совета в 1297 г. и формирование мифа в XVI столетии отделены друг от друга двумя веками конфликтов: в XV в. было вскрыто три заговора против государства, нобили вступали в открытое и жестокое столкновение с законом⁶³. В XVI в. усилия по совершенствованию охраны порядка и отправления

⁶² Rose C. J. Marc [sic] Antonio Venier, Renier Zeno and "The Myth of Venice" // *Historian*. 1974. Vol. 36, N 3. May. P. 479–497. Cp.: Cozzi G. *Il Doge Nicolò Contarini: Ricerche sul patriato veneziano agli inizi del Seicento*. Venezia; Roma, 1958.

⁶³ Chojnacki S. *Crime and the Venetian State*.

правосудия снизили опасность подобных выступлений против правительства, но от этого готовность венецианской знати приносить жертвы на алтарь отечества нисколько не возросла. Как пишет Дональд Е. Квеллер, патриции часто с большой неохотой принимали на себя обременительные административные или дипломатические обязанности. Повторяющиеся законодательные распоряжения свидетельствуют о попытках уклонения со стороны некоторых нобилей, скрывавшихся за границей или в Мурано. Другие платили штрафы, чтобы не служить, или находили изъяны и лазейки в электоральных процедурах, позволявшие избежать назначения, а то и объявляли себя не в ладах с законом, что не позволяло занимать государственные должности. Квеллер не разделяет высокую оценку венецианской дипломатической службы; по его словам, она была обременена проблемами подбора кадров, недостаточного финансирования, конфликта интересов и пробелов в безопасности. До и во время войны Камбрейской лиги Венеция была вынуждена прибегать к опасной политике выплат военного жалования за счет продажи должностей; надежность и лояльность подданных республики снижались, нобили отказывались выплачивать задолженность по налогам и нести военную службу. Растущий объем хищений, совершаемых должностными лицами, и постыдные продажи голосов обедневшими нобилями тем, кто больше заплатит (*broglia*), еще больше подрывали репутацию республики. Даже процессии с участием дожа, которые должны были демонстрировать согласие, царящее в Венеции, часто прерывались ссорами по поводу старшинства, опозданий и буйного поведения присутствующих членов братств. Указывая на такие прискорбные случаи, Квеллер отмечает, что в их основе лежал «льстивый культ ложного венецианского патриотизма и политического искусства» и что очень многие исследователи обращали внимание скорее на официальную мифологию, чем на реальное поведение людей⁶⁴. Понятно, что

⁶⁴ *Queller D. E.* Early Venetian legislation on ambassadors. Geneva: Droz, 1966; *Idem.* The Civic Irresponsibility of the Venetian Nobility // *Economy, Society and Government in Medieval Italy: Essays in Memory of Robert L. Reynolds* / Ed. by D. Herlihy a.o. Kent,

венецианские патриции не были высшей категорией людей, чуждой алчности, своекорыстия и лени. Даже если допустить, что коррупция была заложена в природе республиканских учреждений, Венеции все равно удавалось сохранять относительную политическую стабильность, и многие ее граждане благоговейно верили в миф, а пример республики все так же впечатлял иностранцев.

Не только патриции, будь они достойными или безответственными гражданами, пользовались привилегиями в венецианском обществе. Контарини, превозносивший своих сотоварищей-нобилей за их образцовое поведение, говорил, что в Венеции классовый мир сохранялся благодаря тому, что патриции соблюдали всеобщее равенство перед законом и некоторые должности оставили для народа (*popolo*)⁶⁵. Под народом он понимал ограниченный слой граждан (*cittadini*), наследственной элиты низшего уровня (ее навряд ли можно назвать средним классом, поскольку ее положение зависело не столько от богатств, сколько от закона). У них был ряд экономических, социальных и бюрократических привилегий, которые открывали путь к карьере на постоянной гражданской службе, в низших эшелонах дипломатического корпуса, юриспруденции, в нотариате, торговле и медицине⁶⁶. Доступ в ряды граждан, в отличие от патрициата, был частично открыт для чужестранцев: каждый приезжий, кто прожил в Венеции установленное время, занимался достойным делом и надлежащим образом платил налоги, мог претендовать на звание гражданина (*cittadino*). Некоторые граждане принадлежали к разряду

Ohio, 1969; *Idem*. The Development of Ambassadorial Relazioni // *Renaissance Venice* / Ed. by J. R. Hale. London, 1973. P. 174–196.

⁶⁵ Libby Jr. L. J. *Venetian History and Political Thought*. P. 19.

⁶⁶ Pullan B. Rich and Poor in Renaissance Venice: The Social Institutions of a Catholic State, to 1620. Oxford: Oxford University Press, 1971. P. 99–100; Cochrane E. Kirshner J. Deconstructing Lane's Venice // *The Journal of Modern History*. 1975. Vol. 47, N 2. June. P. 327; Contarini G. De magistratibus et republica Venetorum. P. 19, 22 16, 19–20, английский перевод — p. 141–142; Giannotti D. Libro de la republica de Venetiani. Roma: Blado, 1542. Fol. 16r-v. Нижеследующие сведения о *cittadini* почерпнуты из книги: Pullan B. Rich and Poor in Renaissance Venice. P. 99–108.

избранных (*cittadini originarii*), будучи членами старинных фамилий, поколениями находившихся на государственной службе в качестве секретарей Большого совета, нотариусов канцелярии и дипломатов.

На вершине гражданской пирамиды находился великий канцлер, который занимал особое место во время городских церемоний, превосходя всех должностных лиц из знати, за исключением дожа и его родни, его советников и прокураторов⁶⁷. Церемония вступления великих канцлеров в должность была тщательно разработана, они имели право на публичные похороны, носили особые пурпурные мантии наподобие дожей (*al modo ducale*), были посвящены в государственные тайны и возглавляли свое сословие; как говорит Контарини, были «государями простого народа»⁶⁸. Великий канцлер, будучи главой канцелярии дожа, располагал правом назначения секретарей различных советов, должен был вести официальные протоколы и мог присутствовать на заседаниях правительственных советов. Как профессиональные чиновники, занимавшие свои посты годами, секретари из граждан, вероятно, были лучше знакомы с повседневной административной работой, чем нобили, которые обычно занимали должности лишь несколько месяцев. Опытность граждан придавала им влияние и престиж, и многие из них, таким образом, были искренне заинтересованы в прочности режима и сохраняли преданность ценностям гражданской службы⁶⁹.

⁶⁷ Пуллан в этом отношении не дает полных сведений: *Pullan B. Rich and Poor in Renaissance Venice*. P. 103. См.: *Mosto A., da. L'Archivio di Stato di Venezia*. Vol. 1. P. 219. В 1618–1619 гг. возник спор относительно старшинства между великим канцлером и родственниками дожа; обоснование почетного положения великого канцлера дается Шипионе Ферамеска: “*Discorso sopra la pretentione di precedenza fra li figlioli et frettelli de doge, con il cancelier grande di Venetia*”, MCV (Библиотека Музея Коппер), MS P.D. 701 c/II (n. 9).

⁶⁸ *Contarini G. De magistratibus et republica Venetorum*. P. 129, английский перевод — p. 143–144; *Gilbert F. The Last Will of a Venetian Grand Chancellor // Philosophy and Humanism, Renaissance Essays in Honor of Paul Oskar Kristeller*. Leiden, 1976. P. 502–511.

⁶⁹ *Pullan B. Rich and Poor in Renaissance Venice*. P. 103–104. Говоря о секретаре из граждан, посланном в Англию в 1603 г. для переговоров о возвращении венецианских товаров, захваченных английскими пиратами, сэр Генри Уоттон замечает:

Из граждан рекрутировались также главы Больших школ, пяти (после 1552 г. — шести) богатых и престижных братств, которые помогали бедным, распоряжались благотворительными пожертвованиями, обеспечивали кадрами галеры, содержали больницы, устраивали живые картины для публичных процессий и оказывали покровительство искусствам. Священники, знать и ремесленники-неграждане не могли занимать руководящие посты в Больших школах, хотя доступ к членству в них для этих людей был открыт. Граждане, входившие в исполнительные советы Больших школ, управляли значительными финансовыми ресурсами, и правительство часто обращалось к ним, чтобы повлиять на низшие классы⁷⁰.

При объяснении предполагаемой гармонии, царящей в отношениях между классами в Венеции, часто приводились ссылки на гарантированное участие элиты граждан в государственной службе. Джованни Ботеро отмечал роль Больших школ в поддержании социального порядка и разделял общее мнение о том, что в их лице богатые и честлюбивые горожане, по закону лишенные политических прав, предоставленных патрициям, получали достойное возмещение⁷¹. Сравнивая уважение, питаемое к попечителям Больших школ гражданами, с престижем прокураторов в среде знати, Гаспаро Контарини говорит о вошедшей в поговорку социальной гармонии Венеции: «Такого рода почетные звания учреждены в нашей республике для мужей-плебеев обоего рода, дабы не лишать их совершенно публичных полномочий и гражданских должностей и они могли таким образом удовлетворить свое тщесла-

«Карло Скарамелла должен отправиться домой лишь вследствие незнатности происхождения, хотя он считается одним из самых умелых сотрудников»: *Smith L. P. The Life and Letters of Sir Henry Wotton. Oxford, 1907. Vol. 1. P. 319.*

⁷⁰ Скуоле Гранди — Санта Мария делла Каритá, Сан Джованни Эвангелиста, Санта Мария Вальверде делла Мизерикордия, Сан Марко, Сан Рокко, и после 1552 г. Сан Теодоро — официально имели право включать от 500 до 600 постоянных членов. *Pullan B. Rich and Poor in Renaissance Venice. P. 33–34.* Пуллан говорит о Больших школах, см. p. 33–193.

⁷¹ *Botero G. Relatione della Repubblica venetiana con un discorso intorno allo stato della Chiesa. Venezia, 1605. P. 42, 97–98, 107–108. Cp.: Pullan B. Rich and Poor in Renaissance Venice. P. 75–117.*

вие и самолюбие, а также не питали зависти к нобильскому сословию и не покушались на него. Благодаря такому благо-разумному устройству наша республика достигла того, чего не достигала ни одна из прежних, даже самых замечательных. А именно, с самого начала и до наших дней на протяжении ты-сячи двухсот лет она пребывала в безопасности, не испытывая не только посягательств внешних врагов, но и сколь-либо зна-чительных гражданских распрей. Это было достигнуто не си-лой вооруженных пособников и не благодаря высоким стенам, а с помощью справедливого и умеренного способа управления, при котором народ охотно подчиняется знати и не стремится к каким-либо переменам, а, напротив, скорее питает к ноби-лям большую привязанность»⁷².

Далее Контарини обращается к широко распространенной метафоре, объясняющей, как отцы-основатели Венеции под-ражали в ее устройстве совершенству человеческого тела: знать представляет собой глаза, которые все видят и руково-дят действиями прочих членов; плебс (Контарини в данном случае объединяет граждан и пополанов) — это низшие, менее благородные части организма, которые подчиняются прика-зам свыше. Но здесь есть взаимосвязь, поскольку и глаза, и ко-нечности нуждаются друг в друге для выживания⁷³.

Луиджи да Порто предложил иную и, вероятно, более близкую к истине точку зрения. Во-первых, он отмечает, что граждане по-разному относились к знати: некоторые из них ненавидели патрициев, но их было мало и они оказались «не-решительными»; большинство же лишь недавно прибыло в Венецию и питало такое уважение к ее экономическим свобо-дам, что оставалось надежной опорой знати; другие отлича-лись равнодушием к чуждой им политике⁷⁴. Во-вторых, да

⁷² *Contarini G. De magistratibus et republica Venetorum. P. 131, английский перевод —* р. 146. (См. также выше, с. 157. *Примеч. пер.*)

⁷³ *Ibid. P. 133–134, английский перевод —* р. 148–149.

⁷⁴ *Rose C. J. The Evolution of the Image of Venice. P. 167; Porto A., da. Lettere storiche. P. 128.*

Порто приписывает самому правящему сословию снисходительно-высокомерное отношение к гражданам. По его словам, в речи, произнесенной дожем Леонардо Лореданом (1520–1521), было сказано, что нобили подвергаются всевозможным рискам, связанным с властью, в то время как низшие классы лишь пользуются плодами хорошего правления. Лоредан отрицал, что магистратуры приносят доход их знатным обладателям, и утверждал, что должности, закрепленные за сословием граждан, прежде всего должности секретарей канцелярии, пользуются большим почетом и, соответственно, влиянием⁷⁵. Хотя недавние исследования Брайана Пуллана дают основания утверждать, что привилегии, предоставленные знатью гражданам, обеспечивали лояльность последних и утоляли их политические аппетиты, об отдельных представителях граждан известно так мало, что трудно прийти к определенному выводу относительно их карьерного роста и настроений.

Еще более безликой остается огромная масса венецианских плебеев, которые не имели статуса граждан, но тем не менее, по сравнению с населением других городов XVI в., были чрезвычайно миролюбивы. За исключением редких хлебных бунтов и демонстраций против непопулярных дожей, в Венеции тогда почти не зарегистрировано массовых выступлений, а отщепенцам в рядах высшего класса не удавалось поднять низы на восстание. Немало историков пыталось выяснить причины этого. Некоторые ученые утверждали, что в действительности Венеция была полицейским государством, в котором на пополанов ложилось тяжелое налоговое бремя, их притесняли в судах и в Совете десяти⁷⁶. Альберто Тененти охарактеризовал пополанов в период после XV в. как «почти бесхребетную массу», отчужденную от власти, связанную со своими правителями только сиюминутными интересами и лишенную «культурных мифов», бытовавших в среде патрициа-

⁷⁵ Rose C. J. The Evolution of the Image of Venice. P. 168–173.

⁷⁶ Cochrane E., Kirshner J. Deconstructing Lane's Venice. P. 328.

та⁷⁷. Действительно, на протяжении XVI в., судя по ряду признаков, межклассовое напряжение росло, по мере того как патриции наращивали свои привилегии в ущерб всему обществу⁷⁸. Безмолвие пополанов отчасти могло быть вызвано пестротой населения, текучесть которому придавала иммиграция, и поэтому не доставало ресурсов для эффективной организации⁷⁹. Фредерик Лэйн указывает на другие причины: в Венеции не было постоянного воинского контингента, который навел бы страх на население, а лояльность и повиновение подданных были связаны с постоянным снабжением продовольствием, эгалитарностью правосудия, которая, разумеется, не означала равенства экономических или политических возможностей, а также с наличием приходских организаций, смягчавших социальную напряженность, и с устройством частых празднеств и зрелищных процессий, вызывавших чувство сопричастности у пополанов⁸⁰.

Важным органом социально-экономического контроля были также цехи. Патрицианское правительство всегда старалось держать цехи в руках, поэтому они никогда не играли такой политической роли, как во Флоренции, и правительство могло контролировать экономику. Тем не менее цехи имели право обращаться в различные государственные учреждения, которые, по словам Ричарда Тилдена Раппа, внимательно прислушивались к их запросам⁸¹. Исследование Пола Грендлера о венецианских книгоиздателях, которые обычно находили

⁷⁷ Tenenti A. The Sense of Space and Time. P. 19–21.

⁷⁸ Muir E. Images of Power; ср.: Tucci U. The Psychology of the Venetian Merchant in the Sixteenth Century // Renaissance Venice / Ed. by J. R. Hale. London, 1973. P. 364–378.

⁷⁹ Да Порто признает это в отношении Венеции XVI в. (Rose C. J. The Evolution of the Image of Venice. P. 167). Хотя исследование С. Р. Элла (Ell S. R. Citizenship and Immigration in Venice, 1305–1500: Ph.D. diss. Chicago, 1976) относится к более раннему периоду, оно подтверждает предположение о том, что иммиграция придавала нестабильность социальной структуре Венеции. Ср.: Herlihy D. The Population of Verona in the First Century of Venetian Rule // Renaissance Venice / Ed. by J. R. Hale. London, 1973. P. 91–120.

⁸⁰ Lane F. C. Venice... P. 271–273.

⁸¹ Rapp R. T. Industry and Economic Decline in Seventeenth Century Venice. Cambridge, Mass., 1976, особенно п. 15–16, н. 2.

среди патрициев тех, кто был готов защищать экономические интересы их цеха от нападков инквизиционной цензуры, также опровергает тезис о том, что правительство успешно подавляло все возможные всплески недовольства цехов⁸².

Однако на вопрос о том, почему пополаны Венеции проявляли столь не характерную для их сословия пассивность, трудно дать однозначный ответ. Как отмечал Брайан Пуллан, низшие слои ренессансной Венеции почти не оставили свидетельств о том, почему они, сознательно или нет, предпочитали терпеть «столь жесткий, столь элитарный и столь болезненно подозрительный режим»⁸³. Пуллан вполне обоснованно утверждает, что суждения о причинах стабильности Венеции неизбежно принимают спекулятивный характер, поскольку те, кто пассивно или даже неохотно терпит, не оставляют свидетельств своей мыслительной деятельности, в отличие от мятежников, выдвигающих собственные требования и предлагающих альтернативы. Прекрасно разбираясь в венецианской социальной истории, Пуллан в конце концов вынужденно возвращается к элементам венецианского мифа, чтобы объяснить необычайную стабильность республики. По мнению Пуллана, устройство Венеции было смешанным. Но коль скоро мы принимаем постулат, что «политическое тело» республики составлял немногочисленный наследственный патрициат, «который представлял собой венецианское государство в миниатюре», тогда представление Контарини о «смешанном устройстве» республики становится вполне приемлемым. Во-вторых, Пуллан отмечает, что в Венеции существовал многочисленный средний класс. Люди среднего достатка, как нобили, так и граждане, могли получить дополнительный заработок на государственной службе; напротив, финансовое бремя, сопряженное с престижными должностями, было столь велико, что часто становилось тяжким даже для обладателей очень

⁸² Grendler P. F. *The Roman Inquisition and the Venetian Press, 1540–1605*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977.

⁸³ Pullan B. *The Significance of Venice*. P. 462.

больших состояний. Действительно, такие должности занимали лишь те, кто мог соответствовать высоким запросам государства: «...придворные сами содержали двор». В-третьих, Пуллан указывает на то, что Венеция исключила участие духовных лиц в тех сферах, где они могли оказывать политическое влияние. Хотя так поступали и другие католические державы, для венецианцев это был акт самозащиты в связи с попытками курии использовать духовное оружие в светских конфликтах⁸⁴. В результате сформировался определенный устойчивый режим, в котором не гарантировалось благонравное поведение нобилей или граждан, но их лояльность обеспечивалась достаточным удовлетворением их нужд, и авторитет власти ревностно охранялся перед лицом любых потенциальных угроз.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МИФА

В отличие от мертвых классических моделей и эфемерных утопических мечтаний, ренессансная Венеция обладала особой притягательностью для иностранцев, искавших идеальный способ правления: именно здесь республиканская идеология воплощалась в реальном, осязаемом государстве⁸⁵. Его образ привлекал или отталкивал чужеземцев, но Венеция всегда была в центре дискуссий. Не только венецианцы считали свою конституцию идеальной, эту идею в масштабах всей Италии разрабатывали гуманисты XV в. Впервые охарактеризовал правление Венеции как «смешанное» один из них, Пьер Паоло Верджерио, который отметил, что устройство этой аристократической республики чрезвычайно удачно благодаря тому, что в нем заложены и некоторые демократические и монархические элементы. В начале XV в. Георгий Трапезунд-

⁸⁴ *Pullan B.* The Significance of Venice. P. 453–461.

⁸⁵ *Castellan A. A.* Venecia como modelo de ordenamiento político en el pensamiento italiano de los siglos XV y XVI // *Anales de historia antigua y medieval.* 1963–1965. Vol. 12. P. 13.

ский, покровителем которого был влиятельный венецианский патриций Франческо Барбаро, первым провел аналогию между венецианской конституцией и республикой, описанной в «Законах» Платона, где последний доказывал, что при хорошем правлении сочетаются власть одного, власть нескольких и власть многих. По мнению Георгия Трапезундского, такое полное совпадение не могло быть случайным, поэтому венецианцам следовало бы почитать Платона как своего законодателя подобно афинянам, почитавшим Солона, и спартанцам, называвшим таковым Ликурга. Почти сто лет спустя Контарини в своем трактате возвел соображения Георгия Трапезундского в систему⁸⁶.

В Италии пример Венеции особенно занимал флорентинцев, у которых также имелась стойкая республиканская традиция городского государства. Притягательность венецианского идеала для флорентинцев обнаружилась после 1410 г., когда в спорах Венеция часто упоминалась как единственный город, кроме Флоренции, который способен сохранять республиканское устройство. Так, в ходе ожесточенных дебатов по поводу фискальной реформы в 1422–1427 гг. флорентийские сторонники проведения налоговой переписи (*catasto*) призывали своих сограждан подражать примеру Венеции⁸⁷. Недовольные слабым и неэффективным режимом, установившимся после изгнания семейства Медичи в 1494 г., флорентинцы, пребывавшие в поисках образцов политической стабильности, снова обратились к венецианскому мифу, облеченному в привлекательную гуманистическую оболочку такими писателями, как Франческо Патрици, Поджо Браччолини, Маркантонио Сабеллико и Франческо Негри⁸⁸. До 1494 г. их усилия были оценены лишь узким кругом приближенных к семейству Медичи

⁸⁶ Gilbert F. The Venetian Constitution in Florentine Political Thought. P. 468–470.

⁸⁷ Brucker G. The Civic World of Early Renaissance Florence. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977. P. 317–318.

⁸⁸ Gilbert F. The Venetian Constitution in Florentine Political Thought. P. 464–465; Pecchioli R. II 'mito' di Venezia e la crisi fiorentina intorno al 1500 // Studi Storici. 1962. N 3. P. 451–492.

первых лиц (*primati*), которым аристократический характер венецианского правления был по душе. Однако после позорного бегства Пьеро Медичи из Флоренции число поклонников Венеции возросло, и ее государственное устройство стало предметом более открытого обсуждения. С ним были связаны два главных нововведения: учреждение в 1494 г. Большого совета и новой системы избрания на должности, а также введение пожизненного срока пребывания на посту для гонфалоньера правосудия в 1502 г. Эти мероприятия преследовали почти противоположные цели: реформа 1494 г. должна была расширить демократический фундамент режима, а поправка 1502 г. укрепляла влияние аристократии во Флоренции⁸⁹. Савонарола был сторонником реформ 1494 г. и в своих речах призывал принять новые законы, чтобы улучшить моральную и духовную атмосферу в городе, тогда Флоренция смогла бы стать Новым Иерусалимом; он предлагал взять за образец венецианское устройство. Монах приветствовал подражание Венеции прежде всего потому, что выборная система и Большой совет, по его мнению, устранили бы гражданский разлад и обеспечили внутренний мир, но на него могли повлиять и первые лица, которые боялись еще более радикальных реформ и полагали, что венецианская система поможет сохранить аристократические привилегии. Однако в конечном счете заигрывание флорентинцев с венецианской моделью при Савонароле выглядит несущественным и второстепенным в сравнении с их энтузиазмом по отношению к собственным пророчествам проповедника⁹⁰.

Великие перемены в истории флорентийской политической мысли, которые привели к зарождению современной политической мысли вообще, произошли после падения Савонаролы; их основой стали дискуссии, которые велись в садах Бернардо Ручеллаи (Орти Оричеллари) в 1502–1506 гг.

⁸⁹ *Gilbert F. The Venetian Constitution in Florentine Political Thought. P. 470–478.*

⁹⁰ *Weinstein D. Savonarola and Florence. P. 30, 151–156, 248–261, 308; Gilbert F. The Venetian Constitution in Florentine Political Thought. P. 479–480; Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. P. 11–113.*

Уникальный историко-психологический метод обсуждения политических вопросов, выработанный на встречах в Орти Оричеллари, был использован тремя выдающимися флорентийскими мыслителями, писавшими о Венеции: Никколò Макиавелли, Франческо Гвиччардини и Донато Джаннотти. Макиавелли участвовал в дискуссиях по поводу Венеции, разворачивавшихся в садах после смерти Бернардо Ручеллаи в 1514 г., и, хотя он был сторонником широкого представительства граждан, Макиавелли не разделял всеобщего восхищения венецианским аристократическим устройством и стал одним из наиболее последовательных его критиков. У него было много претензий к Венеции. Венецианцы одновременно дерзки и робки; убедившись после поражения при Аньяделло в иллюзорности своей власти, они не убавили своей спеси, наглости и алчности. Устройство Венеции не было смешанным или демократическим, в ней правит аристократия, склонная злоупотреблять своей властью и чрезвычайно агрессивная в силу своей упадочной «изнеженности». Макиавелли отдавал решительное предпочтение Генуе в качестве политического образца, поскольку генуэзская система, основанная на ополчении граждан, обеспечивала военную мощь, которую венецианская система, с ее опорой на наемников, не могла поддерживать. А в политике в конечном счете все решает военная мощь⁹¹.

Гвиччардини, будучи сам одним из первых лиц (*primato*), сомневался в актуальности макиавеллиевского идеала гражданского ополчения для Флоренции и испытывал уважение к той стабильности, которая поддерживалась в Венеции безоружным меньшинством. Как и Макиавелли, Гвиччардини не разделял идею о том, что Венеция соблюдала баланс трех

⁹¹ *Gilbert F. Bernardo Rucellai and the Orti Oricellari: A Study of the Origin of Modern Political Thought // Journal of the Warburg and Courtauld.* 1949. Vol. 12. P. 101–131; *Idem. Machiavelli e Venezia // Lettere Italiane.* 1969. Vol. 21. P. 389–398; *Matteucci N. Machiavelli, Harrington, Montesquieu e gli 'Ordini' di Venezia // Il pensiero politico.* 1970. III. Dicembre. P. 337–370; *Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment.* P. 185–186; *Rose C. J. The Evolution of the Image of Venice.* P. 13–46.

форм правления. Он считал ее устройство аристократическим, но так как, с его точки зрения, доблесть являлась атрибутом элиты, этот факт говорил сам за себя. Гвиччардини одобрял принцип пожизненного избрания дожа, потому что эту должность следовало занимать опытному руководителю и ограничение власти дожа сохраняло свободу; в то же время он критически относился к венецианской электоральной системе, которая оставляла место для интриг и фракционных союзов⁹². «Диалог об управлении Флоренцией» (*“Dialogo del reggimento di Firenze”*) Гвиччардини, более сбалансированный по сравнению с критическим суждением Макиавелли, в целом отражает аристократический взгляд на устройство Венеции, которое на протяжении десятилетий служило заманчивым образцом для флорентийских *primati*.

Донатو Джаннотти, республиканец, принадлежащий к поколению после Макиавелли и Гвиччардини, стал автором наиболее основательного флорентийского очерка венецианской конституции. Находившийся в оппозиции к реставрированному режиму Медичи 1512–1527 гг. и хорошо знакомый с Венецией, Джаннотти был одновременно и поклонником последней, и почитателем Макиавелли. В своей «Книге о Венецианской республике» (*“Libro de la republica de Vinitiani”*, 1525–1526) он предлагал флорентинцам вернуться к гражданскому ополчению, но при этом позаимствовать лучшие черты венецианского правления⁹³. Джаннотти отверг благостное риторическое утверждение Георгия Трапезундского о том, что Венеции следовало бы почитать Платона как своего героя-законодателя. Историческая проницательность Джаннотти привела его к выводу, что политические учреждения Венеции сложились благодаря размышлениям ее руководителей над опытом прошлого. Джаннотти считал, что Венеция заслуживает восхищения не тем, что при ее основании была проявлена

⁹² Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment*. P. 181–271, особенно p. 256–263. Ср.: Rose C. J. *The Evolution of the Image of Venice*. P. 47–107.

⁹³ Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment*. P. 272–273, 306; Starn R. *Donato Giannotti and His Epistolae*. Genève: Librairie Droz, 1968. P. 18–22.

необыкновенная мудрость, а долгой историей своей стабильности⁹⁴. Венецианский правящий класс, который приобрел черты наследственной аристократии после реформы 1297 г., не враждовал с бедными и завоевал доверие низших классов. Он разработал также сложную электоральную систему назначения на должности и голосования, которая, по выражению Покока, «механизировала использование достоинств»; благодаря чередованию выборов и жеребьевки в этой системе сочетались элементы отбора и случайности, в то же время перед каждым голосующим была четкая альтернатива и он не зависел от групповых пристрастий⁹⁵. Книга Джаннотти соперничала в популярности с трактатом Контарини “De magistratibus” в качестве источника сведений о венецианском правлении, так что различия между этими двумя сочинениями приобрели существенное значение. Контарини опирался на аристотелевскую модель и описывал Венецию как общество, состоящее из двух классов — нобилей и плебеев; Джаннотти, напротив, более точно указывал на юридически оформленное наличие трех сословий в Венеции — нобилей, граждан и простолюдинов⁹⁶. Кроме того, Джаннотти отказался от представления Контарини о смешанном устройстве Венеции и, подчеркивая особое положение знати, использовал образ пирамиды для описания иерархии учреждений: Большого совета, Сената, коллегии и догата⁹⁷. В результате расхождения мнений Контарини и

⁹⁴ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. P. 280–281, 319.

⁹⁵ Giannotti D. Libro de la republica de Vinitiani. Fol. 20r-v; Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. P. 279–285.

⁹⁶ Giannotti D. Libro de la republica de Vinitiani. Fol. 21r-v.; Gilmore M. P. Myth and Reality. P. 7.

⁹⁷ “Et se voi considerate bene la rendono simile ad una piramide. La quale si come voi sapete ha la basa larga, poi à poco à poco si restringe, et finalmente in un punto fornisce”. («И если вы как следует поразмыслите, они делают ее подобной пирамиде, у которой, как вам известно, есть широкое основание, а затем она постепенно сужается и наконец сводится к одной точке») (Giannotti D. Libro de la republica de Vinitiani. Fol. 23-r); ср.: Gilmore M. P. Myth and Reality. P. 436; Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. P. 286: Покок отмечает, что Джаннотти в своей книге повсеместно, по-видимому, исходит из теории смешанного правления применительно к Венеции.

Джаннотти сложилось двойственное впечатление об устройстве Венеции: было ли оно основано на смешанном правлении или на аристократическом?⁹⁸ Двусмысленность этой модели только усиливала ее притягательность. Что может быть соблазнительнее, чем политическая многогранность? Венецианская государственность, рассматривавшаяся под тем или иным углом зрения, могла стать какой угодно в зависимости от того, что было желательно или необходимо.

Венецианская и флорентийская литература была настоящим кладом мнений о республике на Адриатике, но следует помнить и о том, что Джина Фазоли назвала венецианским «антимифом», в основном это было детище зарубежной пропаганды, которая описывала венецианский режим как тиранический, гнусный и несостоятельный в военном отношении⁹⁹. В создание этого антимифа внес свой вклад, безусловно, Макиавелли, но его истоки можно возводить по меньшей мере к «Вопрошанию о наилучшем образе жизни» (*“Dragmatologia de eligibili vitae genere”*) Джованни Конверсино да Равенна, который жил в Падуе между 1390 и 1405 г. и которого Ханс Барон назвал «падуанским Салютати своего времени». В этом сочинении сопоставлялись республики и тирании. Последние автор считал высшей формой правления, исходя из того, что интересы государя совпадают с общими интересами и таким образом при тирании можно избежать пристрастий и насилия. Он отдавал предпочтение этой форме перед республиками, которые, как Венеция, были несостоятельными и склонными к колебаниям¹⁰⁰.

Антивенецианские настроения еще более обостряла территориальная экспансия на терраферме в течение XV в.; Венеция часто подвергалась осуждению за безграничное стремление господствовать над другими и честолюбивые намерения создать итальянскую империю в подражание Древнему

⁹⁸ Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment*. P. 100.

⁹⁹ Fasoli G. *Nascita di un mito*.

¹⁰⁰ Baron H. *The Crisis of the Early Italian Renaissance*. P. 134–145.

Риму¹⁰¹. Антимиф пережил поражения Венеции в войне Камбрейской лиги, и на протяжении XVI–XVII вв. к нему прибегали всякий раз, как венецианская гордыня вступала в противоречие с интересами какой-либо из иноземных держав. Самым известным сочинением этого жанра стало написанное в XVII в. «Разыскание о венецианской свободе» (*Squintinio della libertà veneta*), которое представляло собой историческое опровержение утверждений о царящей в Венеции свободе. В нем говорилось, что изначально город находился под чужой юрисдикцией и подчинялся нескольким императорам и что нобили узурпировали права народа (*popolo*), лишив его гражданских прав¹⁰².

Наибольшее распространение антимиф приобрел в монархической Франции, где венецианские идеи вступали в противоречие с доминирующими в политической мысли XVI–XVII вв. абсолютистскими тенденциями. Это очень отчетливо выразилось в сочинениях главного теоретика суверенитета Жана Бодена. Его репутация как оригинального мыслителя во многом зиждется на характерном опровержении излюбленного ренессансного трюизма относительно оптимальности смешанного правления. Мишенью критики Бодена стало сочинение Гаспаро Контарини. Боден утверждал, что устройство Венеции было аристократическим, а ее стабильность оказалась иллюзорна. Концепция смешанного правления в целом противоречила боденовской идее суверенитета, который, по определению, не может быть расчленен и способен пребывать только в одном месте и одном учреждении. Соответственно, Боден придумал новую метафору венецианского способа управления — последовательность концентрических кругов с увеличивающимся диаметром: в центре находился дож, а

¹⁰¹ Rubinstein N. Italian Reactions to Terraferma Expansion.

¹⁰² “Gli Cittadini e popolari di Venetia non tengono maggior libertà di quello tenga qual si voglia Città soggetta”. («Граждане и популяры Венеции пользуются не большей свободой, чем в любом поработанном городе») (*Squintinio della libertà veneta*, nel quale si adducono anche le ragioni dell’Impero Romano sopra la città & signoria di Venetia. P. 75). См. также: Campanella T. Antiveneti / Ed. by L. Firpo. Firenze, 1945.

внешний круг представлял собой носителя высшей власти — Большой совет. Эта картина изображала венецианское государство единым, и отдельные советы в нем были не проявлениями разных форм власти, как полагал Контарини, а только носителями специфических функций. Боден считал, что аристократическое правление менее стабильно, чем монархия, и с этой точки зрения отрицал полезность венецианского социального механизма: если в Венеции и была стабильность, то не вследствие ее формы правления, а только благодаря тому, что патриции заботились о вознаграждении посполанов и соблюдали равенство перед законом¹⁰³. Доводы Бодена были исторически обоснованны и теоретически верны, однако пристрастность его толкования показывает, насколько велика была роль предвзятых идей в понимании и осмыслении венецианского образа правления.

В Польше венецианский миф был принят более благосклонно, поскольку между Венецией и Польшей протянулись многочисленные нити, связывавшие их в общей борьбе с турками, во взаимовыгодной торговле, в обучении польских студентов, отправлявшихся в Падуанский университет. О распространении венецианских конституционных идей среди польского дворянства свидетельствуют два сочинения начала XVII в. о Венеции — Павла Пальчовского и Христофора Варшевицкого. Польские политические писатели и парламентские ораторы черпали свои идеи в основном из трактата Контарини “*De magistratibus...*” и часто ссылались на смешанное устройство Венеции как на образец для подражания Кракову, в особенности одобряя систему советов, способы баллотировки, рассмотрение качеств кандидатов при назначении на должности и ограничение власти дожа. После смерти Сигизмунда II в 1572 г. польские короли, наподобие дождей, избирались пожизненно, без права передачи короны по наследству и должны были приносить клятву соблюдать договорные обяза-

¹⁰³ *Gianturco E. Bodin's Conception of the Venetian Constitution and His Critical Rift with Fabio Albergati // Revue de littérature comparée. 1938. Vol. 18. P. 684–695; Gilmore M. P. Myth and Reality. P. 440–442.*

тельства (*pacta conventa*) в подражание венецианской присяге дожа (*promissione ducale*). Сходство польской истории с венецианской в смысле господства аристократии способствовало оглядке на южную родственницу; анонимный польский автор трактата «Какова свободная республика?» (*“Libera respublica qual sit”*) утверждает, что было только три настоящих республики — Рим, Венеция и Польша (последняя, естественно, величайшая из всех, потому что самая обширная) — и что как в Венеции, так и в Польше нобилитет пользуется исключительными политическими правами¹⁰⁴. В борьбе за власть с постоянно растущими притязаниями королей и за расширение прав шляхты поляки регулярно указывали на преимущества аристократического режима в Венеции.

Англичане проявляли постоянный интерес к Венеции, но особенно он заметен в эпоху короля Якова, двух Карлов и Республики (*Commonwealth*). Первым из уроженцев Британских островов подробное описание Северной Италии, полное хвалебных эпитетов, составил ирландский францисканец Саймон Фиц-Саймон после своего паломничества в Египет и Палестину в 1323 г. С него начинается традиция воздавать должное драгоценным религиозным реликвиям Венеции и ее великолепным процессиям, ее продолжил Уильям Вей, совершивший свои путешествия в 1458 и 1462 гг., и автор анонимных хроник паломничества сэра Ричарда Гилфорда, опубликованных в 1511 г. Венеция представляла перед глазами этих гостей в блеске почти восточной роскоши¹⁰⁵. Уильям Томас, посетивший Венецию в 40-е гг. XVI в., посвятил в своей «Истории Италии» первую в английской истории апологию ее политическим традициям: «...их главной заботой является свобода, и

¹⁰⁴ *Biliński B.* Venezia nelle peregrinazioni polacche del Cinquecento e lo Sposalizio del Mare di Giovanni Siemuszowski (1565) // *Italia, Venezia e Polonia tra umanesimo e Rinascimento* / Red. M. Brahmer. Warsaw, 1967. P. 289–290; *Koranyi K.* La costituzione di Venezia nel pensiero politico della Polonia // *Ibid.* P. 206, *passim*.

¹⁰⁵ *Parks G. B.* The English Traveler to Italy, The Middle Ages (to 1525). Stanford, 1954. P. 579–585.

тот, кто посягает на права другого, немедленно объявляется тираном, а это звание для них самое нетерпимое из всех»¹⁰⁶.

По крайней мере для англичан свобода стала одной из главных черт венецианской политической жизни. В конце XVI в. путешественники, в том числе Ричард Торкингтон, Файнс Морисон и Томас Кориат, привозили домой увлекательные рассказы о жизни в Венеции; Джон Хэйл утверждал, что в эпоху Елизаветы и Якова англичане ездили в Италию в основном для изучения венецианской конституции, хотя, как можно убедиться благодаря комедии Бена Джонсона «Вольпоне», лорд-политик Вуд Би специализировался скорее на куртизанках, чем на конституциях. Еще более полные сведения о венецианском управлении содержались в английских переводах «Истории Италии» Гвиччардини и трактата Контарини «О магистратах» (1599), так что в XVII в. особое британское представление о венецианском образе жизни вошло в обиход литературных и культурных кругов английского образованного общества. Не менее активно использовались труды Паоло Сарпи: их цитировали, копировали, на них ссылались, их опровергали, так что они стали неотъемлемой частью английской литературной традиции. Шекспир продемонстрировал большой интерес к Венеции и более значительные познания о ней, чем по отношению к любому другому итальянскому городу; его пьесы полны описаний деталей ее управления, торговой жизни, городского ландшафта и архитектуры. Бен Джонсон в «Вольпоне» противопоставляет убогой морали некоторых своих персонажей беспристрастие венецианского суда, перед которым они предстали; он считал, что венецианские порядки служат обузданию неумеренных страстей, присущих итальянцам¹⁰⁷.

Однако, для того чтобы венецианский политический идеал стал по-настоящему привлекательным для Англии, нужно

¹⁰⁶ *Thomas W. The History of Italy. Ithaca, N.Y., 1963. P. 72.*

¹⁰⁷ *Moryson F. Itinerary Containing his Ten Yeeres Travell. London, 1617. P. 74–90. (Возможно, сноска на сочинение Морисона применительно к Джонсону дана ошибочно. Примеч. пер.)*

было дожидаться пуританской революции, принесшей относительную свободу печати и интерес к политическим формам, альтернативным монархии. В эпоху Кромвеля венецианский образец пропагандировался в двух сочинениях: "S. P. Q. V. , a Survey Of The Signorie Of Venice, Of Her Admired Policy, And Method Of Government, Etc., With A Cohortation To All Christian Princes to Resent Her Dangerous Condition at Present by James Howell" («Сенат и народ Венеции. Взгляд на Венецианское государство, его поразительную политику и способ правления и пр. С призывом ко всем христианским государям обратить внимание на грозящие ему опасности» Джеймса Хауэлла) (London, 1651) и "Oceana" («Океания») Джеймса Харрингтона, опубликованном в 1656 г. и посвященном Кромвелю. В труде Хауэлла, соединившем в себе историю и панегирик, в качестве основы использовалась работа Паоло Сарпи, но она не была названа: автор апеллировал ко всем атрибутам мифа о Венеции: ее красоте, свободе и мудрому правлению. Пролог к нему создает образ незыблемой прочности Венеции с помощью ряда сексуальных метафор и словесной игры, которые, как полагают, должны были передать, хотя и в довольно грубой форме, женственные прелести города.

Upon the Citty and Signorie of Venice¹⁰⁸

Could any State on Earth Immortal be,
 Venice by Her rare Government is she;
 Venice Great Neptunes Minion, still a Mayd,
 Though by the warrlikst Potentats assayed;
 Yet She retains Her Virgin-waters pure,
 Nor any Forren mixtures can endure;
 Though, Syren-like on Shore and Sea, Her Face
 Enchants all those whom once she doth embrace,
 Nor is ther any can Her beauty prize
 But he who hath beheld Her with his eyes:

¹⁰⁸ Цит. по: Pullan B. The Significance of Venice. P. 453; Livesay J. L. Venetian Phoenix: Paolo Sarpi and some of his English friends, 1606–1700. Lawrence: University Press of Kansas, 1973. P. 9–97.

Those following Leaves display, if well observed,
How she so long her Maydenhead preserved,
How for sound prudence She still bore the Bell;
Whence may be drawn this high-fetched parallel,
Venus and Venice are Great Queens in their degree,
Venus is Queen of Love, Venice of Policie¹⁰⁹.

Посещению Венеции в 1634 или 1636 г. был обязан своим вдохновением, хотя и не поэтическим, Харрингтон, более серьезный политический мыслитель, который попытался нарисовать по венецианскому образцу утопический проект для Англии с учетом критических высказываний Макиавелли. В нем предусматривалось использование ополчения граждан для безграничного расширения владений, как в Древнем Риме, и вместе с тем обеспечивались свобода и стабильность, как в Венеции, благодаря уравниловке политических институтов. Харрингтон был горячим сторонником тайного голосования, ротации чиновников и венецианского смешанного правления — все это, по его мнению, ограничивало власть богатых. Однако его приверженность народовластию сочеталась

¹⁰⁹ **О граде и синьории Венеции**

Коль скоро на Земле возможен вечный град,
Так то Венеция, чей редкостен уклад;
Любимица Нептуна неприступна,
Воинственным соседям недоступна,
Спокоен лик ее чистейших вод,
Куда чужим всегда заказан вход;
Притом на суше, на воде ее влекущий лик
Чарует всех, кто к ней едва привык,
Ведь красоту ее способен тот понять,
Кто взором хоть бы раз сумел ее обнять.
И далее хотим мы объяснить,
Как удалось ей долго девство сохранить
И почему средь мудрецов ее звезда царит,
Хотя сравнение здесь мало говорит.
В политике Венеции нет равных,
В любви — Венере, обе этим славны.

(В Интернете есть русский перевод этого стихотворения (www.diary.ru/search), но я привожу здесь свой ввиду отсутствия официальной ссылки для цитирования. Примеч. пер.).

Эдвард Мюир

[RES-PUBLICA]

с желанием сохранить влияние просвещенного патрициата, и эта двусмысленность придает сочинению Харрингтона, наполненному изящными софизмами, полностью противоположный по сравнению с сочинением Хауэлла тон¹¹⁰. «Океания», пользовавшаяся широкой популярностью в следующем веке, давала англичанам и жителям американских колоний представление о Венеции в форме утопии.

Даже после Реставрации интерес к Венецианской республике оставался большим: Джон Хэйл насчитал не менее десяти книг, изданных между 1668 и 1672 гг., которые так или иначе рассматривали вопрос об устройстве Венеции. В это время внимание к ней англичан далеко превосходило их интерес к Флоренции. В Америке Уильям Пенн под влиянием Харрингтона включил пункты о тайном голосовании в свои проекты колониальных конституций Пенсильвании и Нью-Джерси как действенную меру против коррупции¹¹¹. Вообще в периоды политической неопределенности в западном мире венецианский идеал был особенно привлекателен для умеренных реформаторов, которые ненавидели тиранию, но боялись установления народной демократии; впрочем, ни у кого из этих реформаторов не было точных представлений о венецианской конституции. В то же время образ Венеции был достаточно притягателен, чтобы заставить многих врагов ренессансной республиканской традиции опровергать доводы сторонников венецианского устройства. Это относится к Бодену и даже Монтескье, который, считая, что свобода и социальная стабильность не входят в число достижимых политических целей, постарался представить Венецию как деспо-

¹¹⁰ *Matteucci N. Machiavelli, Harrington, Montesquieu... P. 349–359; Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. P. 332, 392–394.*

¹¹¹ *Hale J. England and the Italian Renaissance: The Growth of Interest in its History and Art. London, 1954. P. 29–32, 40–42; Fink Z. S. Venice and English Political Thought in the Seventeenth Century // Modern Philology. 1940. Vol. 38. P. 15–172; Idem. The Classical Republicans: an Essay in the Recovery of a Pattern of Thought in Seventeenth-Century England. Evanston: Northwestern University Press, 1962. P. 28–51; Smith R. H. F. Harrington and His Oceana: A Study of a Seventeenth-Century Utopia and Its Influence on America. Cambridge, U.K., 1914. P. 37–38, 170–171.*

тическую республику, где свобода ограничивается плясками с распутными женщинами¹¹².

Итак, за рубежом венецианский миф зажил собственной жизнью и вовлек в свою орбиту таких разных людей, как Савонарола во Флоренции и Уильям Пенн в Филадельфии. Вместе с тем этот миф по сей день затрудняет понимание истинной природы его героини.

© Reprinted by permission of Princeton University Press

¹¹² *Matteucci N. Machiavelli, Harrington, Montesquieu... P. 360–369.*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

латинский оригинал	итальянский перевод	английский перевод	русский перевод
advocatorius	avogaria	advocatory	авогадория / авогадор 65, 66–68, 81, 85, 110, 113–119, 121–124, 130, 143, 151
civis	cittadino	citizen	житель 52–53, 87–89, 127, 131, 140, 143, 156, 158; гражданин 53–54, 57–58, 61–76, 78–94, 96, 99–104, 107–112, 114–116, 118–119, 121, 128–135, 139–142, 144–148, 150, 152, 155, 159; гражданство 62, 146
civitas	citta'	city	город 50, 51, 57, 59, 61–64, 78, 80, 83, 89, 98–100, 107–108, 111–112, 119, 123, 131–132, 135–136, 140, 142–143, 150–151, 158; государство 56, 76, 78, 80
consilium	consiglio	council	совет 61–62, 64–69, 76, 81, 83, 87, 89–92, 97, 99–100, 102, 107, 110, 113–115, 117, 119–122, 130, 145, 155
dux	doge	prince, duke	вождь 52, 54; дож 54, 64, 67, 81, 83–85, 87–88, 92–97, 104–105, 107, 111, 121, 136, 139, 155; государь 86, 88, 91
gens	gente, famiglia, sorte	nation, family, sort	народ 50, 128, 136, 145, 147; нация 50–51, 140; род 54, 69, 100, 132, 153; вид 62, 75, 89, 112, 153
globulus	balotta	ball	шарик 65, 68–71, 73, 90–91, 117

- * Содержит сопоставление некоторых социально-политических терминов оригинального латинского текста (первое издание 1543 г., здесь цитаты приведены по изданию 1571 г.) с их соответствиями в итальянском (1564 г.), английском (1599 г.) и русском (предлагаемом в настоящем издании) переводах. В столбце, содержащем русскоязычные термины, приведены номера страниц, на которых встречается соответствующий термин. Составитель А. А. Вовин.

латинский оригинал	итальянский перевод	английский перевод	русский перевод
gubernatio	governo, governare	government	управление 57, 59, 64, 75, 80, 99, 103, 111–112, 121, 123, 130, 135, 139–140, 142–143, 151, 157, 159; власть 57, 60, 80, 97, 153; правление 60, 62, 64, 75–78, 80, 99, 151; влияние 62, 89, 112
imperator	gran capitano, generale	great captain, general	полководец 56, 145–146; (главно)командующий 67, 103, 112, 149–150
imperium	imperio	empire, gov- ernment, rule	власть 53, 59, 86, 127, 142, 145, 150–151, 158; держава 67; империя 141, 146; государство 142
institutio	ordine, instituzione	order, institution	учреждение 55, 61, 64, 75, 77, 98–99, 104, 107, 112, 127, 136, 144, 148; устройство 56, 60–63, 67, 75–76, 79, 97, 112, 121, 141, 144, 151–152, 157, 159
magistratus	magistrato, ufficio	magistrate, office	магистрат 65–66, 68, 70–71, 74–77, 81, 91–92, 96–97, 99–100, 104, 109, 113–114, 119, 122–125, 127–133, 135–137, 139–143, 149–150, 154–155; должностное лицо 62, 64, 66–67, 70, 79, 82–83, 101, 112, 114, 122, 124–125, 127, 129, 135, 137, 143, 149, 150; должность 64–65, 67, 69–77, 80–81, 83, 85, 93, 96, 100–104, 108, 113, 115, 118–123, 130, 132, 134–136, 139–140, 142, 148, 151, 154–155, 157–158
munus	ufficio, dono	office, gift	обязанность 56, 61, 66, 75, 79–80, 83–84, 89, 95, 97, 102, 104, 108, 110, 115, 119, 123, 126, 132, 135–136, 139–140, 142, 144, 148, 151, 155, 159; дело 56, 61, 64, 66, 80, 81, 83, 88–89, 96–97, 99, 101, 103–104, 109–117, 119–130, 136, 139–142, 145, 147–148, 151–152, 154, 156, 159; роль 104, 115–116; дар 96; полномочия 65–66, 67, 69, 81, 83, 87, 89–90, 92, 96–97, 99, 114, 121, 123–124, 128, 132, 139, 143, 147, 149–150, 157

латинский оригинал	итальянский перевод	английский перевод	русский перевод
nobilitas / nobilis	nobilità / nobile	nobility / nobil	знатность / знатный 52, 63–64, 66, 113, 132, 151; благородство / благородный 62–63, 148, 154
officium	ufficio	office	долг 57, 81, 91, 98, 118, 155; забота 56, 60, 79–80, 88, 103, 113–114, 137, 140, 143–144, 152; обязанность 59; устройство 63, 67, 75, 76, 79, 97, 112, 121, 141, 144, 151–152, 157, 159
patricius	gentil uomo	gentleman, nobility	патриций 65–66, 72, 86, 146, 147–149, 151–152, 154–155, 157– 159; нобилъ 157
plebs	plebe	common people, people	плебс 62, 112–113, 151, 153–154; народ 107, 113, 151, 153
populus	popolo	people	народ 63–64, 76, 78, 83, 89, 95, 99, 105, 111–113, 121, 151–152, 154–155, 157–159
potestas	possanza	power	власть 66–67, 75, 77, 81, 83, 87, 101, 108–111, 114, 119, 121, 143, 149–150, 152, 157, 159
praeconsultor	proconsultore	chief councillor	преконсультор 64, 97, 102–106, 112, 118
praetor	pretor	podesta	претор 66, 127, 130, 142–143, 150, 158
princeps	principe	prince	дож 65, 68–69, 73, 81, 90, 92–94, 104–105, 107, 111, 121, 136, 139, 155; государь 55, 68, 73, 79, 83, 86, 89–90, 93, 95–97, 104, 106, 131, 136, 157; принцепс 65, 78, 81–90, 92–94, 96, 99, 104–106, 109, 111
quaestor	camerlingo	treasurer	квестор 66, 132–134, 143, 147
ratio	ragione, cagione	reason	смысл 56 занятия 56, 144–145; мысль 57; порядок 56, 76, 77, 86, 87, 89, 96, 100–101, 112, 114, 122, 128, 142–143, 147, 149

латинский оригинал	итальянский перевод	английский перевод	русский перевод
res publica	republica, re.	common- wealth, country	республика 53–55, 57–58, 60–64, 66–67, 70, 72–73, 75–78, 80–82, 84–86, 89–90, 93–102, 104, 106–108, 110–113, 115, 120–122, 124, 127, 130–131, 133–136, 140–141, 144, 146, 149–153, 155, 157–159; государство 53–55, 59, 61, 63, 80–81, 84, 89, 100–101, 103, 106, 111, 114, 116, 119, 130, 132, 134, 140, 142, 149, 151–152, 155, 157, 159; общее дело 151
sapiens	savio	wise, sage	мудрец 58, 64, 102–105, 110, 136
scriba primus	gran cancelliero	chief chauncellor	великий канцлер 192; главный секретарь 67, 72, 74, 91, 100; канцлер 155
societas	compagnia	society, assembly, fellowship	общество 55, 59–60, 63, 76, 78–79, 86, 146, 156–157; сообщество 57, 62, 98, 127, 131, 142; союз 131, 158
status	stato	estate	государство 57, 60, 75; власть 81, 99, 107, 112
urbs	citta'	city	город 50–53, 61–62, 66, 79, 82, 85–88, 91, 94, 96, 124, 127, 136–138, 141–143, 145, 147, 150, 158
mirtus	virtu'	virtue	доблесть 54–57, 60, 64, 144; добродетель 56, 58, 61, 76, 83
X viri	capi di dieci	tenne	десять мужей 64, 66–68, 97, 101, 109
XL viri	quarantia	forty men	сорок мужей 85, 91, 97, 101, 105–106, 113–114, 117–120, 122, 124–125, 127–128; Кварантия 119

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Август, римск. император 52
 Адриани М. В. 32
 Александр III, папа 85
 Александр VI Борджиа, папа 21–22
 Александр Македонский, макед. царь 59
 Альфонсо I Эсте, феррар. герцог 21
 Анафест Павел Луций, дож 88
 Антоний Марк, римск. консул, триумвир 115
 Апулей, римск. поэт 58
 Аргиропуло Иоанн, визант. ученый 58
 Аристотель, др.-греч. философ 15, 18, 34–35, 58–59, 70, 78, 80, 83, 98–99, 102–103, 151–153
 Атила, вождь гуннов 52
- Байокки А.* 185
 Барбариго Агостино, дож 90
 Барон Ханс 204
 Беллини Джентиле, живописец 156
 Бембо Пьетро, гуманист 187
 Би Вуд, англ. лорд 208
 Боден Жан, фр. мыслитель 40, 205–206, 211
 Борджиа Чезаре, кардинал, гонфалоньер Церкви 177
 Ботеро Джованни, философ, см. также Botero Giovanni 193
 Боусма У., см. также Bowsma W. 172, 184
 Брагинская И. В. 83
- Браччолини Поджо, гуманист 199
 Бруни Леонардо, гуманист 162
Буркхардт Я., см. также *Burckhardt J.* 162, 171, 186
- ван Зейхем Виглиус, нидерл. правовед 45
 Варшевицкий Христофор, польск. писатель 206
 Васкозан Мишель, владелец типографии 45
Вей У. 207
 Веньер Зуан Антонио, венец. писатель 189
 Верджерио Пьер Паоло, гуманист 198
 Веронезе Паоло, живописец 156
 Веррес Гай Люциний, претор Сицилии 115
 Верроккьо Андреа, скульптор 146
- Гаспаров М. Л.* 144
Газта Ф., см. также *Gaeta F.* 178, 182
 Гвиччардини Франческо, итал. историк и писатель 22, 201–202, 208
 Гелен Зикмунд, чеш. мыслитель 45
 Генрих IV, император Св. Рим. империи 174
 Георгий Трапезундский, греч. философ 198–199, 202
Герцен А. И. 39
Гилберт Ф., см. также *Gilbert F.* 33, 45, 176, 178–179, 186
Глизон Э., см. также *Gleason E.* 13, 26–27, 29

* Составлен на текст трактата Г. Контарини и тексты сопроводительных статей М. А. Юсима и Э. Мюира. Курсивом выделены фамилии исследователей. Составитель А. А. Вовин.

Григорий VII, папа 174
Гритти Андреа, дож 94, 134, 183

Дамиани Пьетро, богослов 174
Дандоло Андреа, дож 175
да Порто Луиджи, писатель, см.
также da Porto Luigi 180–181,
194, 196
да Равенна Конверсино Джованни
204

Демосфен, др.-гр. оратор 115
Джаннотти Донато, писатель, см.
также Giannotti Donato 33–34,
47, 55, 201, 202–204

Дживелегов А. К. 22
Джонсон Бен, англ. драматург 47,
208

Джустиниани Бернардо, гуманист
175

Джустиниани Томмазо, писатель
16, 17, 29

Дзено Реньер, венец. полит.
деятель 188–189

Диакон Джованни, хронист 173
Диоген Лаэртский 144

Диттрих Ф., см. также *Dittrich*
F. 12

д'Монако Лоренцо, хронист 175
Доменики Лодовико, переводчик
трактата 46–47

Дона Франческо, дож 163

Елизавета I, англ. королева 208

Жебелев С. А. 80

Кальдьера Джованни, гуманист
165

Кампанелла Томмазо, философ, см.
также Campanella Tommaso 32

Карафа Джампьетро, епископ, см.
также Павел IV, папа 24

Карл V, император Св. Римск.
империи 19–20, 22, 27–28
Карл Великий, франк. король 52,
88
Карпаччо Витторе, живописец 156
Катилина Луций Сергий, римск.
политик 107
Катон Марк Порций (Старший),
римск. политик, писатель 61
Квеллер Д. Е., см. также
Queller D. E. 190
Кверини Винченцо, писатель
16–18
Кверини Марко, венец. политик
170

Кир, перс. царь 70
Климанов Л. Г. 9, 14, 18, 39
Климент VII, папа 21
Коллеони Бартоломео, кондотьер
146

Колонна Асканио, граф 28
Колонна Виктория, поэтесса 26
Компани Дино, хронист, см.
также Compagni Dino 37

Контарини Альвизе, отец
Г. Контарини 14

Контарини Андреа, дож 54
Контарини Николо, дож 189
Коперник Николай, астроном 16
Кориат Томас, англ.

путешественник 208
Корнер Джованни, дож 188
Коцци Г., см. также Cozzi G. 176,
178–180, 186
Кромвель Оливер, лорд-протектор
209

Ксенофонт, др.-греч. историк 70

Ларуш Л., амер. экономист 42
Лев X, папа 17
Литгоу У., см. также *Lithgow W.* 167
Лоредан Леонардо, дож 195

- Льюкенор Льюис, переводчик трактата 7, 14, 39, 46–47
Лэйн Фредерик, см. также *Lane F. C.* 169, 174–175, 177, 196
 Людовик XII, фр. король 131, 157
 Лютер Мартин, теолог 14, 16, 20, 24, 29, 32

 Макиавелли Никколò, философ 8, 16, 21–22, 31–32, 201–202, 204, 210
 Максимилиан, император Св. Римск. империи 17, 158
 Малипьеро Поликсена, мать Г. Контарини 14
Малоун Э. 47
 Марий Гай, римск. консул 107
Маркиш С. П. 61
Медведев И. П. 14
 Монтескье Ш., фр. философ 211
 Морисон Ф., см. также *Moryson F.* 208
 Морозини Доменико, венец. писатель 186
 Мор Томас, англ. философ, канцлер 20, 32, 181
 Мочениго Альвизе, венец. патриций 24
 Мочениго Андреа, гуманист 181
 Мюир Э., см. также *Muir E.* 8, 32, 35, 37, 39–40, 42, 161

 Наваджеро Андреа, гуманист 181
 Негри Франческо, писатель 199
 Нифо Агостино, философ 16
 Новелло Паоло, посол 163–164

 Павел III, папа 23, 26, 28
 Павел IV, папа, см. также Карафа Джампьетро, епископ 11, 25
 Пальчовский Павел, польск. писатель 206

 Партичиано Джустиниано, дож 173
 Парута Паоло, венец. политик 184–185
Пейер Г. К., см. также *Peyer H. C.* 173, 178
 Пенн Уильям, основатель штата Пенсильвания 211–212
 Петрарка Франческо, поэт, см. также *Petrarca Francesco* 172
 Пипин Короткий, франк. король 52, 88
 Платон, др.-греч. философ 99, 105, 117, 144
 Плутарх, др.-греч. писатель 61
Покоск Дж., см. также *Rosock J. G. A.* 183, 203
 Пол Реджинальд, епископ 24, 45
 Помпонацци Пьетро, философ 11, 15–16
 Птолемей Луккский, философ 174
Пуллан Брайан, см. также *Pullan B.* 192–193, 195, 197–198

 Рапп Ричард Тилден, см. также *Rapp R. T.* 196
 Ребиба Шипионе, кардинал 46
Роуз Дж. 42
 Руссо Ж.-Ж., фр. философ 161
Рутенбург В. И. 14
 Ручеллаи Бернардо 200–201
 Ручеллаи Козимино, внук предыдущего 32

 Сабеллико Маркантонио, писатель 199
 Савонарола Джироламо, проповедник 163, 165, 200, 212
 Садолето Якопо, кардинал 24, 45
 Сануто (Санудо) Марино, венец. хронист, см. также *Sanuto Marino* 23, 175–176, 187

Именной указатель

[RES-PUBLICA]

Сарпи Паоло, венец. писатель и
правовед 172, 185, 208–209
Сезострис, др.-егип. законодатель
151

Сенарега Маттео, генуэз. дож,
см. также *Senarega Matteo* 35

Сигизмунд II Август, польск.
король 206

Сидни Ф. 47

Сулла Луций Корнелий, римск.
диктатор 107

Сфорца Франческо Мария, милан.
герцог 22

Сципион Публий Корнелий
(Назика), римск. Консул 61

Тененти Альберто, см. также
Tenenti A. 178–179, 195

Тинторетто (Якопо Робусти),
живописец 156

Тициан Вечелио, живописец 156

Томас Уильям, англ. писатель 207

Торкингтон Ричард, англ.
путешественник 208

Тревисан Доменико, венец. сенатор
134

Тьеполо Байямонте, венец.
политик 86, 170

Фазоли Джина, см. также *Fasoli G.*
173–174, 178, 204

Фальер(Фальеро) Марино, дож
110–111

Фасмер М. 37

Ферамеска Шипионе, венец.
писатель 166, 192

Фердинанд II, араг. король 21

Филипп Красивый, бург. герцог
17

Фиц-Саймон Саймон 207

Флетчер Джильс (Джайлс), англ.
дипломат 39

Фоскари Марко, венец. дипломат,
см. также *Foscari Marco* 170

Фоскари Франческо, дож 111

Франджипане Корнелио, дипломат,
см. также *Frangipane Cornelio*
163, 166

Франциск I, фр. король 27

Фридрих Барбаросса, император
Св. Римск. империи 85

Харрингтон Джеймс, англ.
писатель 7, 39, 209–211

Хауэлл Джеймс, англ. писатель,
см. также *Howell James* 209, 211

Хэйл Джон, англ. путешественник
208, 211

Цезарь Гай Юлий, римск. диктатор,
триумvir 107, 115, 146

Цицерон Марк Туллий, римск.
консул, оратор 8, 30, 38, 78, 115

Чойнацки С., см. также *Chojnacki*
S. 174, 189

Шабо Ф., см. также *Chabod F.* 178

Шейнман-Топштейн С. Я. 144

Шекспир Уильям, англ. драматург,
поэт 7, 47, 123, 208

Эньяцио Джамбаттиста, гуманист
181

Эразм Роттердамский, нидерл.
гуманист 23

Юлий II, папа 19, 131, 157

Яков I, англ. король 207–208

Bardi Girolamo, писатель 168

Barkun M. 165

Baron H. 163, 204

- Berenson B.* 171
Bianchini G. 12
Biliński B. 207
Botero Giovanni, философ, см.
     также Ботеро Джованни 193
Bowd S. D. 17
Bowsma W. J., см. также *Боусма У.*
     173, 179, 184–185
Bracciolini Poggio, гуманист 172
Brieger Th. 12
Brucker G. 199
Burckhardt J., см. также
     Буркхардт Я. 162

Campanella Tommaso, философ, см.
     также Кампанелла Томмазо 205
Casadei A. 31
Chabod F., см. также *Шабо Ф.*
     177–178
Chambers D. S. 175
Chojnacki S., см. также *Чойнацки*
     С. 174, 189
Christoffel R. 12
Cochrane E. 191, 195
Cohn N. 165
Compagni Dino, хронист, см. также
     Компаньи Дино 37
Cozzi G., см. также Коцци Г. 171,
     176, 180, 186, 189

da Porto Luigi, писатель, см. также
     да Порто Луиджи 181
Davis C. T. 174
Davis J. C. 169
De Leva G. 15
Dittrich F., см. также *Дитрих Ф.*
     11–12
Douglas-Scott M. 13

Fasoli G., см. также *Фазоли Д.*
     173–174, 204
Fink Z. S. 211

Finlay R. 13, 169, 177
Firpo M. 30
Foscari Marco, венец. дипломат, см.
     также Фоскари Марко 171
Fragnito G. 11, 12, 14, 46
Francastel G. 175
Frangipane Cornelio, дипломат, см.
     также Франджипане Корнелио
     163–164, 166
Furey C. 12–13

Gaeta F., см. также *Газета Ф.* 179
Giannotti Donato, писатель, см.
     также Джаннотти Донато 7, 13,
     33–34, 53, 191, 202–203
Gianturco E. 206
Gilbert F., см. также *Гилберт Ф.*
     13, 33–34, 45, 53, 55, 176, 177,
     179, 182, 184, 187, 192, 199–201
Gilmore M. P. 182, 184, 203, 206
Giustiniani B. 175
Gleason E., см. также *Глизон Э.* 11,
     14–17, 19, 20, 22–31, 33
Grendler P. F. 171, 185, 197

Hackert H. 13, 45
Hale J. R. 173, 177, 179–180, 182,
     191, 196, 211
Hammer W. 175
Harbison E. H. 13
Howard D. 175
Howell James, англ. писатель, см.
     также Хауэлл Джеймс 209

Jedin H. 16, 17

King M. L. 165
Koranyi K. 207

Labalme P. H. 175
Lane F.-C., см. также *Лэйн Ф.* 169,
     174–175, 177, 191, 195, 196

- Law J. E.* 169
Libby Jr. L. J. 177, 181, 191
Lithgow W., см. также *Литгоу У.* 167
Livesay J. L. 209
Lowry M. J. C. 184, 188

Maranini G. 168
Matteucci N. 201, 211–212
McPherson D. 7, 14, 47
Medin A. 171
Meiss M. 171
Moryson F., см. также *Морисон Ф.* 208
Mosto A., da 168, 170, 192
Mueller R. C. 170
Muir E., см. также *Мюир Э.* 47, 164, 171, 196
Muraro M. 175

Parks G. B. 207
Pastor L., von 12
Pecchioli R. 185, 199
Petrarca Francesco, поэт, см. также *Петрарка Ф.* 172
Peyer H. C., см. также *Пейер Г. К.* 173
Piovene G. 175
Platt P. G. 14
Rosock J. G. A., см. также *Покок Дж.* 7, 182–183, 200–204, 211
Priuli Girolamo, дож 168, 177
Pullan B., см. также *Пуллан Брайан* 183, 191–193, 197–198, 209

Queller D. E., см. также *Квеллер Д. Е.* 190

Rabb T. K. 13
Rapp R. T., см. также *Рапп Ричард* *Тилден* 196

Romanelli F. C. 12
Rosand E. 171
Rose C. J. 181–182, 187, 189, 194–196, 201–202
Rossi V. 188
Ross J. B. 12, 16, 18, 182
Rubinstein N. 177, 182, 205

Sansovino Francesco, писатель 163–164, 166–167, 171, 183
Sanuto (Sanudo) Marino, венец. хронист, см. также *Сануто Марино* 176, 187
Segarizzi A. 171
Seigel J. E. 13
Senarega Matteo, генуез. дож, см. также *Сенарега Маттео* 35
Smith L. P. 193
Smith R. H. F. 211
Sperling J. 13
Spinola M. 35
Stella A. 184

Tenenti A., см. также *Тененти Альберто* 179, 196
Thomas W. 208

Weinstein D. 163, 165, 177, 200
Wolff R. L. 175

Н а у ч н о е   и з д а н и е

**Г А С П А Р О   К О Н Т А Р И Н И
О МАГИСТРАТАХ И УСТРОЙСТВЕ
ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

под. ред. М.М. Крома, О.В. Хархордина

Серия [RES PUBLICA]; вып. 7

Редактор, корректор *О.С. Капполь*
Дизайн *А.Ю. Ходот*   О р и -
гинал-макет *М.Ю. Виноградова*

**И з д а т е л ь с т в о
Европейского университета
в   С а н к т - П е т е р б у р г е**

191187, Санкт-Петербург
ул.   Г а г а р и н с к а я ,   3
Тел.   +7   812   386   7627
Ф а к с   +7   812   386   7639
e-mail: books@eu.spb.ru

Интернет-магазин Издательства:
W W W . E U P R E S S . R U

Подписано в печать 27.11.2012.
Формат 60×84 ¹/₁₆ Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы
« Р е н о м е » ,
192007 Санкт-Петербург, наб. Обводного
к а н а л а ,   д .   40
тел./факс (812) 766-05-66
e-mail: renome@comlink.spb.ru
w w w . r e n o m e s p b . r u

К Н И Г И

Издательства Европейского университета в Санкт-Петербурге,
вышедшие в серии [RES PUBLICA]

научный редактор серии *Олег Хархордин*

СПОРЫ О НОВГОРОДСКОМ ВЕЧЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИАЛОГ

Материалы «круглого стола»

RES PUBLICA; вып. 6, 302 с., 2012 г.

ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО К ПУБЛИЧНОМУ

Сборник статей

RES PUBLICA; вып. 5, 530 с., 2011 г.

RES PUBLICA: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ

Сборник переводов

RES PUBLICA; вып. 4, 280 с., 2009 г.

ЧТО ТАКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Сборник статей

RES PUBLICA; вып. 3, 206 с., 2009 г.

Манен, Бернар

ПРИНЦИПЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ

пер. с англ. Евгения Рощина

RES PUBLICA; вып. 2, 323 с., 2008 г.

Скиннер, Квентин

СВОБОДА ДО ЛИБЕРАЛИЗМА

пер. с англ. Артемия Магуна

RES PUBLICA; вып. 1, 120 с., 2006 г.

Все книги издательства можно купить на WWW.EUPRESS.RU

DELLA
REPVBLICA
ET MAGISTRATI DI
V E N E T I A
L B R I V.

DI M. GASPARO CONTARINI,
che fu poi Cardinale.

*Con un Ragionamento intorno alla medesima di M.
Donato Giannotti Fiorentino.*

Et i discorsi di M. Sebastiano Erizzo, & di M. Bartolomeo
Caualcanti: aggiuntoui vno di nuouo dell'eccellenza delle
REPVBliche.

*Onde con molta dottrina si mostra, quanto siano utili i governi publici,
& necessari i priuati, per conseruatione del genere humano,
con la diffinitione di tutte le qualità de gli Stati.*

IN VENETIA, CIO. IO. XCI.
Presso Aldo.

THE
COMMON-
WEALTH AND
Gouernment of VENICE.

WRITTEN BY THE
Cardinall Gasper Contareno, and tran-
slated out of Italian into English, by
Lewes Lewkenor Esquire.
Nel piu bel vedere cieco.

VVith sundry other Collections, an-
nexed by the Translator for the more cleere and
exact satisfaction of the Reader. With a short
Chronicle in the end, of the liues and
raignes of the Venetian Dukes, from
the very beginniges of
their Citie.

LONDON
Imprinted by *Iohn Windet* for *Edmund Mattes*, and
are to be sold at his shop, at the signe of the
Hand and Plow in Fleetstreet. 1599.

Титульный лист латинского издания 1626 г. Нидерланды.

**Неизвестный художник. Вид Малой площади (Piazzetta),
Дворца дожей и Новой тюрьмы со стороны лагуны (ок. 1800 г.)**

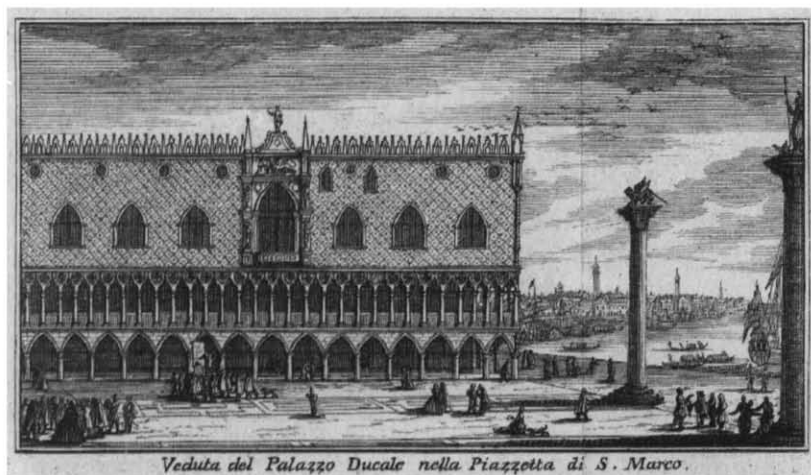
© Trustees of the British Museum

Лука Карлеварио.
Двор Дворца дожей (1703 г.)
© Trustees of the British Museum

Йозеф Хайнц Младший (1600–1678).
Сцена голосования в зале Большого Совета.
Дворец дожей, Венеция

Франческо Дзукки.

Вид Дворца дожей на Малой площади (Piazzetta) св. Марка (сер. XVIII в.)

© Trustees of the British Museum

Витторе Карпаччо.
Лев св. Марка, Дворец дожей, Венеция (1516 г.)

«Мне часто приходилось замечать, как многие чужеземцы, благоразумные и сведущие в науках мужи, впервые попадая в Венецию и созерцая величие этого города, приходят в такой восторг и восхищение, что, судя по их виду, они не могут представить себе ничего более удивительного и прекрасного. Однако не все они поражались одному и тому же, ибо некоторым казалось чудесным и почти невероятным то, что в одно место постоянно и непрерывно из всех уголков и краев Земли свозится такое множество товаров, которые потом по суше и по морю поступают к самым разным народам. Других привлекало городское многолюдство, стечение чуть ли не всех наций, как будто Венеция — это главное всемирное торжище. Некоторые дивились грандиозности ее владений, которые далеко простираются по воде и по суше; однако многие люди наиболее искушенного и острого ума превыше всего ценили необычность ее местоположения, столь удобного, что оно кажется избранным бессмертными богами, а не людьми, почему град Венеция и превосходит все прочие, где и когда-либо существовавшие вплоть до нашего времени...»

*Гаспаро Контарини.
О магистратах и устройстве
Венецианской республики.
Книга первая.
С. 50*

ISBN 978-5-94380-138-9